

Г. И. ИВАНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ



Г. И. ИВАНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ

Издательство
политической литературы
Москва · 1975

~~1ФБ~~
И20

Иванов Г. И.
И20 Социальная сущность теории конвергенции М., Политиздат, 1975.

200 с. (Соц. прогресс и буржуазная философия).

Процесс политической разрядки, происходящий в современном мире, заставляет буржуазных теоретиков искать новые, более гибкие формы борьбы с марксистско-ленинской идеологией. Одной из альтернатив марксизму на Западе считается теория конвергенции, претендующая на роль социальной философии современности. Книга кандидата философских наук Г. И. Иванова — опыт целостного, комплексного исследования и марксистской критики этой доктрины. Рассчитана на пропагандистов и специалистов по общественным наукам.

И $\frac{10506-077}{079(02)-75}$ 184—75 1ФБ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Превращение социализма в решающий фактор мирового развития с особой остротой поставило на повестку дня вопрос о судьбах капитализма, о путях его дальнейшего развития. Современную буржуазию не может не волновать ее будущее, будущее того строя, который она создавала столетиями. И хотя буржуазия еще не верит, что капитализм изжил себя как общественный строй, что ему уже вынесен суровый приговор истории, она предпринимает энергичные меры, стремясь сдержать натиск социализма, соорудить заслон на пути его идей, влияние которых все более очевидно дает о себе знать в капиталистическом мире.

Монополистические круги капиталистических стран и их идеологи еще надеются удержать в своих руках фактически утраченную историческую инициативу. В плане теории их усилия в настоящее время направлены на то, чтобы противопоставить марксистскому пониманию перспектив развития общества свои альтернативы, способные конкурировать с марксизмом в борьбе за влияние на народные массы.

Острая потребность государственно-монополистического капитализма в глобальной социальной доктрине, не только оправдывающей его настоящее, но и рисующей в оптимистических красках его будущее, вызвала к жизни целую группу концепций, известных в марксистской литературе как «теории индустриального общества». Одной из новейших разновидностей этих теорий является теория конвергенции.

Теория конвергенции, или синтеза капитализма и социализма,— одна из наиболее гибких идеологических конструкций современного Запада, ее цель —

обосновать историческую перспективу человечества, оставляя незыблемыми основы капитализма. Естественно, она безоговорочно отрицает принципиальные положения марксизма-ленинизма о революционном преобразовании общества, об объективной необходимости и неизбежности победы социализма, о революционной роли рабочего класса и его партий в происходящих ныне социальных изменениях общества, связанных с бурным развитием научно-технической революции.

Отрывая научно-техническую революцию от социальной, идеологи конвергенции обходят вопрос о главном противоречии нашей эпохи, вследствие чего борьба капитализма и социализма выступает у них как некий абстрактный исторический фон развития НТР, теряя тем самым свою остроту и значимость.

Многие буржуазные экономисты и социологи в целях обоснования своих прогнозов о конвергенции систем капитализма и социализма нередко обращаются к исследованию социально-экономических процессов. Подмечая те реальные проблемы, которые вызывает к жизни динамика современного капиталистического производства, высказывая немало ценных наблюдений в анализе частных экономических явлений, они дают при этом односторонние оценки этих явлений, скатываясь к искажению существа социально-экономических взаимосвязей общества, когда речь идет о принципиальных обобщениях. Это проявляется не только в типичном для буржуазных теоретиков игнорировании определяющей роли отношений собственности на средства производства, но и в явной абсолютизации значимости таких, бесспорно, важных социально-экономических явлений капитализма, как растущая концентрация производства, усиление регулирующей роли государства, использование корпорациями методов планирования и т. п., которым часто приписывается способность спонтанного преобразования сущности капиталистических отношений, «автоматического» превращения общества монополий в «индустриальное общество», где классовый антагонизм якобы теряет всякое значение.

Теоретики конвергенции любят говорить о «затухании» классовой борьбы, об «интеграции рабочего класса» в капиталистическую систему, о возможности «социализации» капитализма путем осуществления в нем ряда половинчатых по своему содержанию социальных реформ.

В сфере исследования социально-экономических явлений рассуждения теоретиков конвергенции в той или иной степени связаны с предметной основой. Но эта основа исчезает, уступая место субъективизму и домыслам, когда речь идет о широком сопоставлении духовных процессов внутри капитализма и социализма. Типичный пример подобного субъективизма — поддержка теоретиками конвергенции идей «деидеологизации» духовной жизни противоположных систем, замены «политической идеологии» «новой», якобы пригодной для всех современных индустриально развитых стран идеологией «технократического сознания». Беспочвенность подобных буржуазно-либеральных иллюзий в свое время убедительно показал В. И. Ленин: «...вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [1].

* *
*

Зародившись в послевоенное десятилетие, теория конвергенции быстро завоевала симпатии во многих индустриально развитых странах капиталистического мира. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что в разработке ее основных положений и аргументов принимали или принимают участие такие известные представители философской и социально-экономической мысли Запада, как

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39—40.

Ж. Фурастье, Фр. Перру, Р. Арон (Франция); П. Сорокин, У. Бакингем, Дж. Гэлбрейт (США); Ян Тинберген (Голландия); Г. Шельский, Р. Лилиенштерн, О. Флехтгейм (ФРГ). Гибридный, эклектический характер теории конвергенции также сыграл не последнюю роль в том, что к ней стали обращаться самые различные по своим взглядам социальные слои Запада — от гуманистически настроенных буржуазных либералов до оголтелых антикоммунистов.

Буржуазные либералы связывают с ней надежды на эффективное решение острейших проблем современного капитализма, конечно не ставя при этом вопроса о коренном изменении его социальной природы. Либералы предлагают абстрактные проекты создания «единой системы» международного экономического планирования и распределения материальных благ, «мирового правительства» и тому подобные утопии. Многие из них пытаются отыскать в теории конвергенции «реальные основы» политики мирного сосуществования стран с различным социальным строем, рассматривают ее как средство устранения острых международных конфликтов.

Реформистские идеологи видят в некоторых положениях теории конвергенции подтверждение правильности своих выводов о «третьем пути» развития человечества, исключающем как капиталистический, так и социалистический варианты, рассматривают ее как аргумент в пользу стратегии «классового мира», нейтрализации революционных сил в странах капитала.

Возникнув в либеральных кругах, идеи конвергенции были сразу же подхвачены ярыми антикоммунистами, которые стали использовать их в разработке стратегии идеологических диверсий, в осуществлении планов «психологической войны», «либерализации» и «плюрализма», направленных на подрыв сил социализма «изнутри». В буржуазно-социологической литературе последних лет можно встретить немало откровенных утверждений о том, что начиная с 1967 г. теория конвергенции, едва заметная прежде в ряду прочих концепций антикоммунизма, начинает переживать своеобразный «ренессанс»,

«становится центральной темой идеологической борьбы» [1].

В настоящее время особенно интенсивный характер приобретает обсуждение проблематики теории конвергенции в Западной Германии, где ряд буржуазных идеологов пытается связать с ней поиски «новых» путей решения так называемой «германской проблемы». Теория конвергенции здесь постоянно в центре внимания буржуазной прессы. Такие известные в ФРГ газеты, как «Ди Цайт», «Франкфуртер Рундшау», «Франкфуртер Альгемайне», охотно посвящают ей многочисленные публикации. В 1972 г. вокруг нее развертывается острая полемика на страницах еженедельного приложения к газете «Дас Парламент» — центрального органа СДПГ, которая продолжается до сих пор. Согласно прогнозам Вильфрида фон Бредова, автора недавно вышедшей книги «От антагонизма к конвергенции?» «дискуссия о теории конвергенции в Федеративной Республике Германии еще не достигла своего высшего пункта» [2].

Уже сам факт возникновения и широкого распространения теории конвергенции — весьма примечательное явление общественной жизни современного капиталистического общества. Этот факт — свидетельство глубокого кризиса, охватившего буржуазную идеологию, провала традиционных форм апологетики капитализма, его стратегии наступления на социализм и марксизм-ленинизм с открытым забралом. Вместе с тем он говорит также о стремлении определенной части монополистических кругов и их идеологов «оздоровить» капитализм за счет более жизнеспособных элементов, произвольно трансплантированных из социалистической действительности (например, таких, как экономическое планирование, опыт участия трудящихся в управлении производством и т. д.).

В этой связи становится ясным, какое важное значение приобретает критический анализ теории конвергенции, глубокое и всестороннее рассмотрение ее

---

[1] *K. Pritzel.* Die Sowjetkommunisten und die Konvergenztheorie. In: «Aus Politik und Zeitgeschichte», Bd. 50, 1970, S. 18.

[1] *W. von Bredow.* Vom Antagonismus zur Konvergenz? Frank furt am Main, 1972, S. 11.

содержания и основных аргументов с позиций марксизма-ленинизма. Актуальность такой задачи очевидна и в той связи, что в наши дни в странах капиталистического мира идеи конвергенции из сферы собственно экономической стали все энергичнее проникать в культуру, педагогику, утвердились в философии и религии. Заметно усиливаются претензии рассматриваемой доктрины на роль своеобразной методологической базы в обосновании новейших теоретических конструкций буржуазной мысли, например теории «постиндустриального общества». Идеи конвергенции проникают в рабочее и коммунистическое движение, находят подчас явное сочувствие в среде ревизионистов.

Принимая во внимание все эти моменты, опираясь на уже накопленный опыт теоретического рассмотрения буржуазных концепций общественного развития (и прежде всего концепции «индустриального общества») с критических позиций марксизма, автор предлагаемой работы ставил перед собой задачу дать целостное представление о характере и социальной сущности теории конвергенции, показать, как, извращая социальную природу процессов внутри современного капиталистического общества, буржуазная общественная мысль пытается создать новую, более гибкую и изощренную по сравнению с предшествующими форму его апологетики.

Глава I. ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ КАК БУРЖУАЗНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА МАРКСИСТСКОМУ УЧЕНИЮ О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

1. Философско-социологическое кредо теории конвергенции

Понятие «конвергенция» перешло в социологию из области естественных наук[1]. Используя естественнонаучную аналогию, сторонники идей конвергенции утверждают, будто капиталистическая и социалистическая системы, и в первую очередь США и СССР, вследствие их общей принадлежности к «единой индустриальной цивилизации» и идентичных требований развития научно-технической революции решают сегодня приблизительно одни и те же (причем не только технико-организационные, но и самые широкие общественные) проблемы. Это обстоятельство, в свою очередь, сказывается на развитии их социально-экономических и даже политических структур, которые под воздействием равнозначных технических факторов начинают не только изменяться, но и обнаруживают тенденцию к сближению чуть ли не по всем позициям. При этом речь идет не о внешнем сходстве или поверхностных аналогиях, но о «динамическом приросте» существенных сходных признаков, «о прогрессирующем нарастании сближения по конвергентным линиям».

---

[1] Лингвистический смысл латинского слова «convergere» — склоняться, сближаться, сходиться в одной точке. В биологии им обычно обозначают возникновение и развитие сходств в строении тела или же в функциях различных организмов вследствие их приспособления к относительно одинаковым условиям жизни. В геометрии понятие конвергенции применяют для характеристики двух сходящихся и перекрещивающихся в определенной точке линий. В медицине конвергенцией называют явление схождения линий зрения пары глаз.

«Кажется, как будто пришел в движение всеохватывающий процесс ассимиляции» [1],— писал западногерманский философ и социолог граф фон Кроков, комментируя изменения, происходящие в современном мире.

Отрицая коренную социально-классовую противоположность капитализма и социализма, идеологи конвергенции рассматривают процесс их развития как такое сближение, которое ведет к постепенному сущностному перерождению и интеграции качественно различных систем. В результате социализм должен приобрести некоторые черты капитализма — «либерализоваться», а капитализм — некоторые черты, присущие социалистическому обществу,— «социализироваться». Эволюционируя таким образом навстречу друг другу, обе системы приближаются к новому, неизвестному еще доселе истории «синтетическому», «смешанному типу общества». Как утверждал американский философ и социолог П. Сорокин, «этот тип будет средним между капиталистическим и коммунистическим порядками. Он объединит наиболее положительные ценности обоих мировоззрений и будет свободен от их серьезных недостатков» [2].

Свои прогнозы о неизбежности сближения и взаимослияния качественно различных социально-экономических систем теоретики конвергенции пытаются подкрепить ссылками на реальные изменения, происходящие в современном обществе, часто апеллируя к новейшим достижениям буржуазной экономической науки. «Современная экономическая теория,— пишет Я. Тинберген,— считает, что самый лучший строй представляет собой синтез некоторых элементов капиталистической эффективности и социалистического равенства» [3].

---

[1] *C. C. von Krockow.* Soziologie des Friedens. Drei Abhandlungen zur Problematik des Ost-West Konflikts. Gütersloh, 1962, S. 176.

[2] *P. A. Sorokin.* Soziologische und kulturelle Annäherungen zwischen den Vereinigten Staaten und der Sowjetunion. In: «Zeitschrift für Politik», 1960, N 4, S. 341.

[3] *Я. Тинберген.* Идеология и научное развитие. Оптимальный строй. «Международная политика», 1965, № 372 (Белград), стр. 6.

Названные выше общие посылки теории конвергенции представляют, по существу, ее краткое философское кредо. Оно включает в себя три важнейших теоретических положения современной буржуазной общественной науки: 1) представление о единой технико-экономической основе капитализма и социализма; 2) особый взгляд на послевоенный процесс общественного развития как процесс растущего сближения различных систем, ведущий к слиянию их на определенной ступени; 3) представление об обществе будущего как синтезе ряда характерных черт, присущих обеим общественным организациям. Знакомство с рядом конвергенционных гипотез буржуазных теоретиков показывает, что все эти положения в той или иной степени присутствуют в их оценках современного состояния общественного развития. Однако главное внимание в этих оценках уделяется все же процессу сближения, рассматриваемому с экономической точки зрения.

В капиталистических странах процесс изменения общества сопровождается возрастанием экономической роли государства и попытками ограничить действие стихийности в производстве и обмене. В этой связи внимание теоретиков конвергенции привлекают такие явления, как рост государственного сектора, усиление роли управленческих функций государства, его участие в распределении прибыли, зависимость принимаемых предпринимателями решений от постановлений государственных органов, масштабы применения методов хозяйственного планирования, внедрение определенных форм контроля за оплатой труда и ценами.

В социалистических странах, по мнению теоретиков конвергенции, наблюдается обратный процесс, главное содержание которого выражается в сокращении экономической роли государства, использовании элементов и принципов «рыночной экономики». В соответствии с этим расширяются права предприятий, центр тяжести планирования перемещается от центральных государственных органов непосредственно в производственную сферу. Усиливается влияние таких экономических категорий, как цена и прибыль. Принцип оплаты по труду, с их точки

зрения, при последовательном его проведении существенно сближает социализм и капитализм в экономическом отношении.

Наряду с многочисленными экономическими вариантами сближения систем капитализма и социализма (Я. Тинберген, В. С. Бакингем, Р. Лиллиенштерн, Дж. Гэлбрейт) существует ряд концепций, проповедующих конвергенционное развитие в сферах, относящихся к надстройке общества — в его политических институтах, культуре, воспитании, этике, праве и т. п. Основные усилия здесь направлены на доказательство «трансформации» социальной структуры буржуазного общества, на сглаживание его классовых противоречий, на распространение идей «классового мира» и «классового сотрудничества» как необходимых последствий всеохватывающего процесса индустриализации. Подобные утверждения можно встретить и в экономических концепциях конвергентов [1], однако специальную разработку они получили в трудах социальных философов Запада — П. Сорокина, Р. Арона, Г. Маркузе, Э. Кинингера и др.

Пожалуй, наименьшей популярностью среди конвергентов пользуются идеи сближения в области идеологии. Тем не менее концепция «интегральной социологии и идеологии», провозглашенная П. Сорокиным на VI социологическом конгрессе в Эвиане, находит определенный отклик в лагере буржуазных теоретиков. Ее своеобразная интерпретация встречается в трудах представителей франкфуртской философско-социологической школы (Г. Маркузе, Ю. Хабермас), Х. Шельского, ревизионистских теоретиков типа Э. Фишера. Она находит живейшее обсуждение в работах 70-х годов, опубликованных рядом социал-реформистских идеологов [2].

---

[1] Этот термин автор использует в целях упрощения вместо понятия «сторонники теории конвергенции капитализма и социализма».

[2] *K. Dopfer*. Ost-West Konvergenz. Zürich. 1971; *H. von Berg*. Technologie und Ideologie. In: «Ost-West Konferenz 1972. Konferenzprotokoll Institut für Politik und Wissenschaft». Hamburg. 1972; *W. von Bredow*. Vom Antagonismus zur Konvergenz? Frankfurt am Main, 1972.

Если в плане признания принципиальной возможности сближения Запада и Востока приверженцы конвергенции демонстрируют, как правило, устойчивое единство позиций, то в оценке его содержания, развития, широты и глубины охвата различных сторон общественной жизни, в определении временных границ ожидаемого ими синтеза систем наблюдается чрезвычайная пестрота и противоречивость мнений.

По мнению западногерманского экономиста Р. Лилиенштерна, сегодня «существует возможность указать только линии сближения между Востоком и Западом на примерах высокоразвитых индустриальных стран»[1]. Не отрицая принципиальной целесообразности моделирования «общего будущего» человечества, Лилиенштерн тем не менее спешит добавить, что подобной модели «в реальности еще не имеется»[2]. Основным препятствием на пути солидных «индустриальных прогнозов», по его мнению, является «политическая антитеза» различных структур, которая, «несмотря на экономическое сближение... существует теоретически и практически»[3]. Неоднократно подчеркивая, что экономическое сближение предшествует политике и неизбежно влечет за собой синтез остальных сфер общественной жизни»[4], Р. Лилиенштерн вместе с тем весьма далек от поспешной абсолютизации последствий и тем более предвосхищения наблюдаемых им «ассимиляционных процессов».

Р. Лилиенштерн выражает скептическую позицию экономиста. Однако и среди социальных философов Запада нет единого мнения относительно степени и размаха предполагаемого сближения. Многие из них расходятся с П. Сорокиным не только в прогнозах по поводу будущего мирового общественного развития, но и в оценке характера самой тенденции «сближения». Сравнивая эволюцию различных

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriewirtschaft von Morgen. Ein Blick hinter den Schleier der Zukunft. Düsseldorf-Wien, 1965, S. 207.

[2] Ibid., S. 208.

[3] Ibid., S. 207.

[4] Ibid., S. 206.

сторон общественной жизни в СССР и США, известный западногерманский социолог Хельмут Шельский выходит за рамки преимущественно экономических сопоставлений и в этом отношении «конвергирует», если можно так выразиться, значительно дальше, скажем, Я. Тинбергена, вместе с тем он не разделяет и глобальных синтетических обобщений П. Сорокина, стирающего чуть ли не все качественные различия систем. Шельский пытается тщательно конкретизировать социальные аспекты сближения, значительно ограничивая их число. «...Все аналогичнее становятся,— отмечает X. Шельский,— требования промышленного труда, жизнь крупных городов, потребление, позиции по вопросам воспитания и образования, средства массовой коммуникации» [1].

Попытки различными способами сузить горизонты сближения, несмотря на признание его в качестве общей тенденции развития, представляют характерную особенность теории конвергенции на современном ее этапе. И было бы большим упрощением считать, что различия подобного рода внутри теории конвергенции носят только и исключительно формальный характер и сводятся лишь к различной степени понимания процесса «сближения», т. е. к разнице между последовательными и непоследовательными конвергентами. Поливариантность, наблюдающаяся в истолковании происходящего якобы процесса интеграции систем и его конечных целей, признание «ограниченной конвергенции», различное понимание позитивности социалистических завоеваний — это моменты, характеризующие определенные социальные сдвиги внутри государственно-монополистического капитализма, и прежде всего процесс глубокой духовной дифференциации, охватившей различные социальные группы и слои общества, в том числе и «интеллектуальную адвокатуру» монополий. Все это свидетельствует об идеологическом кризисе, переживаемом буржуазной общественной наукой.

Апологеты государственно-монополистического капитализма не могут не видеть эти явления и предпринимают встречные усилия, стремясь удержать

[1] *H. Schelsky.* Ortsbestimmung der deutschen Soziologie. Düsseldorf — Köln, 1967, S. 136.

за собой господствующие позиции в духовной ориентации общества. Стремясь достичь максимального идеологического эффекта, они используют различные идеи даже тех доктрин, которых в целом не разделяют, интегрируя эти идеи в общую совокупность буржуазных теоретических ценностей. Применительно к идеям конвергенции (ставшим важным компонентом буржуазного сознания) это означает такую их интерпретацию, в результате которой определяющее влияние в процессе сближения двух систем отводится ценностям современного капитализма. Этой же цели служат и многочисленные «дифференцированные схемы» сближения, подчеркивающие ведущую роль Запада в этом процессе. Характерное в этой связи понимание процесса сближения демонстрирует К. Клепс в серии статей, опубликованных в 1971 г. в гамбургской газете «Ди Цайт». Им рассматриваются три основных «потенциальных варианта» сближения.

Первый вариант. Экономическая система западного мира, функционирующая преимущественно на основе принципов рыночной экономики, изменяет свое местоположение и двигается «влево», в среднюю зону «функционально слабой смешанной системы», что создает впечатление о продолжающемся длительное время низвержении капитализма. В этом процессе капитализм должен последовательно пройти стадии возникновения, развития, расцвета, упадка и отмирания, «что соответствовало бы марксистскому учению, которое вот уже более 100 лет пророчит неизбежное крушение капитализма и революционный переход его к социализму» [1].

Второй вариант. Управляемые централизованным способом экономические системы Востока изменяют свои позиции на исторической шкале и двигаются «вправо». Причем темпы этого движения, как показали события в Чехословакии (во время «праж-

---

[1] *K. Kleps.* Der Traum von der Annäherung zwischen Sozialismus und Kapitalismus. In: «Die Zeit», 1970, N 44, S. 57—58. Нетрудно заметить, что марксистскому учению К. Клепс приписывает представления буржуазных историков типа О. Шпенглера и А. Тойнби о социально индифферентной смене стадий восхождения и упадка в обществе.

ской весны»), могут быть весьма различны. В соответствии с учением У. Ростоу о пяти стадиях экономического развития, все страны, вступившие в процесс прогрессирующей индустриализации, неизбежно войдут в четвертую — стадию «массового потребления», что неизбежно вызовет к жизни внутри этих стран потребность в «индивидуальной свободе».

Третий вариант. Социалистическая и капиталистическая системы одновременно оставляют свои позиции и двигаются навстречу друг другу. Причем одни страны в этом процессе будут интенсивно перенимать элементы налогового управления, в то время как другие будут в такой же степени переходить к централизованному управлению.

Объективистский характер подобных схем — форма, за которой на деле скрывается апологетика только одного варианта развития — развития социализма в сторону и по пути капитализма, сопровождаемое его «либерализацией» и перерождением.

Достаточно познакомиться с той оценкой, которую дает К. Тальхайм экономическим реформам, проводимым в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря, чтобы не осталось никаких сомнений на этот счет. Экономические преобразования в социалистической системе интерпретируются им как процесс, который «постепенно и все более приравнивает системы Востока к сегодняшним системам Запада» [1].

Еще более радикальные выводы делает западногерманский футуролог Осип Флехтгейм «в результате изучения основных факторов развития» двух крупнейших стран мира. С его точки зрения, конвергенция СССР и США сегодня является фактом в плане экономики, ее симптомы уже можно наблюдать и в сфере культуры. «Обе культуры,— констатирует Флехтгейм,— становятся все более сходными в технике и организации, в промышленности и в науке...в общем складе повседневной жизни... в любви и в семейной жизни. Причем здесь Россия следу-

---

[1] *K. C. Thalheim*. Konvergenz der westlichen und östlichen Wirtschaftssysteme? In: «Gesellschaftliche Entwicklungstendenzen in Osteuropa». Erlenbach — Zürich — Stuttgart, 1969, S. 68.

ет той же самой тропой, которой уже прошла Америка» [1].

Помимо экономистов и социологов к сторонникам теории конвергенции принадлежит также довольно многочисленная группа либерально настроенной интеллигенции, ученых различных специальностей, которые в сближении разнокачественных общественных систем усматривают путь скорейшего разрешения таких социальных проблем, как голод, нищета, безграмотность огромной части населения земного шара, как путь обеспечения мира на земле, мирного сосуществования человечества. Так, например, западногерманский ученый Вольфганг Абендрот утверждает, что техническая революция и задача незамедлительной помощи развивающимся странам создают условия «для международного планирования в направлении неантагонистического, следовательно, бесклассового общества, для сохранения цивилизации и для избежания политических катастроф» [2].

Таким образом, теория конвергенции — довольно пестрый и многоликий феномен буржуазной общественной мысли, объединяющий представителей самых разных теоретических взглядов и социальных устремлений. Наиболее рельефно в этом многообразии имен и концепций выделяются два направления, заметно отличающиеся друг от друга по классово-социальному содержанию. Во-первых, буржуазно-апологетическое направление, выражающее интересы монополистических кругов развитых капиталистических стран; во-вторых, буржуазное либерально-реформистское (весьма разношерстное по своим характеристикам) течение, левое крыло которого в значительной степени отражает оппозиционные, социально-критические настроения широких кругов западного общества [3].

---

[1] *O. Flechtheim.* Weltkommunismus in Wandel. Berlin (West), 1965, S. 211.

[2] *W. Abendroht* Planung und klassenlose Gesellschaft — Planung in Rechnung auf eine klassenlose Gesellschaft. In: «Der Griff nach der Zukunft». München, 1964, S. 261.

[3] Более подробно социально-классовое содержание теории конвергенции будет рассмотрено в гл. IV настоящей работы.

Выполняя в целом неодинаковые социальные и идеологические функции в буржуазной науке об обществе, эти направления вместе с тем содержат в себе такие моменты, которые, несмотря на разницу научных и классовых позиций их представителей, объективно роднят их между собою, сближая в ряде вопросов с единым блоком антикоммунизма.

2. К истокам идей «слияния» капитализма и социализма

Как и всякий новый идеологический конструкт, теория конвергенции нуждается в традиции. Обосновывая эту традицию, теоретики конвергенции находят ее истоки едва ли не в XIX в. Их мало смущает то обстоятельство, что социализм выступал тогда в идеальной форме — как прообраз нового общественного устройства, как будущее, за осуществление которого рабочему классу еще предстояло вести многолетнюю борьбу. О каком же сближении можно говорить применительно к эпохе безраздельного господства капиталистических отношений?

Тем не менее, по мнению западногерманского социолога и экономиста И. Беккера, подобная точка зрения не лишена основания, особенно если рассматривать процесс зарождения и развития конвергенционных идей как два тесно связанных между собою периода: период спекулятивный, когда суждения о сближении в социально-экономическом плане носят преимущественно абстрактно-теоретический характер, так как не имеют под собой достаточного материального основания, и период прагматический, когда в результате возникновения социалистического государства появляется возможность их практической реализации. В качестве демаркационной линии между ними выступает 1917 год. Объясняя правомерность допущения такой периодизации при исследовании генезиса конвергенционных идей, И. Беккер писал: «Все споры о возможности сближения экономических систем [1], которые имели место до первого

[1] И. Беккер рассматривает процесс сближения систем в данном случае только с экономических позиций.

практического опыта создания централизованной экономики в России, базируются на абстрактно-теоретическом фундаменте, поскольку все суждения о способе функционирования и тенденциях развития централизованной экономики в данной ситуации могут носить только спекулятивный характер. Напротив, все суждения, связанные с изменением в рыночной и, соответствующим образом, в плановой экономике после осуществления в России централизованного управления хозяйством, носят на себе печать реальности» [1].

Обобщая абстрактно-теоретические прогнозы различных представителей буржуазной общественной мысли дооктябрьского периода, И. Беккер приходит к выводу, что начальные шаги в этом направлении были сделаны уже социалистами-утопистами. Именно они наиболее резко высказывали свою неудовлетворенность существующим и начали поиски путей ликвидации несоответствия между действующим, но несовершенным капиталистическим строем и идеальным образом коммунистического общественного порядка [2]. Еще бóльшая роль в создании предпосылок развития конвергенционных идей принадлежит, по его мнению, марксистам. «Особая заслуга Маркса и Энгельса,— заявляет И. Беккер,— состоит в том, что они обратили внимание на изменчивость экономического и общественного строя и тем самым выдвинули первый и исходный пункт дискуссии о сближении систем» [3].

И. Беккер и сам чувствует некоторую экстравагантность подобного вывода и поэтому сразу же спешит отметить незначительность непосредственного влияния марксистской теории на процесс сближения систем, признавая в конце концов, что по существу своему она не представляет никакой гипотезы сближения, но напротив, «с самого начала исключает таковую возможность» [4]. И все же И. Беккеру жаль рас-

[1] *J. Becker.* Hypothesen zur Konvergenz der Wirtschaftsordnungen in Ost und West. Unter besonderer Berücksichtigung von Tinbergen, Suranyi-Unger, Boettecher, Aron, Hensel und Thalheim. Hamburg, 1968, S. 20.

[2] Ibid., S. 23.

[3] Ibid., S. 30.

[4] Ibid., S. 31.

статься с идеей о теоретической причастности марксистского учения к зарождению конвергенционных гипотез, поэтому он предлагает рассматривать марксизм как учение, побудившее общественную науку Запада усомниться в вечности капиталистического строя.

Не владея методологией диалектико-материалистического качественного анализа процессов общественного развития, западногерманский социолог не проводит социально-сущностных различий между такими понятиями, как «изменения», «сближение», «конвергенция». Они представляются ему адекватными характеристиками «эволюционного соразвития» пусть разнородных, но в чем-то объективно правильных экономических концепций. Такая теоретическая некорректность позволяет И. Беккеру наряду с социалистами-утопистами и марксистами отнести к группе представителей абстрактно-теоретического этапа развития идей сближения и сторонников так называемой «исторической школы» политэкономии капитализма конца XIX в.— Г. Шмоллера, А. Шеффле, А. фон Брентано, Е. Нассе, А. Вагнера.

Так, Г. Шмоллер и А. Шеффле причисляются И. Беккером к числу сторонников спекулятивной гипотезы экономического сближения только на том основании, что первый пропагандировал неизбежность расширения государственного сектора и рост планово-экономических начал в рыночной экономике капитализма [1], а второй был убежден в том, что дальнейшее развитие капитализма «должно завершиться созданием экономики социализма» [2]. Аналогичных точек зрения придерживались в принципе А. Брентано и Е. Нассе.

Основная заслуга «исторической школы» в разработке идей экономического сближения, по мнению И. Беккера, состояла в том, что она выдвинула на обсуждение широкой общественности многочисленные доводы «за» и «против» существования экономической системы социализма и тем самым, «может быть и неосознанно, способствовала выработке позиции по

---

[1] *A. Wagner*. Finanzwissenschaft, Teil I. Leipzig, 1883, S. 905.
[2] *J. Becker*. Hypothesen zur Konvergenz..., S. 33.

вопросу о сближении экономических систем»[1]. Именно в этом И. Беккер видит важную роль всего «абстрактно-теоретического периода» для разработки конвергенционных гипотез и формирования теории конвергенции в целом.

Победа социализма в России, по мнению западногерманского социолога, придала дискуссии о сближении систем совершенно иное содержание и направленность. «Теперь на переднем плане,— писал И. Беккер,— уже не теоретические эксперименты с моделями экономического развития. Дискуссия о сближении систем связывается с действительными изменениями и преобразованиями практически существующих рыночного и планового типов экономики»[2].

Центральное место в «прагматический» период проведения дискуссии об экономическом сближении систем (которая, по мнению И. Беккера, развивалась на капиталистическом Западе вплоть до начала второй мировой войны и была продолжена затем в послевоенные годы) занимал вопрос о характере взаимосвязи и «взаимообогащении» принципов рыночной и плановой экономики. Именно с этой точки зрения И. Беккер рассматривает концепцию Шумпетера (модель которого подразумевает наряду с элементами централизованной экономики и существование элементов рынка), а также взгляды В. Ойкена, утверждавшего, что в действительности не существуют ни чистая экономика денежного обращения, ни тотальная централизованная экономика, но что элементы обеих систем объединяются в единый способ хозяйствования[3]. В этой группе фигурирует и имя Кейнса, участие которого в разработке идей сближения определялось тем, что он доказывал невозможность дальнейшего успешного функционирования рыночной экономики без государственного вмешательства.

---

[1] *J. Becker*. Hypothesen zur Konvergenz..., S. 34.

[2] Ibid., S. 36.

[3] *W. Eucken*. Die Grundlage der Nationalökonomie, 6 Aufgabe. Berlin — Göttingen — Heidelberg. 1950, S. 78.

Таким образом, все названные выше теоретики, по мнению И. Беккера, либо создавали теоретические предпосылки модели сближения систем, либо конструировали элементы такой модели, которая не исключала допущение некоторых явлений, присущих экономике социализма. Но все они не могут быть в полной мере отнесены к числу авторов рассматриваемой теории. Лишь после того, как О. Кнаут поставил вопрос о реальном возникновении иной, чем капитализм, экономической системы, а П. Дракер высказал мысль о том, что изменения в экономике происходят рука об руку с изменением природы экономического строя общества, и охарактеризовал современный этап развития социализма как переходную ступень к такому строю, который будет находиться по ту сторону и капитализма, и социализма [1], идея конвергенции систем приобрела, согласно И. Беккеру, свою сегодняшнюю определенность.

Начертанная И. Беккером картина эволюции идей экономического сближения систем как начальной фазы формирования теории конвергенции, несмотря на его многочисленные оговорки, не может рассматриваться как соответствующая реальной истории их развития, ибо в ней явления генезиса государственно-монополистического капитализма получают крайне одностороннее освещение. Очевидно, что перед лицом экономических кризисов, особенно в 20—30-е годы, буржуазные теоретики меньше всего думали о конвергенции систем. Их усилия были направлены совсем в иную сторону — на отыскание путей стабилизации капитализма, на устранение его противоречий.

Ход послевоенной политической истории мира показывает, как в действительности зарождались и вынашивались идеи, которые легли в основание теории конвергенции систем капитализма и социализма. Разгром фашизма, упадок английского и французского империализма способствовали превращению США в ведущую силу капиталистической системы. Монополия на атомную бомбу и экономическое превосходство укрепили в монополистических кругах

[1] *J. Becker.* Hypothesen zur Konvergenz..., S. 45.

веру в безраздельность мирового господства США, их способность с помощью политических и экономических средств влиять на политику не только стран-сателлитов, но и на внешнеполитический курс Советского Союза, на внутренние процессы советского общества.

Многие американские политики и идеологи связывали усиление гегемонизма США с трудностями послевоенного восстановительного периода Советского Союза, рассчитывая вместе с экономической помощью навязать ему определенные политические условия. Среди них находились и такие, кто в связи с этим пророчил развал социалистического строя. Однако успешная ликвидация Советским Союзом послевоенных трудностей, его независимый внешнеполитический курс, крепнущее содружество стран социалистического лагеря — все это заставило антикоммунистических идеологов в значительной степени пересмотреть первоначальные планы. Не отказываясь от дальнейшего проведения политики с позиций силы, они все больше начинают ориентироваться на внутреннюю «эрозию» и «трансформацию» социализма.

Основной тезис «восточной политики» американского антикоммунизма был наиболее откровенно сформулирован Г. Кеннаном, бывшим послом США в Советском Союзе. Он гласил, что советская власть «сама несет в себе зародыш гибели, и этот зародыш сильно развился» [1]. Идеологические службы США искали пути стимуляции этого мнимого «зародыша». Особым вниманием в этой связи пользовались социально-политические прогнозы, в основе которых лежал расчет на самоперерождение политической структуры советского общества как необходимое следствие его индустриального развития. Говоря о реальных процессах успешно развивающегося социализма, Г. Кеннан утверждал, что «цели и тенденции внутреннего развития русского коммунизма приобретают то же направление, что и либерализация

---

[1] *G. F. Kennan*. Die Hintergründe der Sowjetpolitik. In: «Amerikas Außenpolitik 1900—1950 und ihre Stellung zur Sowjetmacht». Zürich, 1952, S., 135.

западного индустриального общества... По всей вероятности, достигнутый здесь прогресс ведет в сторону наших собственных институтов» [1].

Прогнозы и доводы Г. Кеннана разделялись многими американскими идеологами. Они нашли самый живой отклик в буржуазной прессе. Так, видный политический обозреватель США У. Липпманн, оценивая перспективы советско-американских отношений, писал: «... и там (в Советском Союзе.— *Г. И.)* понемногу начинают теперь замечать то, что на Западе заметили 200 лет тому назад: нужна свобода как условие функционирования индустриального общества». На вопрос, становятся ли русские в определенном смысле все более похожими на американцев, им был дан определенный утвердительный ответ [2].

Таким образом, учитывая изменения в соотношении сил на мировой арене в послевоенный период, идеологический аппарат монополий выискивал новые факторы, способные повлиять на эволюцию социализма в капиталистическом направлении, свернуть социалистические страны, в первую очередь страны Восточной Европы, с избранного пути развития.

Однако не только в политической ситуации послевоенного периода следует искать причины зарождения конвергенционных идей. В известной степени они были подготовлены спецификой развития буржуазной общественной мысли второй половины XX в., в первую очередь распространением на Западе группы концепций, известных под общим названием концепций «индустриального общества». В них предпринималась попытка представить современный капитализм как якобы теряющий или даже утративший свою эксплуататорскую природу, как такое общество, где отношения собственности перестали играть существенную роль, где всеопределяющим

---

[1] Цит. по кн.: *Z. Brzezinski* und *S. P. Huntington.* Die Sowjetunion und die Vereinigten Staaten: Konvergenz oder Evolution der politischen und sozialen Strukturen? «Europa — Archiv», 1964, N 2, S. 427.

[2] Ibidem.

фактором стали техника и технология, а степень их развития — основной качественной характеристикой и критерием общественной системы. Поэтому нельзя вести речь о генезисе конвергенционных идей и гипотез, не показав хотя бы в общих чертах их органической связи с основными положениями концепций индустриального общества.

В 1949 г. во Франции вышла книга Ж. Фурастье «Великая надежда 20-го столетия», в которой автор, подчеркивая индифферентность индустриализации к различным социальным отношениям, узко экономически сопоставляя социализм и капитализм как методы краткосрочной и долгосрочной индустриализации, приходит к заключению, что обе системы движутся «к третичной цивилизации», одну из характерных особенностей которой он видит в коренном изменении структуры общества. В таких сферах жизни общества, как торговля, управление, сообщение, услуги, «индустрия свободного времени» и т. п., в скором времени, по мнению Ж. Фурастье, будет занято 80% всего работающего населения и только 10% его останется в промышленности и сельском хозяйстве. В связи с этим современное общество представляется ему переходным этапом от аграрного общества к индустриальному, которое Фурастье подразделяет на три фазы развития. Первая — фаза индустриализации (в конце которой находится Советский Союз), вторая — фаза индустриальной экспансии, третья — фаза изобилия товаров потребления (на пороге которой стоят США).

Оценивая основные идеи, изложенные Ж. Фурастье, один из исследователей истории возникновения и развития концепции «индустриального общества», ученый из ГДР Гюнтер Розе, писал: «...аргументация Ж. Фурастье предвосхищает современную апологетику, особенно утверждение об исчезновении классовой структуры капиталистического общества. Но еще важнее, что его теория закономерного превращения аграрных обществ в индустриальные по своей основной методологической посылке — игнорированию противоположных социальных структур капитализма и социализма — может быть рассмотрена как предвосхищение «стадий роста» Уолта Ростоу,

а также теории конвергенции» [1]. Правильность такой оценки не отрицают и некоторые буржуазные исследователи «индустриального общества». Так, западногерманский социолог Н. Хестинг считает, что Ж. Фурастье «деидеологизирует» и релятивизирует противоположности Запада и Востока.

Аналогичных, по существу, взглядов относительно перспектив исторического развития общества придерживался американский ученый Питер Дракер, для которого «новое индустриальное общество» находится «по ту сторону»капитализма и социализма. США, по его мнению, уже вплотную приблизились к этой стадии. Что же касается Советского Союза, то он только еще начинает использовать технику массового производства, чтобы «связать технические достижения Запада с восточным деспотизмом, чтобы создать такой новый мировой строй, который претендовал бы быть законным наследником Востока и Запада» [2]. Следует иметь в виду, что в обстановке «холодной войны», характерной для 50-х годов XX столетия, социологи капиталистического Запада не были еще подготовлены к восприятию идей сближения и эти идеи не получили тогда сколько-нибудь широкого распространения.

Наряду с экономическими и социологическими исследованиями Ж. Фурастье и П. Дракера примерно в это же время появляется ряд других «созвучных» публикаций, авторы которых либо анализируют отдельные аспекты нового «индустриального общества», как, например, разработка темы «манипулируемого человека» в книге американского ученого Дэвида Рисмена «Одинокая толпа», либо стремятся зафиксировать общие черты, аналогии в различных системах, как это можно наблюдать в книге американского экономиста Джеймса Адамса «Соревнующиеся системы». Никаких прямых выводов о конвергенции в такого рода работах не содержится, но они представляют известный интерес в том отношении, что позволяют проследить, как происходит по-

---

[1] *G. Rose*. Zur Genesis und Funktion der Theorie der «Industriegesellschaft». In: «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1967, N 1, S. 37.

[2] Ibidem.

степенный процесс накапливания материала для последующих, уже более определенных «синтетических» заключений.

В конце 50 — начале 60-х годов некоторые положения о возможной конвергенции систем, сформулированные до этого преимущественно в гипотетической форме, получают теоретическое обоснование в трудах известных экономистов и социальных философов. В частности, в 1958 г. большой резонанс вызвала книга американского экономиста У. Бакингема «Теоретико-экономические системы. Сравнительный анализ», в которой автор, не ограничиваясь констатацией аналогий, стремится выяснить те конкретные направления,, по которым якобы уже происходит процесс сближения капитализма и социализма.

Почти в то же время сходную попытку обосновать перспективы конвергенции систем предпринимает французский экономист Франсуа Перу в книге «Мирное сосуществование». «Запад и Восток — писал, в частности, Перу,— отнюдь не построили свою экономику по противоположным схемам рынка и плана... Обе системы борются, используя свои природные и демографические ресурсы, а это не имеет прямого отношения к экономическому строю. В этой борьбе они смягчают и даже довольно часто покидают свои схемы, стремясь преодолевать свои теоретические кризисы» [1].

Как это часто можно наблюдать в общественных науках, за экономическими исследованиями незамедлительно следуют те или иные политические и социологические обобщения. Основываясь на большом теоретическом материале из области сравнительного анализа социально различных структур, американский социолог Фритц Штернберг делает попытку охарактеризовать первые наблюдения и выводы о наметившемся якобы сближении СССР с США как объективную тенденцию общественного развития, пророча ей большие перспективы. В книге под названием «Кто будет господствовать во второй половине 20-го столетия?», публикация которой совпала по времени с началом 60-х годов, он писал: «Новое со-

[1] *Fr. Perroux.* La coexistence pacifique, vol. I. Paris, 1958, p. 179.

стоит в том... и это особенно относится к наступающему десятилетию, что государства и народы по всей вероятности будут сближаться друг с другом, или, говоря конкретнее: тенденция, которая их сближает, становится сильнее по отношению к тенденции, которая их разъединяет» [1].

В основе его идей о трансформации социально-политических отношений капитализма и социализма лежит концепция «второй индустриальной революции», до сих пор весьма популярная среди буржуазных теоретиков. Суть этой концепции — тезис об автоматическом решении всех социальных конфликтов капитализма посредством внедрения и развития новой промышленной техники. Точно так же, как индустриальная революция XVIII и XIX вв. стимулировала образование капиталистической общественной формации, «вторая индустриальная революция» должна вести к образованию нового «индустриального общества». С точки зрения Ф. Штернберга, не существует принципиальных различий между революциями научно-техническими и социальными. Штернберг не видит «оправдания» социальным революциям и настойчиво проводит мысль об их устарелости.

Среди теоретиков, способствовавших распространению идей конвергенции на капиталистическом Западе, должен быть назван и Уолт Ростоу, известный прежде всего как автор нашумевшей теории «стадий», изложенной им в книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». Казалось бы, главная задача автора — опровержение марксизма, обоснование теоретической и практической альтернативы его основным положениям — далека от тех целей, которые преследуют теоретики конвергенции, высказываясь за синтез социально различных систем. Кроме того, У. Ростоу нигде прямо не говорит о конвергенции. Казалось бы, все это не дает оснований рассматривать У. Ростоу как теоретика конвергенции. К такому выводу приходят некоторые исследователи-марксисты. В частности, по-

---

[1] *F. Sternberg.* Wer beherrscht die zweite Hälfte des 20. Jahrhunderts? Köln — Berlin (West), 1961, S. 333.

добной точки зрения придерживается ученый ГДР Гюнтер Майснер, который отрицает всякую принадлежность У. Ростоу к теории конвергенции. Главный аргумент его состоит в том, что Ростоу вообще не рассматривает вопрос о будущем социализма, лишая его самостоятельной исторической перспективы. «Концепция индустриального общества, главным представителем которой можно рассматривать У. Ростоу,— пишет Г. Майснер,— вообще не ставит вопроса о будущем социалистической системы. Речь идет только о проблеме, как современный капитализм может ассимилировать проблемы научно-технической революции. Развиваемые У. Ростоу экономические стадии были представлены им как ступени развития современного капитализма. По отношению же к коммунизму использовались старые антикоммунистические аргументы, зерно которых состояло в том, что социализм представляется отклонением от нормального пути исторического развития, ошибочным путем истории, который во всяком случае может быть избегнут» [1].

Несколько иную позицию в оценке причастности У. Ростоу к развитию идеи конвергенции занимает Г. Розе. По его мнению, выдвинутая американским ученым теория стадий экономического роста «может быть рассмотрена как мнимонаучное основание конвергенционных прогнозов, которые У. Ростоу и другие представители руководящей верхушки империалистических США выставляли с начала 60-х годов» [2]. При этом Розе высказывает мысль о том, что, в отличие от историко-политических и социологических идей Западной Европы, здесь доминирует прагматический аспект и идеи конвергенции выводятся У. Ростоу не столько из философских и социологических спекуляций, сколько из практических потребностей внешней политики США.

Оба автора раскрывают социально-политическую сущность концепции У. Ростоу с марксистско-ленинских позиций, и в этом отношении между ними нет

---

[1] *H. Meißner.* Konvergenztheorie und Realität. Berlin, 1969, S. 41.

[2] *G. Rose.* Zur Genesis der Theorie der «Industriegesellschaft», S. 40.

разногласий. Существенно другое. Приведенные высказывания хорошо иллюстрируют сложность и многоаспектность теории конвергенции: ее теснейшую связь с концепциями индустриального общества, что подчеркивает в данном случае Г. Розе, и в то же время ее несомненное отличие от концепции «стадий» У. Ростоу, необходимость более точного определения ее специфики, что вполне обоснованно считает целесообразным сделать Г. Майснер.

Действительно, между основными посылками теории конвергенции и теории экономических стадий У. Ростоу существует глубокая внутренняя связь, основанная на общих методологических посылках. Уже при характеристике своей первой стадии американский ученый отчетливо обнаруживает главный методологический порок своей теории — абсолютизацию роли производственно-технического фактора в развитии общества. «Традиционное общество» он характеризует как такой феномен, структура которого «развита внутри ограниченных производственных возможностей, базирующихся на доньютоновской науке и технике и на доньютоновском отношении к физическому миру» [1]. Подобное состояние науки и техники и развивающееся на этой основе производство выступают, таким образом, у Ростоу как критерий для обозначения определенного периода развития человечества. Очевидно, что из схемы Ростоу выпадает человек как важнейшая производительная сила, игнорируется его роль в процессе материального производства общественной жизни. «Забыв» об этом, Ростоу исключает из сферы анализа исследование социальных отношений людей, т. е. отношений собственности и классовых отношений, стирает качественное различие общественных формаций, что исторически и теоретически неверно.

Наибольшая популярность среди европейских идеологов конвергенции выпала на долю Р. Арона, концепция которого была изложена им в лекциях об индустриальном обществе, прочитанных в Сорбонне в 1955—1956 гг. В этих лекциях Арон предпринима-

[1] *W. W. Rostow.* Stadien wirtschaftlichen Wachstums. Eine Alternative zur marxistischen Entwicklungstheorie. Göttingen, 1961, S. 18.

ет попытку систематизировать «экономические и социологические признаки индустриального общества». Как и Ж. Фурастье, Р. Арон исходит из общности технико-экономических характеристик развития промышленных стран. В своих оценках он использует преимущественно количественные критерии экономического роста, игнорируя качественные показатели, в частности категорию «производственные отношения». Естественно, что при таком подходе стираются существенные, принципиальные различия социально противоположных систем.

Такие понятия, как «капитализм» и «социализм», объявляются Р. Ароном архаизмами, лишенными научного содержания и ценности. Вместо них он предлагает ввести в социологический лексикон понятие «индустриальное общество», как более соответствующее сегодняшней социально-экономической эмпирии, отводя ему при этом роль «высшего понятия всякого анализа современного развитого общества». С этой позиции советское и капиталистическое общества представляются ему «двумя видами одного и того же рода или разновидностями одного и того же социального типа прогрессирующего индустриального общества» [1]. Причем по сравнению с капиталистическими странами Запада Советский Союз, по его мнению, находится на более низкой ступени индустриального развития.

Отдавая себе отчет в том, что понятие «индустриальное общество» в известном смысле нивелирует различие систем капитализма и социализма, Р. Арон указывает на необходимость дифференцированного его применения в анализе процессов общественного развития. Он предлагает различать два существенных компонента понятия — «модели роста» и «фазы роста». «Модели роста» у Р. Арона — термин достаточно широкий, что и позволяет делать вывод об общих чертах обоих типов «индустриального общества». Разнотипность при этом понимается только как нетождественность социальных институтов — но не способов — экономического функционирования систем, так как эти способы, по мнению Р. Арона, явля-

[1] *R. Aron.* Die industrielle Gesellschaft. 18. Vorlesungen. Frankfurt am Main, 1964, S. 37.

ются общими для всех разновидностей индустриальных систем. Впрочем, институциональные структуры никогда не рассматривались французским социологом как сходные [1].

Другое основание для конвергенционных заключений Р. Арон видит в сходстве экономической структуры систем, которое проявляется в аналогичных принципах разделения труда и на данном историческом этапе неизбежно как для Запада, так и для Востока. По мнению Р. Арона, эта структура уже априори является характерным свойством всех индустриальных обществ. Что касается классовой структуры систем, то Арон всячески обходит вопрос о подлинном критерии ее рассмотрения — о собственности на средства производства, утверждая, что только «стремление к прибыли... имеет принципиальное значение для функционирования любой индустриальной системы» [2].

Теория экономического роста — центральный момент концепции Р. Арона о конвергенции систем капитализма и социализма: «Экономический рост,— с его точки зрения,— является общей чертой всех индустриальных обществ» [3].

Все страны, относящиеся к индустриальному типу общества, имеют, по мнению Р. Арона, одинаковые цели: развивать наиболее эффективные отрасли промышленности, повышать производительность труда, темпы экономического роста, улучшать жизненный уровень населения и т. п. При этом Р. Арон не скрывает, что его симпатии принадлежат государственно-монополистическому варианту индустриального общества, который представляется ему более перспективным, нежели социалистический путь развития. Советский опыт экономического строительства кажется Р. Арону слишком «жестким» в современных условиях, плохо учитывающим совокупные потребности «интернационального производства и потребления». Поэтому он в известной степени приемлем для стран, недавно вступивших на путь индустриального развития, но совершенно непригоден для

---

[1] *R. Aron.* Die industrielle Gesellschaft, S. 103.
[2] Ibid., S. 104.
[3] Ibid., S. 81 und 89.

«демократических обществ». И хотя оба типа экономического и государственного устройства, по мнению Арона, далеки от совершенства, недостатки Запада он относит к числу таких, которые могут быть преодолены гораздо легче и быстрее. Недостатки же социализма вытекают из его сущности и не могут быть устранены иначе, как путем сущностного изменения социализма.

Р. Арон далек от того, чтобы не замечать граней, существующих между разнотипными системами. В частности, одним из первых на Западе он выступил против переоценки «трансформаторских возможностей» хозяйственной реформы, проводимой в СССР, отметив, что она вовсе не является отказом от принципов социализма, от марксистско-ленинской идеологии и руководящей роли партии, что, с его точки зрения, является основным недостатком советской системы. Р. Арон далеко не солидарен с теми теоретиками, которые уповают на автоматическое слияние капитализма и социализма в общество-гибрид, и весьма сдержан относительно поспешных прогнозов сближения. Более того, он постоянно подчеркивает различие западной и восточной «моделей роста» и категорически отрицает возможность их тотальной конвергенции. В предисловии ко второму изданию своей книги «Индустриальное общество» он прямо заявляет, что одну из основных ее задач видит в разоблачении мифа о неизбежном соответствии обоих типов индустриального общества. Конвергенция систем для Арона — длительный и дифференцированный процесс.

60-е годы характеризуются более интенсивным распространением на Западе конвергенционных идей. Поборники новой доктрины уже не ограничиваются построением спекулятивных гипотез о синтезировании капитализма и социализма, наблюдается стремление аргументировать выводы теории конвергенции. Среди интерпретаторов экономических аспектов конвергенции все более заметное влияние начинают приобретать исследования голландского экономиста Яна Тинбергена, несколько позже — американского экономиста и социолога Джона Гэлбрейта. Среди социологических интерпретаторов конвер-

генции авторитетом становится американский философ и социолог Питирим Сорокин [1].

Идеи конвергенции были восприняты в ФРГ значительно позже, чем в других ведущих странах капиталистического мира. Долгое время западногерманская общественная наука занимала пассивную позицию читателя «синтетической» и «интегральной» литературы, а издательства ограничивались в основном перепечаткой импортной продукции, в которой, как правило, преобладали американские труды. Фактически только начиная с 1963—1964 гг. социология ФРГ начинает проявлять собственное отношение к теории конвергенции противоположных социальных структур. С этого времени начинается быстрый рост западногерманской социологической литературы, которая в той или иной степени затрагивала идеи «сближения» и «синтеза».

Во многом это объясняется традиционной связью между теоретической разработкой вопросов и политической стратегией и тактикой правящих кругов монополистического капитала, что, между прочим, упорно отрицают многие ученые Запада. Послевоенная политическая обстановка в ФРГ мало способствовала ассимиляции идей конвергенции. Однако с приходом к власти правительства «большой коалиции» некоторые его идеологи постепенно начинают замечать возможности приспособления отдельных идей конвергенции к своим политическим нуждам. Примечательно то, что она оказывается способной служить как левому, так и правому крылу коалиции. Для партии Кизингера — Штрауса (ХДС/ХСС) некоторые конвергенционные положения оказались пригодными в их политике расширения идеологической диверсии внутри социалистической системы.

Идеологи социал-демократии также нашли в ней немало созвучного своим реформистским идеалам. Видимо, неспроста в числе первых вопросов, которые были заданы В. Брандту группой редакторов журнала «Штерн» вскоре после прихода социал-демократов к власти, был вопрос о перспективах сближения капитализма и социализма. «Не связывая

[1] Рассмотрению их конвергенционных концепций посвящены специальные разделы работы.

себя теорией сближения систем,— отвечал канцлер ФРГ,— я полагаю, что развитие в современных индустриальных странах идет к тому, что: *а)* не будет никакой командной экономики и что *б)* не может быть запрещена свободная частная инициатива. Экономика будет смешанной, а не такой, какой она рисуется с помощью старых клише» [1].

Теории конвергенции вряд ли суждено стать ведущей идеологической доктриной социал-демократов. Однако чувствуется, что некоторые ее посылки берутся на вооружение. Было бы ошибочно рассматривать распространение конвергенционных идей в ФРГ как явление исключительно внешнее, как некую искусственную теоретическую культивацию. При ближайшем рассмотрении этого вопроса становится ясным, что почва для ограниченной ассимиляции идей сближения постепенно готовилась в Западной Германии уже с конца 40 начала 50-х годов нашего столетия, т. е. с тех пор, как там начинают разрабатываться родственные духу конвергенции теоретико-методологические основы концепции «индустриального общества». В самом деле, уже такие работы, как «Мировая история Европы» (1948) и «Теория современного века» (1954) Ганса Фрейера, а также книга Арнольда Гелена «Социально-психологические проблемы в индустриальном обществе» (1949), содержат довольно существенные философско-исторические, социологические и антропологические аспекты теории «индустриального общества». В 1949 г. А. Гелен писал: «Имеют место, вероятно, только две действительно решающие с позиции истории культуры цезуры: предисторический переход от охотничьей культуры к оседлости и современный переход к индустриализму» [2]. Впоследствии Ганс Фрейер в работе «Теория современного века» использует эту выхолощенную от всего социально-классового теоретическую конструкцию А Гелена как основу для крупного философско-исторического толкования современности с точки зрения теории индустриального общества и для развития некоторых индустриальных идей.

---

[1] «Stern», 1970, N 1, S. 25.

[2] *A. Gehlen.* Die Seele im Technischen Zeitalter. Hamburg, 1957, S. 88.

После банкротства фашистской идеологии в результате военной катастрофы гитлеровского рейха западногерманская буржуазия нуждалась не только в быстрейшем заполнении теоретического вакуума, но прежде всего в таком философском и историческом объяснении процесса общественного развития, которое давало бы надежду на то, что будущее для нее не окончательно утеряно. Она прямо-таки жаждала обнадеживающей исторической перспективы. Г. Фрейер и А. Гелен, известные своими крайне правыми теоретическими взглядами, выполняли, по существу, ее социальный заказ. И совершенно прав Г. Розе, утверждая, что в специфичности ситуации послефашистской немецкой буржуазной идеологии следует видеть причины того, почему философско-исторические элементы теории «индустриального общества» начали развиваться в Западной Германии непосредственно после второй мировой войны.

Концепция Г. Фрейера и А. Гелена любопытна некоторыми характерными моментами в оценке современности. С одной стороны, современность рассматривается здесь как конец прежней истории, с другой — как начало новой ее страницы. А. Гелен стремится «поставить по-новому вопрос об эпохе и тем самым освободить грядущие проблемы от того гипнотетического стеснения» [1], в котором якобы очутились современные интеллектуалы из-за преклонения перед теорией циклов Шпенглера — Тойнби. В отличие от последних, переживаемый период является для А. Гелена не просто поздним этапом стареющей западноевропейско-американской культуры, а процессом взаимообмена между цивилизацией старого типа и новейшей индустриальной эпохой.

На фоне идеологии упадочничества и гибели прогресса идеи о глобальном распространении индустриальной системы в Западной Европе, в том числе и в Западной Германии, как и идеи о «новом культурном пороге» индустриализма, выглядели в глазах апологетов монополий весьма обнадеживающе. Конвергенция как теоретический конструкт заняла свое место в их идеологическом арсенале.

---

[1] *A. Gehlen.* Die Seele im Technischen Zeitalter, S. 87.

3. Теория конвергенции в системе концепций «индустриального общества»

Как уже отмечалось выше, теоретические истоки конвергенции сближают ее с группой теорий, объединяемых под общим названием «концепции индустриального общества». Не будет преувеличением сказать, что вся основная «экономическая аргументация» в пользу происходящего якобы синтеза противоположных систем заимствована именно оттуда: из теорий «обезличенной собственности» и «демократизации капитала» Торстена Веблена и Питера Дракера, «революции управляющих» Джеймса Бернхема и Альфреда Берли, «стадий роста» Уолта Ростоу, «нового индустриального общества» Джона Гэлбрейта и некоторых других концепций. Поэтому анализ теории конвергенции требует не только учета особенностей ее непосредственного генезиса, но и в определенной степени должен опираться на знание некоторых характерных черт, присущих всей группе концепций индустриального общества в целом.

Общественная наука Запада не имеет единого представления относительно содержания понятия «индустриальное общество», субъективистски расширяя или сужая его в зависимости от теоретических взглядов отдельных ученых или практических соображений общей стратегии идеологической борьбы. Так, например, Р. Арон определяет «индустриальное общество» как общество, в котором «промышленность, особенно крупная, образует наиболее характерный способ производства» [1]. К наиболее типичным его признакам французский социолог относит: полное отделение производства от семьи, существование разделения труда не только между отраслями промышленности, но и внутри предприятий, прогрессирующее накопление капитала, обязательное внедрение хозяйственного расчета, концентрацию рабочих на предприятии, что в значительной степени способствует их организации [2]. Такое широкое пони-

[1] *R. Aron.* Die industrielle Gesellschaft, S. 69.
[2] Ibid., S. 69—71.

мание «индустриального общества», разумеется, выходит далеко за рубежи только XX столетия и захватывает определенный этап развития капитализма в XIX в.

Джон Гэлбрейт отождествляет «новую индустриальную систему» с господством крупных корпораций, захвативших в свои руки почти все средства связи, почти все производство и распределение электроэнергии, значительную область транспорта, добывающей и обрабатывающей промышленности и даже часть сферы обслуживания. «Число их невелико,— разъясняет Дж. Гэлбрейт,— можно безошибочно утверждать, что подавляющая часть предприятий в указанных отраслях принадлежит пятистам или шестистам фирмам. Именно эту часть экономики мы не задумываясь отождествляем с современным индустриальным обществом» [1].

Нетрудно заметить, что Р. Арон и Дж. Гэлбрейт в названных определениях не акцентируют внимания на том факторе, который определяет характер всякого общества, а именно на особой форме связи работников со средствами производства — отношениях собственности. Они сводят различие разнотипных систем, по существу, лишь к формам организации производства, устраняя тем самым принципиальную противоположность систем. «На Западе,— писал Р. Арон еще в 1957 г.,— спор между капитализмом и социализмом начинает утрачивать свое эффективное напряжение. С тех пор, как Советский Союз отождествляют с социализмом, он не имеет, видимо, задачи стать преемником капитализма, хотя и должен, со своей стороны, обеспечить развитие производительных сил» [2].

Определяющим признаком нового индустриального общества, по мнению большинства его апологетов, является «техника и технология на универсальном уровне» их развития. Этот уровень обусловливает, по их мнению, не только размеры и организацию

---

[1] *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 45.

[2] *R. Aron*. Opium für Intellektuelle oder die Sucht nach Weltanschauung. Köln — Berlin, 1957, S. 288.

производства, но и формы взаимоотношений производителей и их хозяев, а также все взаимоотношения в обществе. «...Когда техника становится универсальной формой материального производства,— утверждает Г. Маркузе,— она определяет всю культуру и конструирует историческое целое — мир» [1]. Как и понятие «индустриальное общество», понятие техники и технологии не поддается однозначной интерпретации: в трудах западных теоретиков оно толкуется крайне произвольно. Так, например, известный французский социолог Жан Эллюль в своей книге «Техника — ставка столетия» дает следующее ее определение: «Техника в том смысле, в каком я пользуюсь этим термином, это не машины, технология либо та или иная операция для достижения цели. В нашем технологическом обществе техника представляет собой совокупность достигнутых рациональных методов, имеющих абсолютную эффективность для данной стадии развития на любом поприще человеческой деятельности. Ее характерная черта — новизна; современная техника не имеет ничего общего с прошлым» [2]. Кроме так называемой «экономической техники» Ж. Эллюль выделяет еще «технику организационную», куда он включает государственный аппарат, армию, полицию, судебные органы, и «человеческую технику», простирающуюся на обширную область от медицины до пропаганды. Планирование хозяйства и средства массовой информации французский ученый также причисляет к понятию техники. Такое расширительное толкование ее ведет к тому, что общественные отношения полностью растворяются в производительных силах.

В марксистской науке принято строго разделять технику и технологию. Причем под техникой подразумеваются средства труда и оборудование; под технологией же — планомерное систематическое расчленение производственного процесса на ряд механических и химических операций по производству

---

[1] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch. Neuwied — Berlin (West), 1967, S. 154.

[2] *Jaques Ellul.* The Technological Society. New York, 1967, p. XXV.

сырья и превращению его в готовый продукт, свершаемых при помощи необходимой техники. Как писал К. Маркс, «принцип крупной промышленности — разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии» [1].

Абсолютизируя роль техники в современном мире, теоретики «индустриального общества» приписывают ей способность влиять на структуру промышленности, систему управления, вызывать крупные и всесторонние изменения в обществе. Под воздействием процессов, происходящих в технической базе капитализма, западное общество, с их точки зрения, постепенно теряет свои прежние определяющие черты, перерастая в новое, «индустриальное общество».

Несмотря на противоречивость мнений представителей буржуазной общественной мысли относительно масштабов и темпов влияния техники и технологии на формирование структуры современного общества, они занимают, по существу, одни и те же исходные позиции, пользуются одинаковой методологией, в основе которой лежит принцип «технологического детерминизма». Его характерной особенностью является искусственное разделение техники и человека, в результате чего человек и техника предстают как две автономные, лишенные взаимосвязи и взаимозависимости, чуждые друг другу силы, действующие на основе разных законов, а потому нередко и в разных направлениях.

Согласно представлениям приверженцев «технологического детерминизма», человек в силу консерватизма своей природы не способен поспевать за быстрым развитием техники. Поэтому технический прогресс и прогресс личности находятся в постоянном несоответствии, причем в споре человека с техникой он выступает как наиболее пассивная сторона.

Понятие «технологический детерминизм» мистифицирует характер взаимосвязей в обществе. Не отрицая наличия причинной связи между различными

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 497.

общественными явлениями, теоретики индустриализма рассматривают ее механистически — как некий интеграл причинно-следственных зависимостей, не поддающийся вычислениям. Они игнорируют социальную структуру общества, его социальные отношения, в рамках которых осуществляется технический прогресс. Поэтому процессы, развивающиеся в обществе, квалифицируются ими как однородные и универсальные по своей природе, независимо от того, социалистический или капиталистический характер носит это общество.

Таким образом, концепция «технологический детерминизм» представляет, по существу, один из вариантов социального индетерминизма, истолковывающего закономерности исторического процесса в духе вульгарного материализма.

Все эти характерные черты «индустриальной методологии» были полностью переняты теорией конвергенции и легли в ее основание. Поэтому некоторые ученые СССР и других социалистических стран рассматривают теорию конвергенции как разновидность и более высокую ступень развития комплекса концепций «индустриального общества». «...Теория конвергенции,— подчеркивает, например, В. С. Семенов,— явилась своего рода «логическим» продолжением предшествующих доктрин буржуазной идеологии и науки» [1].

Самую тесную связь теории конвергенции с индустриальными концепциями отмечает также и Герберт Майснер: «...доктрина индустриального общества и теория конвергенции,— считает он,— представляют в некоторой степени два этапа пути, на котором буржуазная общественно-научная мысль вновь хочет достичь более или менее единого учения об обществе. Концепция индустриального общества является при этом низшей ступенью и представляет основу, на которой развивается теория конвергенции» [2].

---

[1] *В. С. Семенов.* Основные черты и социальный смысл буржуазной теории конвергенции. В сб. «Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма (Критический анализ)». М., 1970, стр. 22.

[2] *H. Meißner.* Konvergenztheorie und Realität, S. 18.

Какова же специфика теории конвергенции по отношению к концепциям «индустриального общества», в чем конкретно она проявляется?

Прежде всего в универсализме, в ее настойчивом стремлении выйти за узкие рамки «индустриальной аргументации», не ограничивая себя лишь сферой экономики, вобрать в круг своей проблематики всю совокупность общественно значимых вопросов, вплоть до идеологии.

Оставляя в своем идеологическом арсенале тезис о перерождении социалистической экономики и всего общественного устройства в направлении Запада, теория конвергенции не решается вместе с тем открыто пропагандировать вечность капитализма. Основные усилия ее апологетов направлены на доказательство неизбежности предстоящего якобы синтеза противоположных систем. Общество будущего рисуется ими как социальная система «смешанного типа».

Теория конвергенции не смогла бы получить распространение, будь она только умозрительной конструкцией, системой знаний, рожденных вне реальности. Ее появление и дальнейшее функционирование, бесспорно, питают некоторые объективные процессы развития современного мира. Среди них в первую очередь следует назвать влияние научно-технической революции как качественно новой формы развития производительных сил нашего столетия.

Это влияние не ограничивается, естественно, только возникновением принципиально новой взаимозависимости науки и производства. В той или иной степени оно ощущается на всех сторонах жизни общества, особенно в индустриально развитых странах: в изменении структуры экономики, положения и взаимосвязи классов и социальных групп, во всех сферах политической надстройки общества и даже в идеологии, т. е. носит всеобъемлющий характер. Однако в своем стремлении осознать сложное многообразие проявлений научно-технической революции теоретики конвергенции часто впадают в грубый техницизм. Именно такой, типично позитивистский, методологический порок обнаруживает, например, Лотар Бозл, утверждая, что «технико-экономический прогресс, который вызывает к жизни индустриаль-

ное общество, сопровождается адекватным политико-социальным прогрессом» [1]. По существу, подобной же позиции придерживается Ф. Поллок в своем стремлении вывести чуть ли не все социальные изменения в обществе из развития автоматики [2] и многие другие буржуазные ученые.

Теоретики конвергенции недостаточно учитывают то обстоятельство, что кроме собственно технических моментов на управление обществом решающее воздействие оказывают социально-экономические факторы, отражающие господствующие в обществе формы собственности и политической организации. Нельзя упускать из виду то важное обстоятельство, что НТР является сегодня одним из участков борьбы между разнотипными системами, поэтому ее результаты могут быть использованы и часто используются в диаметрально противоположных целях.

Теория конвергенции связана со многими политическими процессами, происходящими в современном мире. Определенное воздействие на нее оказывает быстрое экономическое и политическое созревание государств, вступивших на путь самостоятельного развития, появление серьезных предпосылок для сохранения длительного и прочного мира на планете, борьба народов за мирное сосуществование стран с различным социальным устройством, за предотвращение угрозы термоядерной войны.

Она является, по существу, многоплановой идеологической реакцией буржуазной общественной науки на неоспоримые успехи, достигнутые странами социалистического содружества в политической, экономической, культурной, военной и других сферах деятельности общества. Именно существование мощной, быстро развивающейся социалистической системы заставляет идеологов капитализма глубоко задумываться о реальных проблемах капиталистического общества, о том, какую сумму положительных идеалов, теоретического богатства может противопоставить буржуазная мысль практическому торжеству марксистского научного анализа.

---

[1] «Die Industriegesellschaft in Ost und West (Konvergenz und Divergenz)». Mainz, 1966, S. 88.

[2] *F. Pollok.* Automation. Frankfurt am Main — Wien — Zürich, 1964.

Глава II | ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Адепты конвергенции постоянно обращаются к экономической реальности современного мира, пытаясь в сфере производства найти объективные основания пропагандируемых ими идей. При всей калейдоскопичности и кажущейся противоречивости экономических доводов сторонников конвергенции в них наличествует нечто общее, и в первую очередь идея эволюционного сущностного перерождения капитализма как лейтмотив целого ряда концепций «трансформации капитализма». По мнению приверженцев этих теорий, современный капитализм коренным образом отличается от традиционного. Он преодолел якобы его острейшие противоречия и не соответствует больше тому смыслу, который вкладывал в это понятие Карл Маркс.

Распространение теорий «трансформации капитализма», пришедших на смену еще недавно господствовавшим в буржуазной общественной науке тенденциям его открытого оправдания,— явление в высшей степени примечательное. Оно показывает, что перед лицом убедительных успехов социализма буржуазная идеология не способна более защищать традиционными средствами такие коренные принципы капитализма, как свободное предпринимательство, господство рыночной стихии, «священность» частной собственности и т. п., и перед ней стоит задача найти новые, более эффективные способы реабилитации капиталистической системы.

Наиболее часто теоретиками слияния систем муссируются две группы экономических доводов. Одна из них связана с толкованием различных аспектов

процесса прогрессирующего обобществления капиталистического производства, роста корпоративной и государственной форм капиталистической собственности, ускоренного в значительной степени быстрыми темпами развития научно-технической революции. Другая группа доводов служит обоснованием «новой» экономической роли капиталистического государства. Его активное участие в распределении и перераспределении национального дохода, национализации ряда отраслей, проведении некоторых мероприятий по укреплению государственного сектора в экономике и расширению ее плановых начал и т. п. истолковывается нередко как явление, аналогичное происходящим в социалистической системе, как своеобразная «социализация» капиталистического уклада жизни.

Многоплановость и «разношерстность» теории конвергенции осложняет анализ ее содержания и требует внимательного отношения к выбору методики такого анализа. Наиболее приемлемым, с нашей точки зрения, представляется здесь путь выяснения тех определяющих критериев, которыми руководствуются буржуазные теоретики при обосновании социально-экономической аргументации в пользу сближения и синтеза разнотипных социальных систем.

1. И. Беккер о критериях оценки буржуазных концепций «синтеза»

К концу 60-х годов буржуазная общественная наука располагала уже солидной литературой, в которой разрабатывались идеи сближения и слияния капитализма и социализма. Тем не менее пестрота мнений и оценок относительно перспектив сближения (от признания тотального синтеза систем до полного отрицания каких-либо существенных изменений) делала теорию конвергенции структурно рыхлой и вызывала потребность как-то упорядочить ее.

Одна из первых попыток разобраться в конгломерате конвергенционных идей с целью их система-

тизации и целостного осмысления была предпринята западногерманским экономистом Иоахимом Беккером. Подготовленная в итоге И. Беккером публикация «Гипотезы о конвергенции экономических систем на Востоке и Западе», несмотря на отчетливо выраженный апологетизм ее автора, представляет известный интерес, причем не столько в систематизаторском плане, сколько в постановке вопроса о критериях оценки различных вариантов буржуазных концепций сближения и слияния социально различных систем.

В качестве исходного момента своего рассмотрения западногерманский экономист берет понятие «сближение». В соответствии с классово нейтральной схемой структурно-функционального анализа он предлагает три основные дифференциации понятия «сближение», суть которых сводится к выяснению его наиболее важных структурных характеристик. Во-первых, характеристики того, *как* идет процесс сближения систем; во-вторых, *в каком направлении* совершаются вызванные им структурные изменения; в-третьих, *в чем* конкретно происходит сближение капитализма и социализма. Сконструированная таким образом триединая формула начинает играть у Беккера роль своеобразного трафарета, который накладывается на всякую концепцию, содержащую в себе хотя бы намек на конвергенционные идеи.

В свою очередь, каждое из названных выше разграничений градуируется в зависимости от того, что конкретно привлекает внимание автора в том или ином случае. Продолжая, например, дальнейшее «расщепление» первого разграничения, т. е. рассматривая вопрос о том, *как* совершается процесс сближения, И. Беккер намечает два наиболее вероятных подхода: *а)* сближение рассматривается как «неизбежное»; *б)* сближение рассматривается как «желательное». «Процесс совершается самостоятельно, неизбежно,— поясняет он,— потому что существующий экономический строй в ходе прогрессирующего экономического развития обогащается элементами другого экономического строя на основе имманентных эндогенных факторов до тех пор, пока они в

конце концов не сблизятся»[1]. «Желательный» вариант сближения — сближение в результате успеха попыток «создать такие организационные формы, которые будут комбинировать элементы централизованно-управляемой и рыночной экономики»[2].

Следует отметить, что заявка И. Беккера на содержательный анализ взаимосвязи субъективных и объективных факторов процесса общественного развития оказывается нереализованной. Одним из основных пороков анализа западногерманского экономиста является то, что он рассматривает процесс сближения как факт общепринятый и очевидный, в то время как здесь требуются самые серьезные доказательства. Иначе говоря, он акцентирует внимание на выяснении особенностей и характера сближения, обходя при этом вопрос о его корнях. Поэтому интересные сами по себе замечания И. Беккера о тесном переплетении «неизбежного» и «желаемого» в общественном развитии, по существу, повисают в воздухе, не имея под собой достаточно прочного материального основания.

Второе разграничение И. Беккера касается степени структурных изменений в процессе сближения систем; оно вносит ряд существенных уточнений прежде всего в понимание его границ, что имеет немаловажное значение для наиболее полного представления о содержании понятия конвергенции и для предметного критического разбора рассматриваемой нами теории в целом. В буржуазной литературе на эту тему конвергенцию чаще всего характеризуют как такой процесс сближения систем, который венчается их слиянием, потерей наиболее существенных качественных различий. «Конвергенция систем,— отмечает, в частности, К. Тальхайм,— означает, что системы сближаются одна с другой, движутся навстречу друг другу, что они становятся все более похожими друг на друга... что этот процесс продолжается до тех пор, пока наконец существенное различие систем вообще исчезнет»[3].

---

[1] *J. Becker*. Hypothesen zur Konvergenz..., S. 22.

[2] Ibidem.

[3] *K. C. Thalheim*. Konvergenz der westlichen und östlichen Wirtschaftssysteme, S. 67.

И. Беккер несколько расширяет это определение, более тщательно градуируя процесс сближения. Сближение, по его мнению, это такой процесс, когда «две экономические системы, каждая со своей стороны, стремятся к структурному равенству» [1]. Однако подобное стремление не означает, что структурное равенство обязательно наступит. Сближение означает конвергенцию в потенции, в нем конечный результат развития еще не ясен, он скрыт, замаскирован. Поэтому И. Беккер характеризует сближение чаще всего как «направление развития обеих экономических систем до их взаимовхождения в третью» [2]. Вопрос же о том, состоится или не состоится конвергенция, решается только на определенной ступени развития процесса сближения, а именно, когда этот процесс достигает «неустойчивой зоны».

Что это за неустойчивая зона, с помощью которой И. Беккер пытается «обогатить» существующие определения сближения и конвергенции? Какую функцию несет она в его систематизации конвергенционных идей?

По определению западногерманского экономиста, неустойчивая зона — это «системоконструирующая сфера общественной жизни», переступив порог которой планово-экономическая и рыночно-экономическая системы начинают якобы трансформироваться и изменять свое содержание. При этом И. Беккер подчеркивает ее принципиальное отличие от двух других выделяемых им зон — «инструментальной» и «целеконструирующей», где, по его мнению, не «существует больше никаких существенных различий между экономическими системами» [3]. Таким образом, процесс сближения приобретает дифференцированный вид, в нем выделяется ряд зон, которые образуют две разнокачественные сферы. Во-первых, выделяется сфера, где процесс сближения не оказывает существенного влияния на структурные изменения систем и где трудно установить качественное различие между ними. Сюда И. Беккер относит область

---

[1] *J. Becker*. Hypothesen zur Konvergenz..., S. 23.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., S. 23.

функционирования техники, технологии и частично экономики. Во-вторых, обозначается сфера, в которой начинается структурное перерождение систем («неустойчивая зона»). Она включает в себя все области преобладающего действия социально-экономических, политических и идеологических факторов.

Обращает на себя внимание тот факт, что разграничение сфер на нейтральную от структурных изменений и способную трансформировать системы И. Беккер производит субъективистски, игнорируя критерий собственности на средства производства и другие качественные социально-экономические характеристики капитализма и социализма.

Отсутствие четких качественных критериев определяет непоследовательность аналитической позиции И. Беккера. Допуская возможность практической конвергенции систем в отдаленном будущем, он в то же время в теории пытается соорудить на пути сближения систем массу всевозможных ограничений, уточнений, а также зон разной степени интенсификации процессов. Создается впечатление, что вся изобретенная им сложная систематизация не облегчила, а лишь усложнила решение основной задачи, которая имманентно присутствует во всех суждениях И. Беккера,— какие же объективные закономерности определяют действительное прогрессивное развитие общества? Напрашивается вывод, что подобная непоследовательность — косвенное признание Беккером несостоятельности конвергенции как теории.

Третье разграничение процесса сближения затрагивает, согласно схеме И. Беккера, те области, в которых непосредственно осуществляются процессы изменения и сущностного перерождения систем. И здесь он также ищет критерии, задача выделения которых ставится в более конкретной форме. «Определенные критерии,— пишет И. Беккер,— должны быть найдены для ответа на вопрос, где осуществляется процесс сближения» [1]. Именно в этой связи он рассматривает три наиболее типичные области

---

[1] *J. Becker*. Hypothesen zur Konvergenz.., S. 24.

имеющего место, а также возможного сближения качественно различных систем, наделяя их одновременно свойством выступать в роли своеобразных критериев или подкритериев оценки происходящей в них трансформации.

Прежде всего это область целевых установок политико-экономического и политико-идеологического плана, согласно И. Беккеру, одна из наиболее трудно поддающихся трансформации сфер развития. Анализируя происходящие здесь изменения, он проявляет большую осторожность и нигде не акцентирует внимания читателей на явлениях сближения, не говоря уже о конвергенции. Фактически И. Беккер ограничивается лишь констатацией некоторых сходств в определении целей деятельности различных обществ, отмечая, в частности, общую для капитализма и социализма «заинтересованность в росте жизненного уровня населения, в форсировании экономического роста и т. п.» [1]. Будут ли и дальше увеличиваться подобные сходства в целеустановках? Каким образом будет эволюционировать этот процесс? Что за факторы тормозят или ускоряют его развитие? Все эти вопросы И. Беккер оставляет открытыми.

Следующая область — область методов хозяйственного руководства в отличие от предыдущей дает гораздо более богатый материал для выводов о достигнутом уровне сближения систем. В качестве основного критерия И. Беккер называет здесь «аналогичный инструментарий хозяйствования» [2]. В роли такого инструментария выступают у него, например, вопросы планирования и координации экономики, материального стимулирования. Сюда же он относит практику использования электронно-вычислительной техники в экономике капитализма и социализма. Повторяя наиболее распространенный среди адептов конвергенции порок, И. Беккер волюнтаристски смешивает здесь и ставит в один ряд качественно различные явления социально-экономического и технико-организационного плана. Только этим можно объяснить отождествление им таких разных по своей

---

[1] *J. Becker.* Hypothesen zur Konvergenz..., S. 23.
[2] Ibid., S. 25.

природе явлений, как капиталистическое и социалистическое планирование и стимулирование.

Сближение на основе «тождественности индустриально-технических форм» организации производства — последний из рассматриваемых И. Беккером критериев. Этот тип сближения осуществляется при достижении социально-экономическими системами сравнительно одинакового уровня развития производительных сил. Подобный критерий признается всеми или почти всеми сторонниками конвергенционных гипотез и служит своеобразным материальным основанием их многочисленных вариантов. Поэтому он принимается И. Беккером без обычных оговорок.

Таким образом, оценка процесса сближения производится И. Беккером с помощью комплекса критериев, не без изобретательности скомпонованных в довольно стройную с внешней точки зрения систему, претендующую на исчерпывающий охват всех сторон и аспектов проблемы. Он не только верит в универсализм своей системы критериев в целом, но и подчеркивает важность каждого из них, взятого самостоятельно. «При классификации и оценке гипотез о конвергенции,— утверждает И. Беккер,— эти критерии играют большую роль, поскольку от того, какое применение находит хотя бы один из описанных критериев, зависит и содержание гипотез о конвергенции»[1]. Западногерманский экономист не замечает, насколько переоценивает он дееспособность своей оценочной конструкции, когда заявляет, что от выбора критериев в особенности будет зависеть степень сближения. В подобных заявлениях отчетливо проявляется идеалистическая субъективистская сущность способа рассмотрения общественных явлений, демонстрируемого И. Беккером.

Как мы могли уже убедиться, критерии, отобранные и разработанные И. Беккером с целью содержательной оценки процесса сближения, носят преимущественно структурно-формальный и лишь в незначительной мере сущностный характер. Способствуя в определенной степени систематизации литературы на конвергенционные темы, предостерегая

---

[1] *J. Becker.* Hypothesen zur Konvergenz..., S. 25.

от упрощенного понимания характера процесса сближения, Беккер тем не менее затушевывает качественные различия капитализма и социализма. То обстоятельство, что И. Беккер говорит о политической и идеологической противоположности систем, не означает еще, что он понимает сложную взаимосвязь, существующую между материальными и идеальными, базисными и надстроечными компонентами общества.

Не случайно его критерии сближения образуют некую автономию, существуют сами по себе, не рассматриваются в связи с критериями способа производства материальных благ, с помощью которых только и возможно осмыслить развитие общества в целом.

Методологическая непоследовательность и противоречивость взглядов И. Беккера не могли не сказаться и на его заключительных выводах, где он выступает, по существу, с позиций «ограниченной» конвергенции, т. е. признает конвергенцию лишь в одной из двух рассматриваемых им сфер сближения. «Можно, пожалуй,— утверждает И. Беккер,— в определенной модели развития... предполагать конвергенцию в отношении методов... и результатов эффективного хозяйствования; но относительно конечных целей политико-экономического и политико-идеологического плана не может быть сделано никаких точных предположений о будущем развитии» [1]. Это допущение конвергенции «снизу», в сфере функционирования производительных сил, экономической жизни общества и отрицание ее «вверху», в области социально-идеологической деятельности общества, представляют характерную особенность мышления многих буржуазных экономистов, сторонников синтеза капитализма и социализма.

Признание «ограниченной» конвергенции представляется наиболее приемлемой позицией и для правого, наиболее реакционного крыла сторонников синтеза систем. Она позволяет им широко пропагандировать идеи о движении социализма по пути капитализма, о «перерождении» социалистической

---

[1] *J. Becker*. Hypothesen zur Konvergenz..., S. 26.

экономики и т. п., обходя и затушевывая острейшие вопросы социального неравенства и классовой борьбы.

Абсолютизация И. Беккером структурно-формальных критериев, их субъективистская дифференциация с точки зрения интересов определенных социальных групп приводят к тому, что в лагере конвергентов оказываются буржуазные теоретики, весьма далекие друг от друга по своим научным и политическим симпатиям, как, например, либеральный буржуа Ян Тинберген и известный антисоветчик К. Менерт. Более того, по схеме И. Беккера в этот же лагерь попадают и некоторые советские ученые, причем только на том основании, что они, как и буржуазные теоретики, широко используют в своей деятельности математические методы экономического анализа и счетно-вычислительные устройства.

Конструирование подобных тождеств может быть понято в связи с некоторыми особенностями современной идеологической борьбы. Известно, что сегодня противники марксизма-ленинизма все реже прибегают к лобовым атакам, предпочитая более изощренный путь выборочной ассимиляции некоторых положений, взятых из научного арсенала своих идеологических противников. Эта новая идеологическая стратегия преследует очевидную цель — перехватить идеи сближения, подчинив их своему регулирующему влиянию, направить их в нужное русло.

Не в силах преодолеть критерии марксизма научно, буржуазные ученые-конвергенты чаще всего просто игнорируют их, обходя или старательно преуменьшая определяющую роль производственных отношений в обществе, в первую очередь роль отношений собственности на средства производства. В этом «нервном центре» взгляды теоретиков синтеза систем обнаруживают удивительную тождественность с представлениями других концепций «индустриального общества». В работе «Власть без собственности» американский экономист А. Берли писал: «Мы признаем, что наша экономическая система покоится на частной собственности. Однако большая часть индустриальной собственности является не более частной, чем место в трамвае.

Спрашивается, многое ли вообще еще может быть названо собственностью?»[1]

Научному единству марксистско-ленинских критериев общественного развития, которое особенно отчетливо раскрывается в характеристике способа производства, приверженцы идей сближения и слияния систем противопоставляют плюрализм и пестроту критериев буржуазной общественной науки. В них, как правило, находит отражение гипертрофированное раздувание отдельных факторов функционирования социально-экономического механизма общества. При этом особенной абсолютизации подвергается роль производительных сил или технико-организационной основы развития производства.

Искусственно соединенные в комплексы, эти абсолютизированные критерии передают свою односторонность всему комплексу. В результате общая теоретическая картина получается искаженной, не соответствующей действительности. Примером может служить комплексная характеристика индустриального общества, данная Р. Ароном в лекциях об «индустриальном обществе», где в качестве самой характерной черты этого общества выступает крупная индустрия. Очевидная тавтологичность, допускаемая Р. Ароном в характеристике индустриального общества, не снимается перечнем таких его признаков, как разделение производства и семьи, разделение труда между отраслями и внутри производства, накопление капитала, концентрация рабочей силы и т. д.[2] Как бы ни был важен в характеристике современного общества критерий индустриализации, он все же не представляет его наиболее существенную особенность. Таковой по-прежнему остаются отношения собственности на средства производства.

Не менее важным является вопрос о критериях общественного прогресса, в оценке которого буржуазные теоретики также не имеют единого мнения. Так, например, согласно У. Ростоу, одним из определяющих моментов общественного развития является размер инвестиций. Г. Канн и А. Винер считают

---

[1] *A.-L. Berle.* Macht ohne Eigentum. Meisenheim am Glan, 1967, S. 26.

[2] *R. Aron.* Die industrielle Gesellschaft, S. 64.

более надежным и точным в этом отношении критерий дохода на душу населения. Д. Гэлбрейт отдает предпочтение уровню развития техники и объему капиталовложений. Значительная часть западногерманских экономистов наиболее важным показателем общественного развития считает темпы экономического роста [1].

Игнорирование или недооценка роли и характера общественных отношений, выдвижение на первый план количественных показателей экономического развития являются отражением факта абсолютизации материальной, вещественной стороны способа производства, следствием «технологического детерминизма». В свое время К. Маркс доказал антинаучность всякого отрыва, противопоставления производительных сил и производственных отношений, чрезмерного преувеличения роли одной из сторон способа производства. Сами по себе орудия и машины, отмечал Маркс, не являются еще экономической категорией. «Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины» [2].

Не случайно апологеты конвергенции упорно обходят тот факт, что капиталистическое использование техники служит прежде всего обогащению предпринимателей, обеспечивает им баснословные прибыли.

2. Конвергенция систем как имманентное требование «рыночной экономики»

Среди многообразных по типу способов доказательства конвергентного пути развития капитализма и социализма в западной социально-экономической литературе видное место занимает аргументация, основанная на признании особой, определяющей роли рыночной экономики в изменениях

---

[1] См. *K. Borchardt.* Zur Theorie der sozial-ökonomischen Entwicklung der gegenwärtigen Gesellschaft. In: «Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft?». Stuttgart, 1969.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 405.

современного «индустриального общества». Рыночная экономика, закономерности и тенденции ее развития являются якобы главной детерминантой, «мотором» всего современного общественного развития, наряду с этим они выступают также и в качестве решающего фактора взаимного сближения стран с различным социальным строем.

Свое наиболее полное выражение конвергенционные доводы «от рынка» нашли в книге западногерманского экономиста Р. Лилиенштерна «Индустриальная экономика завтра. Взгляд за занавес будущего». «В центре новой общественной дискуссии,— писал он в этой книге,— должна быть рыночная экономика, которая не признает ни преимуществ производительной экономики (капитализм), ни преимуществ распределительной экономики (марксизм), но возводит рынок или рынки в роль базиса экономической ассимиляции» [1].

Что же, по мнению Р. Лилиенштерна, определяет особую роль рынка как фактора, способствующего интеграции противоположных социально-экономических систем?

Прежде всего существенные изменения, происшедшие в послевоенном мире, что нашло свое отражение в содержании самого понятия рынка. Рынок вырос, расширился и изменил свое прежнее лицо. Пройдя региональные стадии развития, он перешагнул национальные и супернациональные рамки и прочно утверждается в качестве мирового рынка.

Растущее мировое влияние рынка неизбежно влечет за собой существенное преобразование всех сфер национального производства, которое, как и рынок, все более приобретает интернациональный характер. В ходе этого глобального процесса экономика капиталистических и социалистических стран обнаруживает, по мнению Р. Лилиенштерна, «тенденцию к единению, к слиянию в общую мировую систему хозяйствования»: «Индустриальная экономика является сегодня мировой экономикой, и не только в таких сферах промышленности, как угольная, сталелитейная, нефтяная, но также и в сфере капитало-

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 30.

вложений производства товаров широкого потребления»[1].

В «болезненном процессе» перерождения теряет свою особую позицию сельское хозяйство. Значительно изменяются шансы ручного труда. Что касается мелких и средних производственных единиц, то им приходится особенно трудно в конкурентной борьбе с крупными корпорациями.

Западногерманский экономист неоднократно отмечает, что рыночная экономика в процессе своего развития до мировых масштабов неизбежно сталкивается со структурой «иерархически определяемых форм общественной жизни» (так он характеризует отношения, сложившиеся в социалистических странах). Это обстоятельство, хотя и рассматривается им как определенное препятствие на пути всеобщего синтеза, однако, не настолько серьезное, чтобы существенным образом повлиять на его победный исход. Процесс социально-экономической ассимиляции как «имманентное требование рынка и рыночных отношений», по его мнению, всеобъемлющ и необратим. В нем сглаживаются и стираются не только экономические границы капитализма и социализма, но и классово-социальная разнотипность систем, а также их идеологическая несовместимость. «Рыночная экономика,— утверждает Р. Лилиенштерн,— должна быть новым форумом, в котором сольются идеологии... В новой рыночной экономической системе отомрут не только старые идеологии, но также и ряд других моделей и систем, которые существовали и существуют»[2].

Не остается вне внимания Р. Лилиенштерна и вопрос об обществе будущего, однако здесь он ограничивается преимущественно общими характеристиками экономического плана. По его прогнозам, это будет общество «массового производства, массового распределения и массового потребления», представляющее, по существу, разновидность «массового, нивелированного индустриального общества»[3].

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 32.

[2] Ibid. S. 33.

[3] Ibidem.

Таковы в общих чертах контуры рыночной концепции Р. Лилиенштерна.

Конвергенционные предположения и гипотезы редко являются продуктом чистого спекулятивного мышления. Их авторы, как правило, апеллируют к реальности. И они действительно фиксируют в своих теоретических построениях многие факты и процессы, происходящие в современном капиталистическом обществе. Однако апелляция к реальности и научное освещение ее динамики — вещи далеко не идентичные. Проходя сквозь призму буржуазного сознания, явления действительности редко получают объективное отражение. Чаще всего в результате получается искаженный образ происходящего, несущий на себе отпечаток классово-групповой принадлежности авторов теоретических построений, их субъективных симпатий и антипатий.

Взгляды Р. Лилиенштерна не представляют здесь какого-либо заметного исключения. Наиболее существенные социально-экономические изменения современного капитализма он видит в растущей доле общественного бюджета, в практике государственных инвестиций, в усилении фактора планирования. Являясь первичными экономическими образованиями, эти явления, в свою очередь, вызывают целую реакцию вторичных трансформаций, выходящих за границы «внутренней структуры экономических форм», что выражается в усиливающемся влиянии института менеджеров, в росте экономической роли капиталистического государства, в увеличении численности и значения среднего слоя, прежде всего служащих и т. п.

Социалистическая система, по мнению западногерманского экономиста, также претерпевает крутые изменения. Все больше внимания в экономике социализма приобретают методы рыночной экономики. Слабеет централизованное руководство, передавая ряд своих функций на места. Главной руководящей фигурой социалистической промышленности, как и на Западе, становится менеджер. Социалистическая экономика все более очевидно ориентируется на потребление и развитие принципов материальной заинтересованности.

Основной теоретический вывод, к которому приходит Р. Лилиенштерн в результате изучения социально-экономических процессов, протекающих в разнотипных системах, состоит в том, что употребляемые до сих пор в общественных науках понятия «капитализм» и «социализм», равно как и идея о коренной противоположности между ними, в настоящее время утратили свое значение. «Понятие капитализма,— утверждает он,— рассматриваемое как противоположность понятию марксизма, не следует применять в анализе настоящего и будущего экономического развития, как, впрочем, и само понятие марксизма» [1].

Автор «рыночного варианта» конвергенции нередко прибегает к цитированию К. Маркса, и, казалось бы, он должен знать, что констатация противоположности капитализма и социализма — не плод теоретических спекуляций, а объективная истина, что в основе ее лежит реальное противоречие, существующее между общественным характером труда и частной формой присвоения его результатов. Не отрицая наличия противоположности между трудом и капиталом прямо, Р. Лилиенштерн занимает центристскую позицию, стремясь преуменьшить и затушевать истинное значение и роль проблемы, задвинуть ее на задворки теоретического анализа. «Противоречие между трудом и капиталом,— заявляет он,— давно уже не является проблемой теоретической и идеологической противоположности» [2].

Индустриальное общество создает, по мнению Р. Лилиенштерна, новый тип взаимоотношений между капиталистами и рабочими, исключающий антагонистические противоречия и вместе с тем обеспечивающий их прогрессирующее сближение и сотрудничество. Понятия «капиталист» и «рабочий», «собственность» и «эксплуатация» не соответствуют больше содержанию этих новых отношений. «Представление о собственности,— утверждает он,— изменилось

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 23.
[2] Ibid., S. 24.

полностью»[1]. Предприятия, которые раньше принадлежали конкретным лицам, становятся теперь собственностью групп акционеров. Они все более «деперсонализируются», «превращаются в анонимные общества»[2]. Но означает ли это, что владение собственностью на капитал также «деперсонализировалось»? Конечно, нет.

Общеизвестно, что собственность в акционерных обществах приобретает форму ценных бумаг на предъявителя, которые свободно циркулируют на рынке, переходя из рук в руки, что хорошо иллюстрируют, скажем, биржевые операции. Нередко эта способность акций переходить от владельца к владельцу ошибочно истолковывается буржуазными учеными в смысле деперсонализации капитала. Здесь форма принимается за содержание. Способность акций к обезличке выдается за обезличку капитала. Так как сама акция — это документ на предъявителя, то, разумеется, невозможно в любой конкретный момент установить владельцев всех акций. Однако установить фамилии наиболее крупных собственников акций, истинных хозяев той или другой акционерной компании не представляет особой трудности. Как правило, эти имена хорошо известны.

Другим важным доводом в пользу происходящего якобы сближения труда и капитала является, по мнению Р. Лилиенштерна, существенное изменение самого понятия «предприниматель». Это изменение связывается им с возникновением и распространением на крупных капиталистических предприятиях так называемого института менеджеров и технократов, который «ясно показал», что господствующее еще несколько десятилетий назад представление о предпринимателе как о собственнике устарело. «Наступление акционерных обществ,— пишет Р. Лилиенштерн,— в нашей фазе индустриального развития разделяет владение от руководства. Предприниматели стали председателями акционерных обществ. Предприниматель прежнего типа остается решающим

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 198.

[2] Ibid., S. 58.

фактором только на средних и мелких предприятиях» [1].

Действительно, быстрое развитие капитализма, укрупнение масштабов его производства, усложнение технологических процессов — все это способствовало возрастанию роли функций управления производством, которые, все более обособляясь, становятся самостоятельной сферой деятельности. Крупный собственник оказывается все менее способным лично управлять своим капиталом; возникает необходимость в специальном аппарате управления, эффективное руководство которым, в свою очередь, требует подготовки, которой располагают далеко не все владельцы капиталов.

Каким же образом это явление влияет на институт предпринимателей?

Р. Лилиенштерн считает, что оно влечет за собой прежде всего утерю предпринимателями руководящей роли на производстве, которая отныне переходит к менеджерам. «Менеджеры,— отмечает он,— становятся в массе руководящей группой в индустриальной экономике... Эта группа все в большей степени будет определять руководство ею» [2].

Таким образом, происходит процесс разделения функций владения и управления. «Само капиталистическое производство,— писал К. Маркс,— привело к тому, что труд по надзору, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда предлагается в избытке. Поэтому сделалось необязательным, чтобы этот труд по надзору выполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра...» [3]

Указанные обстоятельства, согласно взглядам Р. Лилиенштерна, решающим образом сказываются на изменении существа понятия «предприниматель». «Образуется новое, с новым содержанием понятие предпринимателя... Нельзя проходить мимо того факта, что позиции и представления предприни-

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 197.

[2] Ibid., S. 59.

[3] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 425.

мателей изменились в самом чувствительном пункте — в отношении к собственности» [1]. Верный своим реформистским принципам, Р. Лилиенштерн стремится обосновать идею ее эволюционного перерождения.

Конечно, в наши дни монополисты редко лично руководят предприятиями, они даже не всегда участвуют в работе наблюдательных советов. Эти функции исполняют менеджеры, действительно пользующиеся самостоятельностью. Однако эта самостоятельность допускается только в одном направлении — увеличения прибылей своих хозяев. Никакой менеджер не посмеет руководствоваться интересами трудящихся в таких вопросах, как заработная плата, цена на продукт, модернизация предприятия, улучшение условий труда и т. д., в противном случае он скоро почувствует, за кем последнее слово в решении этих проблем.

Впрочем, и сам Р. Лилиенштерн вынужден в конце концов признать, что собственность и ее владелец, несмотря на их «трансформацию», остаются факторами, определяющими власть и ведущую позицию в экономике современного индустриального общества. Не случайно на прямо поставленный вопрос о том, кто же будет господствовать в экономической жизни капиталистических стран, кто будет богачами завтра — предприниматели или менеджеры,— он, верный своей половинчатой позиции, ответил: «Предприниматели... среди менеджеров» [2].

В отличие от апологетов синтеза систем, марксистская наука дает реальное понимание феномена отделения функций управления от собственности. Подробно исследуя это явление в «Капитале», К. Маркс установил, что оно «является общим для всех способов производства, основанных, как и капиталистический способ, на классовой противоположности...» [3]. С ростом и укреплением акционерного капитала отделение функций управления от функций владения

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 197 und 59.

[2] Ibid., S. 59.

[3] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 424—425.

собственностью приобретает устойчивый характер. «Акционерные предприятия,— пишет К. Маркс,— развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд по управлению как особую функцию от владения капиталом...» [1] Таким образом, это явление отнюдь не говорит о каком-либо коренном изменении капиталистических отношений. Полное отделение труда по управлению от собственности на капитал означает, по мнению К. Маркса, не эволюционное перерождение капитализма, а еще одно доказательство полной бесполезности института собственников для нормального функционирования процесса производства, еще одно свидетельство устарелости капиталистических отношений. «...Капиталист в качестве функционера производства стал столь же излишен, как сам он, представляя высшую ступень развития, считает излишним помещика» [2].

Согласно взглядам Р. Лилиенштерна, перерождается не только класс капиталистов. Широкий процесс «трансформации» охватил и слои трудящихся, которые на стадии индустриального общества не только улучшают свой жизненный уровень, но и получают широкие возможности обогащения. «Различия между собственниками и пролетариями,— утверждает он,— потеряли свою остроту, так как пролетарии все более врастают в группу собственников, тогда как относительное число собственников (в прежнем смысле.— *Г. И.*) сократилось» [3].

В свое время сторонники «народного капитализма» посвятили доказательству этого тезиса не один десяток трудов, тщетно пытаясь владельца десятка акций уравнять с миллиардером. Р. Лилиенштерн не скатывается до повторения этих, давно разбитых практикой и наукой, доводов, однако и его аргументация неубедительна. Обосновывая свою идею «врастания» трудящихся в класс капиталистов, Р. Лилиенштерн набрасывает такую идеализированную картину эволюции их отношений, что временами кажется, будто это пишет кто угодно, но не серьез-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 426.

[2] Там же, стр. 425.

[3] *H. R. von Lilienstern.* Industriegesellschaft von Morgen..., S. 25.

ный ученый, ведущий экономист ФРГ. Вот некоторые выдержки из его рассуждений. «Индустриальное общество не может себе позволить ни слишком бедных, ни слишком богатых... Основная масса потребителей должна принадлежать к группе средних доходов... Все больший вес будут приобретать работы по управлению, и рабочие все больше будут заменяться служащими... Параллельно этому будет идти процесс повышения доходов» [1].

Что же касается «группы богатых», с эволюцией которой мы только что познакомились, то эта группа также будет относительно сокращаться, хотя, с другой стороны, по словам того же Р. Лилиенштерна, в ФРГ «еще никогда не было такого большого числа миллионеров, как сегодня» [2].

Внутренняя «трансформация» основных устоев капитализма сопровождается, по мнению западногерманского теоретика, «аналогичным параллельным» процессом и в «системе коммунизма», что, в свою очередь, приводит к общей «межсистемной трансформации». Отсюда следует другой «крупный» вывод Р. Лилиенштерна: «Не нужно быть пророком, чтобы установить, что различие «капиталистических» стран Запада и «социалистических» стран Востока со временем исчезнет, так как эта альтернатива потеряла свою силу» [3].

Рассматривая основные аспекты процесса сближения систем, Р. Лилиенштерн обнаруживает в нем две ведущие тенденции. Со стороны социалистических стран — развитие в сторону рыночной экономики. Причем эта тенденция проявит себя тем очевиднее, «чем более развитой будет индустриальная экономика» социалистических стран. Со стороны Запада — изменения в сторону плановости: капиталистические страны «получат со временем значительный заряд плановости». Поясняя эту мысль, Р. Лилиенштерн писал: «Преимущество Запада — развитая рыночная экономика. Его ахиллесовой пятой является дефицит в долгосрочном планировании. Восток

---

[1] *H. R. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen.., S. 55—59.

[2] Ibid., S. 56.

[3] Ibid., S. 30.

же имеет развитое, зачастую слишком бюрократизированное планирование и очень мало рыночных идей и действий. Но различные блоки сближаются. Можно только надеяться, что общество будущего будет подразумевать не очень много планирования и не слишком мало рыночных идей. Не будет иметь место и противоположность планирования и рыночного хозяйства, так как они являются ценностями не двух систем, но факторами, которые оба необходимы в сложной индустриальной науке. Речь идет только о дозах» [1].

Анализируя процесс развития противоположных систем, Р. Лилиенштерн постоянно абсолютизирует «экономический фактор», который понимает узко, как обособленный от «политических отношений власти». Он твердо уверен, что требования экономической целесообразности способны сами по себе властно и неудержимо устранять все препятствия и противоположности, стоящие на пути прогресса общества.

Оглядываясь на путь, пройденный капиталистическими странами, он отмечает, что, движимые основными принципами рыночной экономики, они уже переняли и будут перенимать некоторые позитивные моменты экономической жизни Востока. Кроме принципа планирования, «очищенного от централизма», среди этих моментов Р. Лилиенштерн указывает на практику государственного участия в распределении и «некоторую порцию политического и государственного влияния» на эволюцию экономики в целом. Этим, по существу, и ограничивается в глазах автора рыночного варианта сближения позитивное воздействие социалистической системы. Когда же речь заходит о влиянии Запада на Восток, изобретательность Р. Лилиенштерна резко интенсифицируется: в каждом новом явлении социально-экономической жизни стран социалистического содружества он отыскивает следы «либерализации» и «перерождения» коммунизма.

Особое внимание в этой связи Р. Лилиенштерн уделяет эволюции принципа централизованного пла-

---

H. R. von Lilienstern. Industriegesellschaft von Morgen..., S. 118.

нирования, разграничивая в ней раннюю и позднюю фазы. Только на ранней ступени развития советской экономики видит Р. Лилиенштерн некоторую оправданность этого принципа. «Нельзя утверждать,— констатирует он,— что на первой фазе центральное экономическое планирование сдерживало этот подъем» [1] (имеется в виду подъем социалистической экономики.— *Г. И.*). Что же касается последующих этапов, особенно современной стадии развития социалистической экономики, то здесь принцип централизованного планирования потерял якобы свой первоначальный смысл. «Теперь централизованное планирование,— заявляет Р. Лилиенштерн,— с различных концов начинает мешать экономическому росту» [2]. Более того, по его мнению, он стал одной из «решающих слабостей» современной экономики СССР: «Социалистический план чрезмерно жесток, вследствие чего мотор хозяйствования, определяемый потреблением, развивается слишком плохо» [3].

Одним из убедительнейших доказательств «либерализации коммунизма» является, по мнению Р. Лилиенштерна, сам факт проведения в Советском Союзе и некоторых странах социалистического лагеря экономических реформ. Грубо искажая их существо, он, как и многие другие теоретики Запада, интерпретирует экономические преобразования в социалистических странах как очевидное отступление социалистической экономики от своих первоначальных принципов. Изгнание элементов субъективизма в планировании, разработка оптимальных хозяйственных планов, расширение принципов демократического централизма, более тщательный отбор плановых показателей — словом, все то, что на деле способствует новому качественному росту системы управления социалистической экономикой, используется Р. Лилиенштерном как повод для безапелляционных заявлений о ее «трансформации», «свертывании», «депланировании», «децентрализации».

---

[1] *H. R. von Lilienstern*. Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 182.

[2] Ibid., S. 183.

[3] Ibid., S. 61.

Превратное толкование получает и факт образования в советской экономике опытных производственных фирм, который Р. Лилиенштерн преподносит чуть ли не как новую «либеральную революцию». Он характеризует фирмы как объединения, которые, в отличие от остальных социалистических предприятий, функционируют «вне общеэкономического плана производства и распределения», что, по его мнению, является новым «революционным шагом» [1].

Нетрудно догадаться, о какой «революции» печется эволюционист Р. Лилиенштерн. Все его теоретические построения от начала и до конца подчинены одной цели: показать, что экономическое развитие социалистической системы теряет свое самостоятельное историческое значение, что оно осуществляется в сторону «рыночной экономики» и «нивелированного общества» Запада.

Не обходит молчанием Р. Лилиенштерн и проблему товарно-денежных отношений, наличие которых в социалистическом лагере рассматривается им как использование социализмом принципов капитализма, как возрождение на социалистической почве рыночной стихии. «Рынок с конкуренцией и ценой,— утверждает в этой связи Р. Лилиенштерн,— получает центральное место в сфере товаров народного потребления» [2]. Это же имеет в виду и Карл Тальхайм, когда заявляет, что в ГДР и других социалистических странах «вместо валового производства устанавливается товарное» [3]. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех подобных рассуждениях товарно-денежные отношения рассматриваются как атрибут исключительно экономики капитализма, что неверно прежде всего исторически. Как известно, товарно-денежные отношения появляются задолго до возникновения капиталистического общества; будучи определяющими для капиталистической экономики, они тем не менее не уничтожаются с победой социализма, но, изменяя свой характер, продолжают функциони-

---

[1] *H. K. von Lilienstern.* Die Industriegesellschaft von Morgen..., S. 17.

[2] Ibid., S. 118.

[3] *K. C. Thalheim.* Konvergenz der westlichen und östlichen Wirtschaftssysteme, S. 76.

ровать в социалистической формации вплоть до построения коммунизма.

Сходные по форме товарно-денежные отношения при социализме и капитализме имеют совершенно различную социальную природу, поэтому все попытки отождествления социалистических товарных отношений с рыночной экономикой не имеют реальных оснований.

Подтверждением конвергенции не может служить и формально-логическое сходство таких категорий капиталистического и социалистического хозяйства, как прибыль, рентабельность и т. д.

Экономический механизм противоположных систем не сводится к сумме категорий. В условиях социализма исключены всякие возможности для приобретения средств производства в личное пользование и тем самым — всякая материальная основа для эксплуатации. Поэтому и прибыль социалистических предприятий, в отличие от предпринимательской, не может вести к индивидуальному обогащению. Она отчисляется на расширение социалистического производства, на повышение жизненного уровня трудящихся, социальное обеспечение.

Таким образом, если товарно-денежные отношения при наличии частных форм собственности ведут к расширению и воспроизводству капиталистических производственных отношений, то при социализме они служат развитию и укреплению качественно иных отношений — отношений равенства всех трудящихся.

3. Концепция «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрейта в роли социально-экономической основы идей конвергенции

Провозглашение конвергенции систем капитализма и социализма в качестве имманентного требования современного развития «рыночной экономики» не исчерпывает социально-экономических доводов сторонников этой теории. Более того, ее «рыночный вариант», получивший хождение в Европе в середине 60-х годов, в дальнейшем уступает место

более распространенным «технократическим вариантам», среди которых особого внимания заслуживают идеи конвергенции, выдвигаемые известным американским экономистом и социологом Дж. Гэлбрейтом.

Следует сразу же оговориться, что «чистых» однофакторных буржуазных концепций сближения разнокачественных систем, даже если эти факторы представляют такую крупную величину, как рынок или техника, вообще не существует. Все они крайне эклектичны по своей структуре, и если нами употребляются такие характеристики, как «рыночный вариант» (применительно к взглядам Р. Лилиенштерна) или «технократический вариант» (в связи с оценкой конвергенционной гипотезы Дж. Гэлбрейта), то делается это главным образом для того, чтобы подчеркнуть специфику рассматриваемых концепций, выделить преобладающую в них группу доводов и аргументов.

Примечательно, что Дж. Гэлбрейт не считает убедительным аргументацию буржуазных экономистов типа Р. Лилиенштерна в пользу растущего влияния рыночной экономики в современном общественном развитии. Он не отрицает, правда, наличие в индустриально развитых странах значительной сферы, где рыночные отношения, или «рыночная система», играют все еще существенную роль, имея в виду фирмы и предприятия сравнительно небольшого размера. Характеризуя специфические особенности этой сферы экономической жизни, Дж. Гэлбрейт писал: «Здесь цены не контролируются. Здесь верховная власть принадлежит потребителю. Здесь денежные побуждения господствуют в чистом виде. Техника здесь проста, и не ведутся никакие научные исследования или конструкторские работы, направленные на то, чтобы сделать ее иной. Здесь нет правительственных заказов; независимость от государства является здесь реальным фактом» [1].

Однако не «рыночная система» определяет лицо современного общества и перспективы его развития, и не с ней связывает Дж. Гэлбрейт свои конвергенционные надежды. Он постоянно подчеркивает, что

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 459.

СССР и США, достигнув ступени индустриального развития, утратили былую зависимость от рынка, поскольку «настоятельные требования, диктуемые технологией и применением капитала, не позволяют фирме быть на поводу у рынка» [1]. В этой связи любой «рыночный вариант» обоснования идеи ассимиляции разнокачественных систем не соответствует, по его мнению, реальным тенденциям современного общественного развития. Вот почему Гэлбрейт считает, что «нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок» [2].

Совершенно иначе, нежели Р. Лилиенштерн, рассматривает Гэлбрейт и широко распространенную на Западе версию о децентрализации советской экономики. «Крупной советской фирме,— писал он,— не грозит опасность попасть под неконтролируемое воздействие рыночных сил в области сбыта продукции, снабжения, обеспечения рабочей силой и в целом в вопросах формирования производственной политики... Децентрализация в экономических системах советского типа означает не возврат к рынку, но перемещение некоторых плановых функций от государства к фирме» [3].

Критика Дж. Гэлбрейтом «рыночного варианта» развития и сближения современных индустриальных стран, разумеется, не означает, что он научно решает вопросы развития экономических отношений при капитализме. Выступая против абсолютизации роли рынка, американский экономист сам впадает в ряд крайностей, особенно когда провозглашает неизбежность уничтожения рынка зрелой корпорацией, которая представляется ему качественно иной по своей природе организацией, нежели монополистическое объединение. Но от того, что Дж. Гэлбрейт переименовал монополию, назвав ее зрелой корпорацией, наделив ее «новыми» качествами — способностью к плановой организации производства и распределения продукции, ее монополистическая сущность не исчезла. Напротив, современная монополистическая орга-

---

[1] *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, стр. 215.
[2] Там же, стр. 152—153.
[3] Там же, стр. 152.

низация порождает еще более острые формы противоречий капиталистической конкуренции между небольшой группой гигантских промышленно-торговых объединений и массой средних и мелких фирм, подтверждая правильность ленинской характеристики империализма, который «усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но *устранить* обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. д... *не может*» [1].

Свою концепцию конвергенции качественно различных систем Дж. Гэлбрейт строит на основе выявления общих черт, присущих западному и советскому типам общества, которые он, как и Р. Арон, рассматривает в качестве разновидностей единого индустриального общества. «Конвергенция,— утверждает он,— связана прежде всего с крупными масштабами современного производства, с большими вложениями капитала, совершенной техникой и со сложной организацией как важнейшим следствием названных факторов» [2].

В этом комплексе факторов определяющим выступает современная техника, с развитием и усложнением которой связываются все или по крайней мере наиболее существенные перемены в механизме функционирования общества. Сложная техника и технология постоянно требуют крупных вложений капитала. В свою очередь, конструирование и эксплуатацию техники, а также управление, построенное на основе технических новшеств, невозможно осуществлять без привлечения специалистов самой высокой квалификации. Наиболее же благоприятные условия для осуществления всех требований техники могут, по мнению Дж. Гэлбрейта, создать только крупные хозяйственные объединения или корпорации, которые являются сердцевиной современной индустриальной экономики. Их численность по сравнению с количеством средних и мелких ферм невелика. В США это каких-нибудь 500—600 корпораций, наиболее развитых в техническом отношении, обладающих огромными капиталами и сложной организационной структурой. Именно эту часть экономики

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 145.
[2] *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, стр. 453.

Дж. Гэлбрейт называет «индустриальной системой», характеризуя ее при этом как определяющий признак «нового индустриального общества» [1].

Но, противопоставляя промышленные корпорации монополиям, рассматривая их преимущественно с организационно-технической стороны как наиболее совершенную форму хозяйствования, американский экономист игнорирует тем самым их социальное содержание. В результате «индустриальная система» утрачивает свои капиталистические свойства и предстает как совокупность наиболее крупных предприятий, вооруженных передовой техникой, решающих задачи, аналогичные тем, которые приходится решать крупным промышленным объединениям в социалистических странах [2].

С точки зрения Гэлбрейта, иначе и быть не может — ведь капиталистическая корпорация (а вместе с ней и вся «индустриальная система») испытывает воздействие «социализации», которая, по его мнению, существенно меняет лицо капиталистической экономики. «То, что большинство отдельных явлений,— отмечает он,— ведущих к социализации (если позволительно употребить это самое неприятное слово) развитой корпорации, реально существуют, признают даже наиболее консервативно настроенные люди» [3].

К таким явлениям он относит, в частности, контроль корпораций над ценами на их продукцию, их воздействие на потребителя, способность «тихого» устранения акционеров из сферы принятия решений, регулирование совокупного спроса с помощью государства, стремление к стабилизации цен и заработной платы, финансирование государством научных исследований и проектирования, осуществляемых корпорациями, военные заказы государства, работы по исследованию космического пространства, влияние корпораций на деятельность государственных учреждений и т. п. «...Невозможно допустить, что здание осталось таким, как раньше,— заявляет Дж. Гэлбрейт,— если главные опоры и перекрытия индуст-

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 45.
[2] См. там же, стр. 458.
[3] Там же.

риальной системы изменились. Если части изменились, то изменилось и целое» [1].

Однако для марксиста вовсе не очевидно, что «если части изменились, то изменилось и целое». Очевидно другое: выдавая желаемое за действительное, Дж. Гэлбрейт смешивает два тесно связанных между собой, но далеко не идентичных процесса — процесс изменений в экономике общества и процесс ее сущностного перерождения.

Исключительно важное место в обосновании идей «социализации» корпоративной капиталистической экономики занимает у Дж. Гэлбрейта его концепция техноструктуры, в соответствии с которой власть от индивидуальных предпринимателей в крупных фирмах перешла теперь в руки технического персонала, представляющего собой «некую коллективную единицу» [2].

Техноструктура — это основной руководящий персонал зрелой корпорации, куда наряду с узким кругом администраторов-менеджеров (президент фирмы, вице-президент и руководители ведущих подразделений) входит еще и множество лиц, подготавливающих информацию, необходимую для принятия ответственных экономических решений. Эта группа может быть официальна и неофициальна, ее состав подвижен. Как отмечает Дж. Гэлбрейт, «она охватывает всех, кто обладает специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решений. Именно эта группа людей, а не администрация направляет деятельность предприятия, является его мозгом» [3].

Что касается положения крупных предпринимателей, то они, по мнению американского экономиста, представляют «в индустриальной системе исчезающую фигуру» [4]. Подчиняясь требованиям технического прогресса, капиталисты-собственники уступают свои управленческие функции технократам-специалистам, способным наиболее эффективно организо-

---

[1] *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, стр. 458.
[2] См. Там же, стр. 112.
[3] Там же, стр. 113.
[4] Там же, стр. 98.

вать производство и наладить его связь с научными достижениями. Иначе говоря, создается иллюзия «разумного» отказа капиталистов от ключевых позиций в экономике и государстве, их постепенного ухода с авансцены общественной жизни.

Таким образом, концепция «техноструктуры» Дж. Гэлбрейта не только обновляет доводы приверженцев пресловутой теории «революции управляющих», но и претендует на существенное обогащение ее аргументации. Предпринимается попытка сгладить противоречие между капиталистами, сравнительно небольшой группой менеджеров и большой массой специалистов, преимущественно экономического и технического профиля, а также учеными, т. е., по существу, доказывается единство интересов всех образованных слоев капиталистического общества.

Дж. Гэлбрейт настойчиво проводит ту мысль, что цели техноструктуры, стоящей на рулевом мостике «зрелой» корпорации, принципиально отличны от тех, которые преследовала «предпринимательская корпорация». Их новизна в том, что они отражают теперь не только устремления крупных корпораций, оплачивающих их труд, но и интересы общества в целом. «То, что считается разумной целью общества, есть отражение целей корпорации и членов техноструктуры» [1]. Цены, издержки, размер производства, прибыль,—все подчиняется теперь плановой политике корпораций, направленной на ее развитие и укрепление. «Соответственно и максимизация прибыли — эта единственная цель, совместимая с законами рынка,— уже не является необходимостью» [2].

Американский экономист объясняет это тем, что административно-технический персонал корпораций получает не прибыль, а заработную плату, или, точнее, жалованье, и не его дело заботиться о прибылях. «...По мере роста техноструктуры,— утверждает он,— окончательно теряет силу и без того весьма шаткое утверждение, что небольшое число управляющих может максимизировать свой доход посредством максимизации дохода акционеров... Оклады, как небольшие, так и высокие, зависят от размеров кор-

[1] *Дж. Гэлбрейт*. Новое индустриальное общество, стр. 211.
[2] Там же, стр. 155—156.

порации; они не меняются в зависимости от размера прибыли» [1]. Но такого рода доводы отнюдь не подтверждают тезис о «социализации» экономических отношений индустриального общества. Дж. Гэлбрейт ставит эти отношения с ног на голову. У него получается, что техноструктура диктует цели корпорациям. На самом же деле именно входящие в техноструктуру специалисты вынуждены считаться со сложившимися отношениями и целями. Стремление к максимальной прибыли — этот двигатель капиталистического развития — вполне уживается и с групповой выработкой решений (Дж. Гэлбрейт сам признает, что технический персонал выполняет здесь преимущественно информационные функции), и с системой оплаты, размер которой тем выше, чем изобретательнее содействуют технические специалисты росту прибылей. Что же касается отказа владельцев корпораций от погони за максимальными прибылями, то об этом можно было бы говорить лишь при условии, что эта корпорация превратилась в структуру, функционирующую на основе общественной собственности на средства производства. Однако по вполне понятным причинам Дж. Гэлбрейт не рассматривает подобный вариант.

Очевидным свидетельством процесса конвергенции систем у Дж. Гэлбрейта выступает практика планирования, осуществляемая крупными фирмами, в которой он с некоторыми оговорками усматривает аналогии с социалистическим планированием. Конечно, «между двумя системами существуют значительные различия в степени централизации планирования сбережений, а также в методах, с помощью которых они аккумулируются. Но, как и в других областях, в сфере предложения капитала индустриализация независимо от различий в путях, которыми она осуществляется, выдвигает настоятельные требования, которые приводят к конвергенции систем» [2]. Современная крупная корпорация и современный аппарат социалистического планирования,

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 161—162.

[2] Там же, стр. 79.

по мнению Гэлбрейта,— это различные способы удовлетворения одних и тех же потребностей.

Разумеется, крупное капиталистическое производство требует планомерной организации своей повседневной деятельности. Оно нуждается также и в знании перспектив развития техники и технологии, в определении сфер наиболее эффективного приложения капитала. Такая объективная необходимость существует, и она частично реализуется в масштабах крупного предприятия и его объединений. Однако, когда Дж. Гэлбрейт (и он в этом не одинок) пытается распространить принцип планирования на буржуазное общество в целом, он вступает в явное противоречие с реальностью. Несмотря на то что государственно-монополистическое регулирование, несомненно, усилило тенденцию к планированию, ее действительному развитию препятствует сама природа капитализма с его острой конкурентной борьбой. Убедительное свидетельство тому — недавний кризис валютно-финансовой системы капитализма, охвативший все индустриально развитые страны.

Субъективистски-односторонне интерпретируя явления технико-организационного и экономического развития современного капиталистического общества, Дж. Гэлбрейт, по существу, создает новый «технологический вариант» трансформации и ликвидации непримиримых противоречий капитализма в ходе его конвергенции с социализмом. Он пытается доказать, что, несмотря на переживаемые трудности, капиталистическое общество все же содержит в себе условия, необходимые не только для самосохранения и самообновления, но и для удовлетворительного разрешения экономических и социальных проблем вне классовой борьбы и революций.

Большие надежды в связи с этим он возлагает на дальнейшее расширение процесса капиталистической национализации, в первую очередь тех секторов экономики, которые создают серьезные угрозы естественному развитию «плановой» (корпоративной) системы. В своем интервью итальянскому экономическому журналу «Экспансьоне» (апрель 1972 г.) Дж. Гэлбрейт указывает на два таких, особенно «тревожных», сектора: во-первых, сектор, включающий стро-

ительную промышленность, медицинскую помощь и общественный транспорт; во-вторых, военно-промышленный комплекс, где, по признанию американского экономиста, «возник недопустимый симбиоз между крупными предприятиями и государственной администрацией».

И хотя, признает Дж. Гэлбрейт, «социализм, так же как и национализация, не считается респектабельным в США» (да и в его собственном понимании оба они относятся к разряду крайних мер), тем не менее эти средства, особенно национализация слабых и «опасных» отраслей промышленности, рассматриваются им чуть ли не как единственно эффективный выход из создавшейся ситуации. Скажем прямо, признание не из легких для человека, который еще недавно провозглашал себя «воинствующим евангелистом кейнсианской системы»!

Беспокойством за судьбы корпоративной системы США проникнуты страницы последней крупной работы Дж. Гэлбрейта «Экономика и общественная цель», завершающей книги трилогии, посвященной анализу социально-экономического состояния современного американского общества (две первые — «Общество изобилия», 1958 г., и «Новое индустриальное общество», 1967 г.). Описывая многие из уже ранее названных им пороков корпоративной системы США, а также обращая внимание на ряд новых, возникших в самое последнее время, Дж. Гэлбрейт вынужден признать, что они отнюдь не являются случайными и не носят временного характера, как это ему казалось несколько лет тому назад. Это — «органические пороки», имманентно присущие экономической системе индустриально развитого общества. Иначе говоря, он приходит к важному для себя выводу о порочности социально-экономической системы в целом. «Неравномерность развития, неравенство,— пишет в этой книге Дж. Гэлбрейт,— никчемные и ошибочные нововведения, наступление на окружающую среду, подчиненное положение государственной власти, инфляция, отсутствие координации усилий между различными отраслями промышленности — все это является не только частью действительности, но и частью самой системы. Их нельзя считать мелкими

недостатками вроде колеса, оказавшегося в машине не на своем месте, но которое можно вернуть на место и починить машину. Они глубоко заложены в самой системе»[1]. Но если это так, то, казалось бы, наиболее кардинальным решением проблемы будет коренное изменение системы, постоянно порождающей эти недостатки? В принципе американский экономист не отрицает логичности подобного вывода. Более того, он даже выступает за необходимость изменения экономической системы Соединенных Штатов. Однако комплекс мер под названием «новый социализм»[2], предлагаемых им с этой целью, носит половинчатый характер и по своему содержанию далек от того, что могло бы в действительности привести американское общество к коренным социально-экономическим изменениям.

Самое большее, что допускает Дж. Гэлбрейт в своих «шагах к социализму»[3],— это обоснование необходимости частичной национализации средств производства. При этом он выступает как убежденный противник обобществления всех основных средств производства и радикального изменения структуры политической власти общества монополий, т. е. таких вопросов, без решения которых не может быть и речи о подлинно социалистическом преобразовании общества. Последнее обстоятельство особенно наглядно показывает буржуазно-либеральный характер программы «социализации», выдвигаемой Дж. Гэлбрейтом. Однако иной позиции и нельзя ожидать от исследователя, для которого «проблема власти имеет своим источником не частную организацию, а организацию вообще».

По существу, программа «нового социализма», выступающая у американского экономиста как одно из условий предполагаемой конвергенции систем, представляет собой набор разрозненных мелких реформ, призванных устранить наиболее очевидные изъяны капиталистической системы. Она включает в себя такие требования, как сокращение неоправ-

---

[1] *J. K. Galbraith*. Economics and the public purpose. Boston, 1973, p. 211.

[2] Ibid., p. 222.

[3] Ibid., p. 273.

данно высоких окладов менеджеров, прогрессивное налогообложение, гарантированный доход каждому гражданину, экономическое освобождение женщин, обеспечение равного права на образование и т. п. Прогрессивные по своей сущности, эти требования сами по себе не могут изменить социальную природу современного капитализма, избавить его от кризисных явлений.

Очевидная слабость программы Гэлбрейта — в отсутствии у него ясного представления о движущих силах будущих преобразований. В его планах совершенно не находится места рабочему классу — главной революционной силе нашей эпохи. Подобно большинству буржуазных социологов, Гэлбрейт считает, что рабочий класс утратил в «индустриальном обществе» свою революционность и превратился в органическую часть корпоративной системы. «...Индустриальная система ныне,— пишет он,— в значительной мере блокировала рабочее движение» [1].

Вместе с тем Гэлбрейт явно переоценивает экономическое и политическое значение тех частичных реформ и материальных уступок, на которые вынуждены идти монополисты, стремясь каким-то образом ослабить и сгладить остроту социальных конфликтов, существующих между ними и миллионами трудящихся.

Все это, вместе взятое, позволяет сделать вывод о том, что либерально-буржуазные взгляды Дж. Гэлбрейта представляют собой, по существу, новую, более тонкую форму апологии коренных принципов государственно-монополистического капитализма. Популярность этих взглядов среди широких слоев буржуазной, в первую очередь научно-технической, интеллигенции во многом объясняется внешней объективностью и правдоподобием используемой Дж. Гэлбрейтом аргументации. Рассматривая экономику под углом зрения развивающейся техники и технологии, требований более рациональной организации экономической жизни современного капиталистического общества, он выступает как бы от лица технического прогресса, явно недооценивая при этом

---

[1] *Дж. Гэлбрейт.* Новое индустриальное общество, стр. 334.

социальный фактор развития производительных сил, их классовую обусловленность. Поэтому и реализм некоторых обобщений Гэлбрейта проявляется главным образом как реализм здравого смысла буржуа, обеспокоенного кризисным состоянием общества, которому он служит верой и правдой.

4. Технократические заблуждения П. Уайлза

Среди других разновидностей теории конвергенции определенного внимания заслуживает концепция английского экономиста и социолога П. Уайлза, которую можно рассматривать как один из ее «технократических» вариантов.

П. Уайлз принадлежит к числу тех сторонников конвергенции, для которых процесс сближения при всех его перипетиях имеет один несомненный исход — укрепление капиталистического строя, его оздоровление за счет использования некоторых позитивных свойств, накопленных экономикой социализма. В брошюре «Конвергенция восточной и западной экономических систем» он прямо пишет: «Когда говорят о конвергенции, то, естественно, говорят о будущем капитализма» [1]. Тем не менее его отнюдь не устраивает роль ортодоксального апологета монополий, не желающего замечать происходящих вокруг перемен. П. Уайлз не прочь иногда поразмышлять о «глубокой мобильности» современной капиталистической системы, о ее тенденциях к плановости и обобществлению, к новым формам управления экономикой — менеджеризму и технократизму. Однако, в отличие от либералов, он никогда не позволяет себе делать выводы, ставящие под сомнение фундаментальные основания капитализма, «священный» принцип собственности.

То обстоятельство, что П. Уайлз несколько иначе, чем Р. Лилиенштерн, расставляет акценты при характеристике явлений сближения (например, гораздо больше внимания уделяет таким факторам, как

[1] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz östlicher und westlicher Wirtsçhaftssysteme. Kiel, 1968, S. 3.

власть технократии или происходящая модификация собственности и т. п.), отнюдь не говорит о принципиальных различиях в их позициях. Обоих теоретиков сближает единство целей: защита коренных ценностей капитализма всеми годными для этого средствами. Свидетельство тому — то единодушие, с каким сторонники слияния систем выискивают аргументы в пользу трансформации и капиталистического перерождения экономики социалистических стран.

Не утруждая себя анализом фактов, английский «советолог» механически повторяет пресловутые доводы «о децентрализации советской экономики», «об обуржуазивании» широких масс населения в результате заметного увеличения «персональной собственности» и т. п. Рост общественного благосостояния трудящихся, изменения структуры потребления в сторону повышения ее качества, развитие ручных художественных промыслов и многие другие явления разного масштаба, связанные с несомненными успехами хозяйственной политики стран социалистического содружества, он рассматривает как некую «либерализацию» и «трансформацию» социалистического образа жизни[1]. При этом П. Уайлз не останавливается порой и перед прямой фальсификацией очевидных фактов, например, превратно толкуя существующую практику распределения в СССР инвестиций, которую он рассматривает как иррациональную и в ряде случаев задерживающую экономический рост[2], или теоретизируя по поводу несуществующей тенденции роста частного крестьянского хозяйства в СССР[3].

И все же некоторые аспекты конвергенционных суждений П. Уайлза заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее. Это относится в первую очередь к его оценке отношений собственности в связи с развитием менеджмента и технократии.

Выше уже обращалось внимание на то обстоятельство, что процесс отделения функций контроля

---

[1] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz.., S. 3.

[2] См. «Критика буржуазных концепций экономики социализма». М., 1971, стр. 59.

[3] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz.., S. 4.

и управления от собственности затрагивает один из самых уязвимых пунктов экономики капитализма. Ни один буржуазный ученый, специализирующийся в области экономических наук, не может обойти молчанием этого явления.

Что касается П. Уайлза, то ему наиболее близки здесь идеи, разделяемые сторонниками так называемой «революции управляющих» (Бернхем, А. Берли, Ж. Фурастье, Р. Арон и др.). Как и они, П. Уайлз считает, что в условиях технически сложного корпоративного производства власть и доход переместились от капиталистов-собственников к специалистам-управляющим. Именно от знания и квалификации людей, непосредственно осуществляющих функции руководства и управления производством, зависит теперь эффективность производства, его перспективы. «Коренным вопросом,— пишет Уайлз,— является не понятие собственности, а понятие владения, т. е. текущие повседневные решения относительно всех дел на предприятии или в правительстве» [1].

В отличие от Р. Лилиенштерна и других буржуазных экономистов, по мнению которых дифференциация собственности и управления отчетливо выступает лишь на крупных предприятиях, Уайлз переносит этот процесс и на большую массу предприятий среднего масштаба. Только в мелких фирмах собственник совмещает в себе и функции управляющего, «и только в этом случае,— подчеркивает он,— вопрос о том, кто является собственником, остается решающим» [2].

Хотя английский экономист и не делает вывода об исчезновении собственности на средства производства, однако само по себе сужение сферы ее непосредственного влияния до масштабов мелких предприятий ставит на повестку дня вопрос о ее судьбах в целом. П. Уайлз не решает эту проблему, но предпринимает попытку выйти из затруднительного положения с помощью специфического толкования понятия владения, которое многие буржуазные экономисты, по его мнению, необоснованно отождествляют с понятием собственности. «Если технократ,—

---

[1] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz.., S. 10.
[2] Ibid., S. 5.

пишет П. Уайлз,— приходит к фактической власти, то изменяется владение, а не собственность. Юристам хорошо известно, что это различие слишком плохо понимается национальными экономистами»[1]. Свою мысль П. Уайлз иллюстрирует следующим примером.

Некто снял квартиру и переехал в нее. По договору съемщик может по своему усмотрению и вкусу произвести ряд существенных изменений в ее внутреннем устройстве, скажем, перекрасить стены, заменить мебель, электропроводку и т. д. Это означает, по мнению П. Уайлза, что он и является фактическим владельцем квартиры. Собственник же квартиры или домовладелец распоряжается только внешними атрибутами жилья. Он несет ответственность за общее состояние здания, выплачивает налоги за участок, осуществляет противопожарные меры и т. д. Даже вход в квартиру съемщика очень часто обуславливается пунктом договора. Таким образом, согласно П. Уайлзу, именно съемщик, а не собственник здания «господствует в квартире» и получает от нее выгоду. Последний фактически устранен от владения и может принимать решения только в целом по дому. Но, как известно, ведь именно эти «решения в целом» и определяют все остальные квартирные проблемы, поскольку собственник при желании может попросить «владельца» освободить занимаемую им квартиру.

Следует отметить, что «вольность» в обращении со «святая святых» капиталистического строя не прошла, разумеется, мимо внимания буржуазной критики. В статье «Конвергенция западной и восточной экономических систем» К. Тальхайм упрекал английского советолога за умаление значения собственности. Подчеркивая, что в рассуждениях П. Уайлза есть немало верного (например, в оценке тенденции концентрации капитала, в характеристике возрастающей роли менеджеризма), он тем не менее счел необходимым разъяснить Уайлзу, что «в западном мире еще в значительном объеме имеется мелкая и средняя собственность на средства производст-

---

[1] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz.., S. 5.

ва, которая не только дает право на участие в прибылях, но и создает непосредственную основу существования человека»[1].

Даже там, где действует институт менеджеризма, К. Тальхайм указывает сферы совпадения собственности и функций по распоряжению ею. В связи с чем и здесь «собственность является основой самостоятельного экономического существования... В этих сферах,— заявляет он,— я не вижу никакой конвергенции»[2].

Хотя критика К. Тальхаймом П. Уайлза и задевает некоторые важные аспекты рассматриваемой темы, она тем не менее не является критикой по существу, так как не отрицает самого факта конвергенции, а сводится лишь к уточнению границ этого явления. Она, скорее, напоминает предупреждение одного сторонника конвергенционного поглощения социализма капитализмом другому, чтобы тот в своем усердии не заходил слишком далеко, т. е. не ослаблял бы свои апологетические позиции.

Манипуляция с понятиями «собственность» и «владение» — это одна из линий обоснования Уайлзом конвергенции противоположных систем. Другая линия его доказательств — констатация тождественности функций руководящего состава крупных промышленных предприятий в различных социальных системах. «На крупном современном капиталистическом предприятии,— утверждает он,— и в новой модели советского предприятия управляющий или технократ действует как владелец — и в этом состоит конвергенция»[3]. По определению Уайлза, «технократ — это дипломированный инженер, который в возрасте 45 лет занимает высокий административный пост на своем предприятии, независимо от общественного строя, в котором он действует»[4]. Произвольность и расплывчатость такой дефиниции позволяет П. Уайлзу относить к технократам не только инженерно-технический персонал, но и круп-

---

[1] *K. C. Thalheim.* Konvergenz der westlichen und östlichen Wirtschaftssysteme? S. 82.

[2] Ibidem.

[3] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz.., S. 5.

[4] Ibid., S. 82.

ного частного собственника, не имеющего специального образования, лишь на том основании, что последний «вследствие многолетнего участия в управлении ведет себя как технократ и в повседневных проблемах своего предприятия действует, как и он, специальным образом» [1].

Очевидно, что отождествление капиталистических менеджеров с руководителями социалистических предприятий по признаку их якобы одинаковых производственно-управленческих функций не выдерживает никакой критики. Прежде всего в корне ошибочно рассматривать эти функции в отрыве от производственных отношений, господствующих в обществе. Если роль технократа, какими бы прогрессивными ни были его субъективные устремления,— это роль в конечном итоге слуги монополий, то советский руководитель является полномочным представителем всего общества на вверенном ему предприятии, он обязан осуществлять свою деятельность в соответствии с социалистическими принципами ведения хозяйства в интересах и под контролем общества.

Сравнивая производственно-управленческую деятельность на капиталистическом и социалистическом предприятиях, методы выработки и принятия решений, работу со специалистами, распределение сфер ответственности, проблемы организации труда, контроль за качеством и количеством выпускаемой продукции и т. д., можно найти, конечно, немало формальных сходств и аналогичных действий руководителей в примерно равных ситуациях, обусловленных, как правило, организационно-технологическими требованиями функционирования крупного индустриального коллектива. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что и в этих, внешне социально-нейтральных, функциях промышленных предприятий постоянно отражается характер общественного строя. Так, например, для разработки многих принципиальных организационно-технических решений на социалистических предприятиях привлекаются не только группы экспертов-специа-

---

[1] *P. J. Wiles.* Zur Frage der Konvergenz.., S. 5.

листов, но и широкий круг непосредственных исполнителей решений — рабочих различных профессий. Большую и полезную работу в этом направлении проводят постоянно действующие на предприятиях производственные совещания и комиссии. Права трудящихся на самое активное участие в делах производства закреплены в правительственных решениях и законодательных актах. Как было подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, «одна из центральных задач партии — все более широкое вовлечение трудящихся масс в управление производством» [1].

Наряду с обоснованием конвергенции индустриально развитых стран с различным политическим строем П. Уайлз предпринимает также попытку предельно расширить международную сферу действия конвергенции, распространить ее влияние на развивающиеся страны. Апологетов государственно-монополистического капитализма все более тревожит вопрос о путях развития стран так называемого «третьего мира». Огромное влияние социалистических идей в этих районах земного шара, упорные поиски некапиталистического пути развития стран «третьего мира» заставляют буржуазных идеологов предпринимать ответные акции, обосновывая реальность для этих стран единственного пути в будущее — по стопам передовых капиталистических стран, прежде всего США.

То обстоятельство, что буржуазные ученые, выполняя социальный заказ монополий, рекламируют торжество принципов «свободного общества», не представляет ничего нового. Здесь заслуживает внимания другое, а именно то, каким образом П. Уайлз согласует экономические истины с требованиями политики. Ведь хорошо известно, что буржуазная общественная наука рассматривает процесс конвергенции как следствие индустриальной и даже постиндустриальной стадии экономического развития. Что же касается развивающихся стран, то они весьма далеки от требуемого теорией конвергенции уровня социально-экономического созревания.

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 70.

П. Уайлз разрешает это противоречие следующим образом. Во-первых, он подчеркивает, что такие страны, как Югославия, Израиль и Алжир, при всем различии их исторического, экономического и политического опыта объединяет определенный уровень развития рабочего самоуправления. Этот фактор, по мнению П. Уайлза, является веским основанием для вывода об их общем особом пути развития, который «не может быть отождествлен ни с рыночным социализмом, как таковым, ни с капитализмом» [1]. Во-вторых, признавая, что «рабочее самоуправление особенно трудно сочетать с современной технологией», он пытается все же нащупать в его развитии хотя бы отдельные «элементы технократизации», которые, согласно точке зрения П. Уайлза, являются вескими доводами за конвергенцию. Краткий экскурс в историю рабочего самоуправления позволяет ему заключить, что «рабочее самоуправление как при капитализме, так и при ортодоксальном коммунизме постепенно технократизируется» [2]. Да и практика развития самих стран «третьего мира» все явственнее обнаруживает тенденцию «к конвергенции технических норм». И здесь начинает нарождаться новый класс технократов, которые почти ничем не отличаются от своих коллег в развитых странах капитализма и социализма.

Таким образом, специфическая интерпретация рабочего самоуправления, соединенная с технократическими идеями, составила у П. Уайлза новый вариант понимания процесса конвергенции. «Во всех трех системах,— делает вывод П. Уайлз,— будь то собственность и идеология того же самого рабочего управления или позднего капитализма, или ортодоксального коммунизма, менеджер и технократ ведут себя одинаково. Можно даже спросить, существует ли вообще различие в повседневных делах предприятия и правительства при технократизме буржуазном, социалистическом и технократизме рабочего самоуправления. Я лично не вижу этих различий» [3].

---

[1] *P. J. Wiles*. Zur Frage der Konvergenz.., S. 7.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., S. 9.

Опять-таки очевидно, что в своих обобщениях П. Уайлз упорно не желает замечать принципиальных различий общественных систем названных стран. Это и разнотипный характер господствующих там отношений собственности (капиталистических — в Израиле, двойственных и противоречивых — в Алжире и социалистических — в Югославии), и определяемые ими формы политической власти и управления.

Вместо существенных признаков П. Уайлз оперирует производными, относящимися главным образом к технико-организационной стороне управления предприятиями. В этой связи утверждение английского экономиста о том, что лица, управляющие производственными процессами, «ведут себя одинаково» независимо от социально-экономических отношений, исторически сложившихся в Израиле, Алжире и Югославии, не может приниматься всерьез. Равным образом вне учета специфики социально-экономического и политического развития той или иной страны ненаучными будут любые попытки сопоставления эволюции форм управления в разных странах.

Что же касается некоторых сходных принципов в технико-организационном управлении крупными промышленными предприятиями (учет труда, контроль за качеством выпускаемой продукции, внедрение научных достижений в производство), которые действительно имеют место в странах с различным общественно-социальным устройством, то они отнюдь не свидетельствуют о наличии какой-то общей для них тенденции «технократизации». Эта тенденция — выражение специфической особенности современной капиталистической экономики и в своей сущности означает передачу функций управления промышленными предприятиями из рук собственников капитала в руки квалифицированных, технически грамотных специалистов.

Уайлз весьма часто принимает желаемое за действительное, и поэтому его настроения неизбежно вступают в противоречие с реальной социально-экономической действительностью. Главное, что ускользает из поля зрения английского экономиста и социолога,— это то, что социализм и капитализм раз-

виваются по особым, специфическим, только им присущим закономерностям, а не по закономерностям абстрактной, социально индифферентной «индустриальной системы».

5. «Ограниченная» конвергенция Я. Тинбергена

Логика рассмотрения социально-экономической аргументации теории конвергенции настоятельно требует хотя бы краткого ознакомления с синтетическими взглядами одного из крупнейших западных экономистов, профессора Нидерландской экономической школы Яна Тинбергена, которые он неоднократно высказывал в связи с обоснованием своей концепции «экономического оптимума». Довольно полно эти взгляды были изложены им уже в 1963 г. в статье под названием «Происходит ли сближение между коммунистической и свободной системами?», в серии статей, опубликованных в югославском журнале «Международная политика» за 1963 г., и в последующих работах.

Ян Тинберген отличается от многих других апологетов теории конвергенции более умеренной позицией, выступая чаще всего как сторонник конвергенции, обусловленной, по его мнению, совершенно конкретными и преимущественно лишь экономическими факторами. «Пока можно сказать, что ясная тенденция сближения существует главным образом в области общественно-экономического устройства»,— писал он в статье «Идеология и научное развитие. Оптимальный строй».

Эту весьма сдержанную позицию он демонстрирует и в своих рекомендациях относительно оценки перспектив процесса сближения, отмечая главенствующую роль «собственных» усилий в прогрессе систем, а также их большие потенциальные возможности к длительному самостоятельному развитию. «Во-первых,— обращает внимание Я. Тинберген,— каждая система учится на своем собственном опыте и пытается собственными силами преодолеть крупные слабости. Во-вторых, оба строя начинают в рас-

тущей степени обоюдно влиять друг на друга. Было время, когда коммунистическая система в своих начинаниях не рассматривалась как серьезный конкурент. Сегодня ситуация в значительной степени изменилась. И наоборот, коммунистическая система сначала больше интересовалась отдельными капиталистическими достижениями. Сегодня же меньше выступает на передний план подражание отдельным западным методам, она больше учится рациональному хозяйствованию посредством собственного опыта» [1].

Нельзя не отметить настойчивое стремление Яна Тинбергена придерживаться «реалистической позиции», оставаться все время на почве фактов, не поддаваться влиянию «внешних» политических оценок. Конечно, Я. Тинбергена нельзя назвать ползучим эмпириком, раболепствующим перед фактами. При анализе общественных явлений он пользуется определенной системой оценок. Однако вся эта система базируется на так называемом факторном анализе явлений и является глубоко механистической по своей сущности.

Преобладание у Я. Тинбергена количественных характеристик над качественными сказывается прежде всего на общей оценке различия экономических систем, игнорирующей специфику и качественную особенность социалистической экономики. Не случайно в ранг одного из основных различий систем им возводится такой фактор, как размер общественного сектора. «Самое главное различие,— отмечает Я. Тинберген,— существует, очевидно, в расширении общественного сектора» [2]. По этой же причине масштабы развития общественного сектора выступают у него в качестве одного из основных критериев сближения и синтеза противоположных систем.

Растущие размеры общественного сектора, усиление экономической роли капиталистического государства способны, по мнению Я. Тинбергена, не

---

[1] *J. Tinbergen.* Kommt es zu einer Annäherung zwischen den kommunistischen und den freiheitlichen Wirtschaftsordnungen? In: «Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts — und Gesellschaftspolitik». Hamburg. 1963, S. 11.

[2] Ibid., S. 13.

только устранить противоречия и крайности господства монополий, но и обеспечить эволюцию экономики к оптимальному варианту, который является подлинной целью ее развития независимо от социальной специфики. «...Обе системы,— утверждает голландский экономист,— движутся в направлении определенной оптимальности, в направлении системы, которая будет лучше чистого капитализма и чистого социализма в прежнем смысле» [1].

Связывая путь общества к «экономическому оптимуму» непосредственно с ростом государственного сектора как наиболее широкой основы развития планирования и повышения эффективности хозяйственной деятельности, Я. Тинберген с явным неудовольствием отмечает тот факт, что, в отличие от стран Западной Европы, государственный сектор в США недостаточно развит и многим общественным задачам там не уделяется необходимого внимания. По его мнению, правительство США в интересах дела «должно урезать привилегию некоторых определенных видов дохода и собственности» [2]. В этой связи он высказывает предложение о необходимости сократить с помощью налогов прибыли монополий «приблизительно вполовину», ратует за ограничение свободы распоряжения частными предприятиями и т. д.

Не только Я. Тинберген, но и многие другие теоретики конвергенции связывают свои надежды на сближение и слияние разнотипных социально-экономических систем с ростом государственного сектора в экономике государственно-монополистического капитализма, оценивая факты национализации капиталистическим государством ряда отраслей промышленности как явления чуть ли не однопорядковые социалистической национализации.

Вне всякого сомнения, доля государства в экономике развитых капиталистических стран, особенно стран Западной Европы, значительно выросла за последнее время и охватывает теперь до 30 и более процентов всего акционерного капитала [3]. Но этот

---

[1] *I. Tinbergen.* Kommt es zu einer Annäherung..., S. 11.

[2] Ibid., S. 10.

[3] См. *А. Г. Милейковский.* Государство и экономика капитализма. «Новое время», 1970, N 4, стр. 19.

процесс не имеет ничего общего с социалистической национализацией. Вопреки ожиданиям буржуазных либералов, капиталистическая национализация не означает «трансформации» существа капитализма, она ведет к расширению сферы влияния государственно-монополистического капитализма, к созданию наиболее благоприятных условий для его успешного функционирования.

Это убедительно доказывается, например, в серьезном исследовании под названием «Империализм сегодня», подготовленном группой экономистов из ГДР. Авторы труда на большом фактическом материале показывают, как «посредством всей системы мер регулирования государственных капиталовложений, включая инвестиции государственных предприятий, государственное потребление, налоговую политику и субсидирование, западногерманское государство использует сконцентрированные в государственном бюджете средства для обеспечения монополистическому капиталу «планомерных» привилегированных условий его реализации. В результате этих мероприятий западногерманские монополии получили возможность увеличить долю собственных финансовых средств в капиталовложениях и поддержать ее на высоком уровне, усилить ограбление трудящегося населения через политику цен, ускорить концентрацию производства и капитала, расширить свой экспорт и т. д.» [1].

Особое место в этом механизме отводится планированию. Пожалуй, нет такого экономиста или социолога — сторонника конвергенции,— который не рассматривал бы те элементы планирования, которые применяет современный государственно-монополистический капитализм, как важный момент сближения систем. Это нетрудно было заметить при знакомстве со взглядами Р. Лилиенштерна, П. Уайлза, Р. Арона. Не составляет здесь исключения и Я. Тинберген. «В общих чертах можно сказать,— пишет он,— что на Востоке имеется тенденция к децентрализации, а на Западе к централизации. Центральное планирование в первом случае ослабляется, а во вто-

---

[1] Imperialismus heute. Berlin, 1967, S. 278.

ром — усиливается»[1]. Таким образом, всех их объединяет платформа игнорирования принципиальных различий, существующих между социалистическим планированием и буржуазным программированием, непонимание его природы и роли.

Только этим можно объяснить то обстоятельство, что, признавая сходство некоторых второстепенных деталей в системах планирования, их основное различие Я. Тинберген сводит к тому, «в какой степени (разрядка моя.— *Г. И.*) планируется будущее развитие экономики в коммунистических странах, с одной стороны, и в свободных — с другой»[2].

Ставя на одну доску планирование в разнотипных системах, сводя его различия к степени распространенности, к вульгарному «больше — меньше», теоретики конвергенции тем самым (намеренно или невольно) не только извращают сущность социалистического планирования, но и преувеличивают возможности капиталистического программирования. Верные принципам «технологического детерминизма», некоторые апологеты синтеза систем и характер планирования пытаются объяснить лишь требованиями техники и автоматизации. «Автоматизация...— по утверждению Ф. Поллока,— вынуждает правительства индустриальных стран все более и более вмешиваться в хозяйственный процесс и переходить, пусть еще и неохотно, к децентрализованному планированию в экономическом руководстве»[3]. Эти требования развитой техники, совершенно однопорядковые по своей природе, в равных условиях индустриального развития приводят, по мнению конвергентов, к аналогичным результатам в планировании, независимо от социальных различий стран или систем. Таким образом, достигнув определенного уровня, техника и технология якобы автоматически вызывают к жизни плановую организацию производства.

Следует подчеркнуть, что марксизм никогда не отрицал существования объективной необходимости

---

[1] *H. Linneman, I. P. Pronk, I. Tibergen.* Sonvergence of Economic Sustems in East and West. Disarmamant and World Economic Independence. Oslo. 1967, p. 257.

[2] *I. Tinbergen.* Kommt es zu einer Annäherung..., S. 13.

[3] *F. Pollok.* Automation. Frankfurt am Main, 1964, S. 350.

планирования по мере развития и концентрации капиталистического производства. На это указывал в свое время В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако реализация этой необходимости всегда обусловлена социальными отношениями, сложившимися в обществе. Поэтому было бы крайне ошибочно заключать, что капитализм даже в высшей своей стадии в состоянии полно и всесторонне учитывать эту объективную необходимость и тем более практически ее разрешать. Техника, взятая сама по себе, вне обусловленности ее определенными социально-экономическими отношениями общества, не способна обеспечить планомерность производства в масштабах общества.

Это не значит, конечно, что в условиях капитализма невозможно какое-либо планирование. История развития капитализма показывает, что уже на частных предприятиях производственное планирование всегда имело место. Возникновение монополий подняло его на более высокий уровень, так что оно стало охватывать уже целые группы предприятий. В настоящее время некоторые монополистические государства пытаются с помощью так называемого программирования осуществлять плановость в масштабах всего народного хозяйства [1].

Выполнить эту работу последовательно и до конца буржуазное государство, разумеется, не в состоянии. Существование частнокапиталистических объединений с их абсолютным правом распоряжаться своим экономическим потенциалом делает прямое планирующее, координирующее вмешательство государства неосуществимым. Государственное планирование поэтому часто сводится к так называемому индикативному, или рекомендательному, планированию, т. е., по существу, к регулированию. Подготовленные правительственными органами планы показывают только то, что́ государство считает желательным. Верный слуга монополий — капиталистическое государство и в планировании делает все, чтобы помочь им избежать пагубных для них по-

---

[1] См. *В. И. Михеев*. Капитализм или «индустриальное общество»? М., 1968, стр. 134—140.

следствий за счет интересов трудящихся. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из экономической жизни капиталистических стран. «О каком служении общественному благу может идти речь, если, например, так называемый «четвертый план» во Франции предусматривал увеличение субсидий государства монополиям за счет снижения потребления народа? За четыре года тот же план предусматривал вытеснение из сельского хозяйства 440 000 крестьян, которых должно было заменить производство крупных капиталистических ферм. Разве так выражают интересы трудящихся классов?» [1]

Одной из принципиальных конвергенционных идей, высказанных Я. Тинбергеном в последнее время, бесспорно, является постановка вопроса о необходимости создания единой «мировой» экономической науки. «Уже давно господствует взгляд,— писал Я. Тинберген в 1969 г. в статье «Тенденции в экономической мысли Восточной Европы»,— что как для Востока, так и для Запада существует только одна физика; а могло бы постоянно крепнуть убеждение, что, собственно, имеется и единая экономическая наука» [2].

Надо сказать, что идея «мировой экономической науки» родилась у Я. Тинбергена не сразу. Она теснейшим образом связана с основными положениями теории «экономического оптимума», стремление к которому Я. Тинберген всегда рассматривал как связующий и объединяющий все экономики момент, ставя его над политическими, социальными и идеологическими различиями или, говоря его же словами, «над железным занавесом». Непосредственным же основанием для нее послужило, по признанию Я. Тинбергена, пристальное изучение им развития экономической мысли в социалистических странах Восточной Европы. Вот некоторые итоги его изысканий. «В Восточной Европе,— пишет Я. Тинберген,— не имеется единого способа мышления. Существуют серьезные раз-

---

[1] *В. И. Михеев*. Капитализм или «индустриальное общество»? М., 1968, стр. 140.

[2] *I. Tinbergen*. Die Tendenzen im ökonomischen Denken Osteuropas. In: «Gesellschaftliche Entwicklungstendenzen in Osteuropa». Erlenbach — Zürich und Stuttgart, 1969, S. 62.

личия между служебным и научным подходами, между учеными, которые мыслят прогрессивно и мыслящими традиционно...»[1] Обобщая такого рода наблюдения, Я. Тинберген выделяет в экономической науке социалистического лагеря два отчетливо выраженных направления — «традиционное, более социологическое, и современное, более математическое». К первому направлению он относит марксистское представление об экономическом развитии: «Оно базируется на взглядах марксизма относительно устранения капитализма социализмом и относительно роли классовой борьбы»[2]. Интерес голландского экономиста к этому направлению более чем незначителен, так как оно препятствует усилиям создать единую мировую науку, нацеленную на достижение оптимальных результатов в хозяйственной деятельности.

Гораздо большее внимание он уделяет второму, «математическому» направлению, к сторонникам которого он причисляет ряд известных ученых Польши, Венгрии и Советского Союза. Интенсивное использование в странах социализма линейного программирования, математических методов расчета, широкое применение счетно-вычислительной техники — словом, весь названный научный инструментарий, находящийся на вооружении ученых как на Западе, так и на Востоке, Я. Тинберген считает важным свидетельством зарождения «межсистемной», или мировой, экономической науки, возводя, таким образом, производный фактор в роль определяющего.

Однако Я. Тинбергену должно быть хорошо известно, что в экономической науке социалистических стран способы и методы конкретных расчетов не обособлены от ее общей марксистско-ленинской методологии, они прочно связаны с решением общих и конкретных задач, стоящих перед экономической наукой социалистических стран. Эти задачи не имеют ничего общего с кабинетно-абстрактным экономическим «оптимумом» Я. Тинбергена.

---

[1] *I. Tinbergen.* Die Tendenzen im ökonomischen Denken Osteuropas. In: «Gesellschaftliche Entwicklungstendenzen in Oseuropa». Erlenlach — Zünch und Auttgart, 1962, S. 62.

[2] Ibid., S. 55.

Примечательно, что идея голландского экономиста и социолога о создании «синтетической» экономической науки была подвергнута острой критике и со стороны крайне правых буржуазных идеологов, также пишущих на темы конвергенции. Так, известный уже нам Карл Тальхайм настойчиво доказывал голландскому экономисту, что те «сходные научные приемы и методы, которые он кладет в основание синтеза противоположных экономических наук, являются, в сущности, нейтральными по отношению к социальному характеру строя» [1]. Точно так же, скажем, как нейтрален по отношению к нему способ производства серной кислоты или цемента. «Я не думаю,— писал К. Тальхайм,— что применение вычислительных машин изменит что-либо в характере экономической системы» [2], подчеркивая, что одним и тем же инструментом можно пользоваться в самых различных целях. Однако эти правильные в основном доводы К. Тальхайма были продиктованы не столько научными соображениями, сколько неудовольствием по поводу тех серьезных оценок советской науки, которые были допущены со стороны Я. Тинбергена.

Какие бы аспекты процесса огосударствления капиталистической экономики не брали теоретики синтеза, они не подтверждают ни реальности «социализации» капитализма, ни тем более реальности «либерализации» или «капитализации» социализма. При наличии частной собственности на средства производства процесс огосударствления не в состоянии коренным образом повлиять на изменение природы капитализма. Во-первых, потому, что это — ограниченный эволюционный процесс, в основе которого лежат количественные изменения. Во-вторых, потому, что капиталистическое государство всячески сдерживает, регулирует этот процесс в пользу монополий. И все же объективный ход развития приводит капитализм к ситуации, в недрах которой зре́ет приговор частнособственническим отношениям. «Капитализм в

---

[1] *K. C. Thalheim.* Konvergenz der westlichen und östlichen Wirtschaftssysteme? S. 83.

[2] Ibidem.

его империалистской стадии,— писал В. И. Ленин,— вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению» [1].

Вступление капитализма в государственно-монополистическую стадию создает не только объективные возможности, но и все необходимые материальные условия для социалистического преобразования. Обращая внимание на это обстоятельство, В. И. Ленин писал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма... есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет»* [2].

То обстоятельство, что частнособственническая форма отношений не остается неизменной в ходе исторического развития капитализма, что наряду с нею в результате объективных требований капиталистического производства возникают такие ее формы, как монополия и государственно-монополистический капитализм с его широкими возможностями регулирования социально-экономических процессов, может частично и на какое-то время смягчить некоторые противоречия капитализма, но не разрешает и не может, конечно, само по себе разрешить его главного противоречия. Усиление роли буржуазного государства, внедрение элементов планирования, некоторое повышение жизненного уровня трудящихся, быстрый рост инженерно-технической интеллигенции, проникновение науки в производство, огромная роль автоматики, кибернетики, электроники в хозяйственных процессах и другие моменты, используемые часто теоретиками конвергенции как доказательства «трансформации», «перерождения» капитализма,— все эти новшества на самом деле не изменили его природы. И индивидуальная, и коллективная капита-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 320—321.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

листическая собственность, присвоение, организация, как отмечал В. И. Ленин, остаются частнособственническими, частнохозяйственными по существу [1].

По-прежнему в современном капиталистическом обществе остается жестокая эксплуатация, безработица, по-прежнему, концентрируя в своих руках всю экономическую и политическую мощь, монополии присваивают львиную долю богатства наций, создаваемого руками трудящихся. Все это неизбежно ведет к дальнейшему обострению противоречия между трудом и капиталом.

Только социалистическое обобществление может привести к коренному изменению сущности капитализма, к ликвидации частного владения средствами производства, а вместе с этим и всех форм эксплуатации человека человеком.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 321.

Глава III ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ В РОЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Социально-экономические идеи, как уже отмечалось выше, образуют только основание теории конвергенции. В последнее время заметно увеличилось число буржуазных ученых, которые используют в своих рассуждениях о «синтезе систем» доводы, основанные на рассмотрении других сфер общественной жизни, пытаются «подкрепить» концепцию сближения выискиванием всевозможных сходств в культурно-бытовой, социальной и даже идеологической областях деятельности общества. Тем самым теория конвергенции открыто заявляет свои претензии на широкую социологическую значимость, на роль такой социальной доктрины, которая, по мнению ее представителей, способна не только противостоять марксизму по многим решающим позициям, но и предложить свой ответ относительно будущего развития человечества.

1. Идеи «глобального синтеза» систем

Впервые в наиболее полном объеме претензии теории конвергенции на широкую социологическую значимость нашли свое отражение в статье бывшего личного секретаря А. Ф. Керенского, а впоследствии профессора социологии Гарвардского университета и президента американской социологической ассоциации Питирима Сорокина «Социологическое и культурное сближение между Соединенными Штатами и Советским Союзом». И заглавие статьи, и первые ее отправные положения недвусмысленно свидетельствуют, что автор ведет речь о конверген-

ции в самом широком понимании — о конвергенции культур и мировоззрений. «Общество и культура,— пророчил П. Сорокин,— не будут ни преобладающе капиталистическими и ни преобладающе социалистическими, но удержат форму, которую мы рассматриваем как совершенную... Кроме того, этот новый строй, если он осуществится, будет отнюдь не эклектической мешаниной обоих мировоззрений, но синтезом существующих культурных ценностей, социальным устройством, а человек этого будущего станет таким типом личности, который будет одинаково далеко отстоять как от капитализма, так и от коммунизма» [1].

Что же, по мнению теоретиков конвергенции, определяет ход социальных изменений, ведущий к синтезу систем? Существует ли вообще в плюралистической буржуазной общественной науке какой-то если не единый, то хотя бы приемлемый для большинства ученых Запада ответ на этот вопрос? Как утверждает Питирим Сорокин, такой ответ существует. Более того, «сегодняшняя социология разработала всеобщую действенную форму, которая дает разъяснение, как, когда и почему происходят такие изменения» [2]. Эта «всеобщая форма» выступает у П. Сорокина то в виде принципа «социального единства», то как «социальный закон», являющийся якобы объективным основанием идей «глобального синтеза».

Согласно этому закону, в ранг детерминанты всех социальных изменений возводится «критическая ситуация», рассматриваемая самым расширительным образом — голод, угроза войны, эмидемия, стихийные бедствия, экономическая депрессия, революция, анархия и т. д. Природные факторы в этой ситуации приравниваются по своему значению к социальным, и считается, что любой из них, будь то землетрясение или экономическая депрессия, способен привести к «тотальным изменениям» [3]. При таком подходе

---

[1] *P. A. Sorokin.* Soziologische und kulturelle Annäherungen zwischen den Vereinigten Staaten und der Sowjetunion, S. 341.

[2] Ibid., S. 344.

[3] Ibidem.

начисто стираются коренные качественные различия систем социализма и капитализма, а вопрос о движущих силах общественного развития переносится на почву анализа случайных, второстепенных факторов.

Нельзя не заметить, что выводы П. Сорокина не соответствуют содержанию понятия объективного социологического закона. Произвольно смешивая природные явления с социальными, П. Сорокин пренебрег тем самым принципом имманентности закона. Как известно, социальные явления развиваются иначе, чем природные, на основе своих особых специфических закономерностей. Поэтому ставить изменения в социальной и политической структуре общества в зависимость от природных факторов, таких, как землетрясение и наводнение, в высшей мере опрометчиво и антинаучно. Кроме того, П. Сорокиным нарушен и другой важнейший принцип закона — принцип существенности связей. Война или угроза войны, голод и экономическая депрессия, эпидемия, анархия, смута — все это следствия, причины которых следует искать глубже, в социальной организации общества. Динамизм общественного развития нельзя раскрыть, игнорируя анализ способа производства как целого, вне диалектики производительных сил и производственных отношений.

Ненаучный подход к анализу общественных феноменов в известной степени обусловил и несостоятельность конкретной аргументации П. Сорокина в пользу происходящего якобы идеологического сближения противоположных систем. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с «доказательствами» относительно «конвергенции социальных наук», которым он уделял в последние годы жизни особенно много внимания.

В чем же видит П. Сорокин конвергенцию социальных наук? Во-первых, в публикации миллионными тиражами в Советском Союзе произведений таких дореволюционных мыслителей, как В. Белинский, А. Герцен, Н. Чернышевский, В. Ключевский [1]. Во-вторых, в публикациях большого числа работ по

[1] *P. A. Sorokin.* Soziologische und kulturelle Annäherungen..., S. 349.

социальной психологии, быстрое развитие которой в Советском Союзе П. Сорокин считает противоречащим историческому материализму. В-третьих, в переводах на русский язык немарксистской литературы, построенной на иных принципах, пропагандирующей иные взгляды, «нежели официальная идеология Маркса, Энгельса, Ленина» [1]. Все это, по мнению американского теоретика, свидетельствует о внутреннем единомыслии советских и зарубежных идеологов, о том, что «хотя официальная социология в России — диалектический материализм, однако под этим названием скрываются различные теории, являющиеся в известной степени гораздо более идеалистичными, чем многие социологические доктрины Запада» [2].

То, что П. Сорокин при этом не называет конкретных авторов противоречащих якобы диалектическому материализму теорий и тем самым уходит от аргументированного разговора, неудивительно. Оперировать смутными, необоснованными предположениями легче, чем фактами. Но предположим, что П. Сорокин оказался бы частично прав и в Советском Союзе нашлось несколько ученых, проявляющих склонность к идеализму или выражающих свои симпатии к каким-то иным ненаучным концепциям. Разве можно было бы оценивать этот факт как свидетельство конвергенции? И разве вообще допустимо из каких-то случайных фактов выводить объективную тенденцию?

Что же касается публикаций в Советском Союзе произведений различных эпох, стран, научных направлений и идеологий, то это соответствует духу марксизма-ленинизма. Марксизм никогда не рассматривал себя стоящим в стороне от столбовой дороги развития мировой науки. Он является преемником всего лучшего, что создала до него общественная мысль во всех областях знания. Следуя логике П. Сорокина, любой из диалогов, которые ведут советские философы со своими идейными противниками, любой симпозиум, где встречаются и спорят

---

[1] *P. A. Sorokin*. Soziologische und kulturelle Annäherungen.., S. 349.

[2] Ibid., S. 350.

ученые различных идеологических направлений, можно квалифицировать как подтверждение конвергенции наук.

Несмотря на очевидную уязвимость, искусственность «интегральных» концепций, они все еще популярны среди теоретиков капиталистических стран. Разумеется, формы выражения, в которые рядятся идеи синтеза, степень их «принятия» весьма разнообразны. Каждый из теоретиков-конвергентов пытается как-то модифицировать их, приспособить к своим взглядам. Так, например, западногерманский социолог Хельмут Шельский тоже говорит о происходящей якобы «социальной конвергенции», более того, он считает это теоретическое допущение «одним из центральных аналитических утверждений современной социологии, которое нигде до сих пор не было принято» [1], но одновременно он выступает и против форсирования этого процесса, ставя на его пути ряд ограничений.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что если в области базисных явлений общества большинство идеологов синтеза склонно к «индустриальному» единомыслию, то это единомыслие сменяется полнейшим разладом, когда затрагиваются этажи надстройки. Из всех аспектов сближения, указанных П. Сорокиным, Я. Тинберген, в частности, солидарен с ним только в некоторых технико-экономических сопоставлениях, в какой-то мере в оценке процессов, происходящих в сфере образования. Такая позиция характерна не только для «конвергентов-экономистов». Многие «конвергенты-социологи» также весьма сдержанны в плане широких синтетических обобщений. И все же нельзя не видеть, что идеи широкого социального синтеза пока еще не исчерпали себя и продолжают развиваться. Масштаб их распространения можно представить, рассмотрев в качестве примера некоторые проблемы образования и воспитания в ФРГ. Даже простой перечень авторов и работ, пропагандирующих в последние годы так называемый «педагогический синтез», позволяет заключить, что это далеко не случайный и, по всей веро-

[1] *H. Schelsky.* Ortsbestimmung der deutschen Soziologie. Düsseldorf — Köln, 1967, S. 136.

ятности, не кратковременный социальный рецидив, требующий внимания марксистских теоретиков.

Сторонники сближения систем в образовании и воспитании исходят из предположения о растущих сходствах государственно-монополистического капитализма и социализма, которые, по их мнению, усиливаются в ходе развития научно-технической революции. Сходство систем образования они видят прежде всего во внешних тенденциях эволюции школ (растущая потребность «индустриального общества» во всеобщем среднем образовании, политехнизации, расширении высшей школы и т. д.) и частично в процессах ее внутренней жизни, особенно в дидактике и методике. Характерным свидетельством этому может служить сообщение группы западногерманских педагогов о поездке в Чехословакию в 1966 г. под названием «Одинаковые проблемы — аналогичные решения на Западе и на Востоке». «Оставляя в стороне различия в идеологии,— написано в этом сообщении,— современные индустриальные общества на Востоке и на Западе стоят перед одинаковыми проблемами воспитания и образования. Хотят они того или нет, они имеют поэтому и тенденцию к одинаковым решениям. Одни — на пути радикальных реформ, другие — в том, что они приспосабливают свое дифференцированное школьное образование по ступеням к аналогичным структурным изменениям общества... Одни смотрят на все глазами общества, другие — индивидуума. Так встречаются обе концепции образования где-то посредине... Наконец, педагогов по ту и по эту сторону связывает характерный гуманизм, который в технически определяемой культуре особенно очевидно составляет вид профессиональной педагогической специфики» [1].

Теоретики конвергенции питают большие надежды на «прагматизацию» социалистического образования и воспитания, на их «освобождение» от принципов марксизма-ленинизма. В статье «От идеологического к технологическому обоснованию педагогики ГДР», опубликованной в 1967 г., Ф. Фрозе высказывается за целесообразность технической

---

[1] «Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung», Nr. 2. Frankfurt am Main, 1966.

плюрализации педагогики на ряд специальных подразделений. По его мнению, ввод в процесс обучения таких современных дисциплин, как математическая статистика, моделирование, кибернетика (социальная), психология, конкретная социология, заметно ослабляют общественно-политические функции социалистической педагогики. Ее законы, принципы и задачи, сформулированные на основе методологии марксизма-ленинизма, будто бы постепенно заменяются абстрактными символами и числами. Наряду с подобными взглядами теоретики конвергенции пропагандируют идеи создания «мировой педагогики», в основании которой должны лежать классово индифферентные представления о сущности человека.

Манипулируя тезисом «о демократизации образования на Западе и на Востоке», игнорируя принципиальные различия социалистической и капиталистической систем образования и воспитания, теоретики «педагогического синтеза» пытаются создать впечатление, что борьба за реформу школ и университетов ФРГ, за широкий доступ детей трудящихся ко всем ступеням образования, которую ведут профсоюзы, студенты, преподаватели, не имеет смысла, ибо правительственные органы сами хорошо осознают эти вопросы и готовы к принятию соответствующих решений. Подоплека такой позиции очевидна: стремление сдержать и заморозить широкое демократическое движение.

2. Конвергенция и социальная трансформация

Существенную роль в социологической аргументации теории конвергенции играют положения, заимствованные из группы концепций так называемой «социальной дифференциации» и «трансформации» капиталистического общества. Среди них наибольшим вниманием идеологов сближения пользуются концепции «социальной мобильности», «депролетаризации буржуазного общества», «среднего класса», «социального партнерства», «революции управляющих». О некоторых из них уже шла речь

выше, поэтому в настоящем разделе целесообразно хотя бы вкратце остановиться на других разновидностях теорий социальной трансформации, пропагандируемых такими известными представителями буржуазной общественной науки, как западногерманские социологи Г. Фрейер и Р. Дарендорф.

Знакомство с социально-философскими взглядами Г. Фрейера и Р. Дарендорфа показывает, что с теоретиками конвергенции их объединяет прежде всего отрицание классовой борьбы в современном капиталистическом обществе, стремление затушевать конфликт между трудом и капиталом, низвести его до роли одного из многих конфликтов «индустриального общества», примирить антагонизм классов, что отвечает духу концепции «внутренней конвергенции», являющейся частью общей доктрины конвергенции систем.

Одним из распространенных вариантов теории социальной трансформации является концепция «среднего класса», играющая важную роль среди других, родственных ей, вариантов «депролетаризации». В Западной Германии эта концепция больше известна как теория «нивелированного среднего класса». «В развитых индустриальных обществах,— отмечает один из ее видных представителей, Г. Фрейер,— все отчетливее образуется широкий средний слой, который охватывает около половины, а в богатых странах — даже больше половины всего населения и который сам, в свою очередь, делится на слои... но они не носят никакого четко выраженного классового характера» [1].

Этот слой Г. Фрейер называет «средним нивелированным классом общества», а общество, породившее его «вследствие рационализации и бюрократизации крупного производства»,— обществом «нивелированного среднего класса». Несмотря на широкое хождение названных понятий в западногерманской социологии, они представляются Г. Фрейеру не совсем точными. Гораздо правильнее было бы, считает он, употреблять понятие «общество нивелирующего

---

[1] *H. Freyer*. Strukturwandlungen der industriellen Gesellschaft. In: «Vortragsreihe des deutschen Industrieinstitut», N 11, 16 März 1966, S. 3.

среднего класса», что позволяет подчеркнуть момент становления, динамику развития. Так или иначе, но любой из названных вариантов кажется Г. Фрейеру несравненно предпочтительнее третьего, также нередко фигурирующего в буржуазной печати, понятия «бесклассовое общество», что, по его мнению, вообще не соответствует сегодняшней действительности.

Концепция «среднего класса» базируется на распределительной теории, согласно которой наиболее существенным признаком «среднего класса» является шкала доходов его членов, а точнее, «подвижность», «нечеткость» границ перехода от одного уровня доходов к другому. «Различные виды доходов,— поясняет Г. Фрейер,— которые относятся к этому среднему слою: зарплата, содержание служащих и чиновников, свободные доходы от торговли, занятий и услуг всех видов,— пересекаются и перекрещиваются все сильнее, причем шкала доходов зримо стремится к середине» [1].

Г. Фрейер не случайно, конечно, делает акцент на размывании классовых границ, на сближении полюсов доходов — апологетическая подоплека его выводов очевидна. Однако научный статус Г. Фрейера заставляет его избегать при этом тривиальных, примитивных аргументов, искать более тонкие доводы в пользу своих взглядов. Одним из таких доводов является тезис Г. Фрейера о том, что современный мир труда все более вырабатывает такую позицию, которая «по своему профессиональному содержанию, правовой роли и социальному престижу не является классово-специфической» [2]. Другими словами, под сомнение берется классовый критерий оценки социальных отношений. Под предлогом его «устарелости» выдвигаются «новые критерии социального статуса», где наряду с упомянутой шкалой доходов фигурируют такие разнопорядковые критерии, как обеспеченность рабочим местом, социальный престиж, шансы роста и т. д., возникновение и «закрепление» которых обусловливается не отношениями собственности, а главным образом развитием так называемого «тре-

[1] *H. Freyer.* Strukturwandlungen der industriellen Gesellschaft..., S. 3.

[2] Ibidem.

тичного сектора» (сфера обслуживания). «Альтернатива — владение собственностью на средства производства или труд на другого,— утверждает Г. Фрейер,— на который односторонне базировалось старое понятие «класс», постепенно теряет свое значение» [1].

Ощутимый удар «прежней классовой структуре» общества наносит, по утверждению Г. Фрейера, невиданный доселе рост вертикальной социальной мобильности. «В так называемом нивелированном обществе среднего класса,— пишет он,— господствует высшая степень мобильности — вертикальная мобильность» [2]. Благодаря этому обеспечиваются такие возможности персонального роста, что довольно типичным становится факт «скачка» через две, а то и три ступени жизненного уровня, т. е. разрыв «классовой безысходности». «Такая высокая степень вертикальной мобильности,— продолжает Г. Фрейер,— снижает остроту социальных расхождений и противоположностей» [3].

К чему в конце концов должна привести эта растущая, по мнению западногерманского профессора, нивелировка классовой структуры — остается открытым вопросом. Но зато Г. Фрейер ясно показывает направление теденции структурных изменений. Это открытая ориентировка на США и некоторые другие страны, развитые в экономическом отношении. «Соединенные Штаты, а также Скандинавские страны,— констатирует он,— показывает основную структуру индустриального общества уже гораздо отчетливее, чем мы, будь то направление в сторону сильной ассимиляции слоев или еще более сильной внутренней мобильности» [4].

Заметное воздействие на формирование синтетических схем теории сближения и синтеза систем оказывает структурно-функциональный метод, с помощью которого буржуазные социологи стремятся рассматривать существо происходящих социальных изменений и конфликтов. Сторонники этого метода

---

[1] *H. Freyer.* Strukturwandlungen der industriellen Gesellschaft..., S. 4.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

[4] Ibidem.

при анализе различных общественных структур абстрагируются от классовых различий, исследуют социальные системы «вообще», выдвигают «интегральные» идеи, смысл которых состоит в нивелировании противоречий и противоположностей реальной действительности.

Одну из таких общетеоретических интегральных идей в области анализа социальных изменений общества, безусловно, представляет теория «социального конфликта», которую вот уже более десятка лет развивает известный западногерманский социолог Ральф Дарендорф. Используемый им при этом метод структурно-функционального анализа выступает в роли основного методологического инструмента, претендующего на то, чтобы интегрировать в эту теорию не только отдельные положения марксизма, но и все марксистское учение о классовой борьбе в целом, что, конечно, ведет к искажению его существа.

Наглядной иллюстрацией тому служит классификация Р. Дарендорфом различных форм социальных конфликтов. «По отношению к данному обществу *А*,— писал Р. Дарендорф,— можно было сказать, что имеются находящиеся вне *А* или привнесенные туда *экзогенные конфликты* и имеются производимые в *А* *эндогенные конфликты*» [1]. Являясь наиболее крупными типовыми подразделениями, «эндогенные» и «экзогенные» социальные конфликты градуируются им далее на более мелкие единицы. Рабы и свободные в Риме, негры и белые в США, протестанты и католики в Нидерландах, фламандцы и валлоны в Бельгии, консерваторы и лейбористы в Англии, профсоюзы и союзы предпринимателей во многих капиталистических странах — все это, по мнению западногерманского социолога,— разные виды «эндогенного» типа конфликтов. Обращает на себя внимание тот факт, что при систематизации и классификации всех этих видов социальных конфликтов Р. Дарендорф руководствуется, как правило, формально-абстрактными критериями, рассматривая конфликты вне исторического анализа конкретных социальных структур. Не-

[1] *R. Dahrendorf*. Zur einer Theorie des sozialen Konflikts. In: «Theorien des sozialen Wandels». Köln — Berlin (West), 1969, S. 109.

удивительно, что при таком подходе классовая борьба — определяющая причина социальных изменений — низводится Р. Дарендорфом до степени одного из многих конфликтов общества. «Теория классов,— утверждает он,— является только особым случаем всеобщей теории конфликта» [1].

Р. Дарендорф не ограничивается формальной ассимиляцией теории классовой борьбы в абстрактной схеме социального конфликта, понимая, что таким образом еще не снимается главный вопрос о движущих силах развития общества. Не признавая за марксизмом способности дать правильный ответ на этот вопрос, он постоянно испытывает его влияние на ход своих размышлений. Дарендорф стремится избавиться от «соперничества» классовой теории, огульно обвиняя ее в ограниченности, малосодержательности и прочих «грехах». «Мы знаем сегодня,— пишет Р. Дарендорф,— что попытка свести все фактически проявляющиеся конфликты между социальными группами к общему принципу наподобие классового является неплодотворной. Ее результат — или бессодержательные обобщения (по формуле: всякое общество знает социальный конфликт), или эмпирически бессодержательное упрощение (по формуле: история всех существующих до сих пор обществ была историей классовой борьбы)» [2]. Р. Дарендорф не останавливается и перед прямым искажением марксизма, когда «не замечает» того, что последний вовсе не ограничивается в объяснении изменений только классовым анализом. Разумеется, классы были и остаются до сих пор главным структурным звеном общественных систем, а классовый подход — определяющим принципом при научном исследовании причин социальных изменений. Но нельзя не замечать и то, что марксизм наряду с анализом классов широко исследовал сословия, слои, прослойки и прочие социальные группы, влияющие в той или иной степени на ход общественного развития.

Объявив марксистскую методологию ограниченной, Р. Дарендорф ищет ключи к пониманию движу-

---

[1] *R. Dahrendorf.* Zur einer Theorie des sozialen Konflikts..., S. 118.

[2] Ibid., S. 108—109.

щих сил общественного развития в теории «интеграции обществ», разрабатываемой в последние годы Талкоттом Парсонсом [1]. «Никакая теория социальных изменений или конфликтов,— отмечает западногерманский социолог,— не может отказаться от того, чтобы в первую очередь не описать структурное единство, которое постоянно изменяется и внутри которого разыгрываются конфликты. Такое описание приводит нас к теории интеграции общества» [2]. Что же касается критики отдельных положений теории интеграции, то Р. Дарендорф выступает не против ее фундаментальных положений, а в основном против ее притязаний на роль единственной всеобщей теории общества. Разрабатывая программу совмещения кредо обеих теорий, он писал: «Конечной целью общественной теории является объяснение социальных изменений. Теория интеграции общества дает нам инструмент для определения исходного пункта движения. Но локализовать силы, ускорить движение и изменение является задачей теории социального конфликта. Она может развить модель, которая сделает понятным структурное происхождение конфликта» [3].

Краеугольным понятием этой модели является понятие «господство» (или «господствующий союз»), выполняющее в теоретических конструкциях западногерманского социолога роль своеобразного противовеса марксистскому понятию «классовое отношение». Пять основных признаков характеризуют, по мнению Р. Дарендорфа, содержание понятия господства. Во-первых, отношение соподчинения. Во-вторых, предписание вышестоящих нижестоящим в форме приказа или запрета. В-третьих, право вышестоящих осуществлять такое предписание. Поясняя более подробно этот, особо важный с его точки зрения, пункт, Р. Дарендорф писал: «Господство явля-

---

[1] Т. Парсонс совместно с американским политологом Д. Истоном разрабатывает в последнее время общую модель для анализа интернациональных конфликтов, в которой общества, аналогичные США и СССР, будут фигурировать как элементы, *«не имеющие никакой специфической структуры»* (курсив мой.— *Г. И.*).

[2] *R. Dahrendorf.* Zur einer Theorie des sozialen Konflikts..., S. 121.

[3] Ibid., S. 114.

ется законным отношением соподчинения; оно существует не на основе личного или ситуационного произвола, но является ожиданием, связанным с общественной позицией» [1]. В-четвертых, право господства ограничено определенным содержанием и «воспринимающими лицами». В-пятых, санкции по отношению к тем, кто не следует установленным нормам [2]. Таким образом, двойное деление на вышестоящих и нижестоящих оказывается неотъемлемой частью любого господствующего союза, и Р. Дарендорф явно стремится увековечить сложившуюся исторически «дихотомию социальных ролей». Структурно-абстрактная трактовка «господства» скрывает главный элемент «дихотомии», а именно конфликт рабочего и крупного собственника, сводит его на уровень второстепенного отношения в «индустриальном обществе». «Если теория конфликта пригодна,— пишет Р. Дарендорф,— то считается, что индустриальный конфликт существует независимо от того, является ли управляющий предпринимателем или государственным служащим, чиновником, избранным органом акционеров, а отношения собственности не касаются и интересов индустриального конфликта» [3].

Сконструированная по образцам структурализма модель универсального «господствующего союза», освобожденная от конкретного социального содержания, становится у Р. Дарендорфа, по существу, эталоном в оценке *любых* структурных изменений общества. «Строго говоря,— отмечает он,— всякую форму дифференцированной социальной организации можно описать и как господствующий союз: государство и промышленное предприятие, шахматный клуб и университет, партию и церковь» [4].

Таким образом, весь ход рассуждений Р. Дарендорфа сближает его с теоретиками конвергенций систем как в социальном, так и в идеологическом планах. Это проявляется и в его стремлении ассимилировать теорию классовой борьбы в общую абстракт-

---

[1] *R. Dahrendorf.* Zur einer Theorie des sozialen Konflikts, S. 115.

[2] Ibidem.

[3] Ibid., S. 119.

[4] Ibid., S. 118.

ную «теорию социального конфликта», и в его попытках соединить свою теорию с «интегральной теорией» Парсонса, игнорирующей качественное различие систем. Это хорошо, наконец, проступает в его трактовке понятия «господство», рассматриваемого вне отношений собственности. И хотя Р. Дарендорф нигде не говорит о своей сопричастности теории конвергенции, под его рассуждениями подпишутся многие ее сторонники, так как эти рассуждения открывают самые широкие возможности для пропаганды глобального социального синтеза.

3. Конвергенционные иллюзии Г. Маркузе

До сих пор, говоря о теоретиках конвергенции, мы рассматривали в основном концепции реформистских идеологов. Однако идеи синтеза систем разрабатывают и левые радикалы — критически и оппозиционно настроенная часть буржуазных интеллектуалов. Одно из ведущих мест среди них, бесспорно, принадлежит Герберту Маркузе, влияние идей которого и по сей день ощущается на Западе.

Понимание социальных изменений в обществе неразрывно связано у Г. Маркузе с его общими философско-политическими представлениями о характере современного капитализма, который он рассматривает как классово индифферентное «индустриальное общество». Главное отличие этого общества от всех предшествующих ему Маркузе видит прежде всего в уровне достигнутой им «технической рациональности». Возведенное в ранг фундаментальной категории, понятие технической или технологической рациональности становится у Г. Маркузе основой его анализа или «критики» современного «индустриального общества». С этим понятием самым тесным образом связано и обоснование конвергенционных идей идеолога леворадикального движения 60-х годов.

Первые попытки установить тенденции все возрастающего сходства социально разнородных систем предпринимаются Г. Маркузе еще в 50-х годах в работе под названием «Общественное учение советского

марксизма». В главе «Новая рациональность» Маркузе, обобщая некоторые явления социально-экономического развития социализма, писал: «Параллельно принципиальному различию между западным и советским обществами наблюдается сильная тенденция к их взаимному уподоблению... Обе системы проявляют общие черты позднекапиталистической цивилизации» [1]. К числу таких сходных черт он относит, в частности, централизацию и регламентацию общественной жизни, вытесняющие индивидуальное хозяйство и автономию, подчинение конкуренции требованиям организации и рационализации, господство экономической и политической бюрократии, подчинение народов господствующей идеологии, постоянно насаждаемой средствами массовой информации, индустрией досуга и воспитанием.

Не ограничиваясь констатацией отдельных сходств, Маркузе ставит задачу выяснить причины, обусловливающие процесс эволюции систем, не без основания считая, что без этого невозможно правильно ни оценить, ни предвосхитить обнаруженную тенденцию сближения. Такой причиной, по его мнению, оказывается общность технико-экономического базиса, или «механизированная индустрия», в качестве «незримого члена» постоянно присутствующая в обеих системах и рассматриваемая им как «главная движущая сила общественной организации во всех сферах» [2].

Г. Маркузе как будто понимает, что технико-экономический базис функционирует не в вакууме, что его нельзя рассматривать вне социальных институтов общества, но в то же время, вместо пристального изучения взаимосвязи базисных и надстроечных явлений, задается целью сразу, минуя промежуточные стадии, выяснить вопрос «что определяет что», или, другими словами, сможет ли в конце концов общий технико-экономический базис проложить себе дорогу «через различные общественные институты *и вопреки им* (курсив мой.— *Г. И.*), или же последние и

---

[1] *H. Marcuse.* Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus. Neuwied — Berlin, 1964, S. 89.

[2] Ibid., S. 27.

впредь будут увеличивать различия в применении производительных сил в обеих системах»[1].

Однако намерение Г. Маркузе остается нереализованным хотя бы потому, что уже в самой постановке вопроса он исключает обязательную взаимообусловленность базисных и надстроечных явлений, абсолютизирует действие одного из них, тем самым обнаруживая метафизичность своего метода исследования общественных феноменов. Но дело не только в этом. Американский философ дает крайне ограниченное толкование понятию «базис общества», характеризуя его в основном только с технико-экономической стороны, т. е. фактически отождествляя с производительными силами общества, вне учета их человеческого аспекта. Примечательно, что это, сущностно выхолощенное, понятие базиса он выдает за марксистское, наделяя его к тому же придуманным им самим свойством «нейтральности». «Согласно марксовой теории,— пишет Маркузе,— технико-экономический базис как таковой является «нейтральным» и доступен как социалистическому, так и капиталистическому использованию, что и определяет в конечном счете исход классовой борьбы»[2].

В отличие от Маркузе, марксистские теоретики всегда подчеркивают тесную взаимосвязь, существующую между производственно-техническим и человеческим аспектами производительных сил, а также между производительными силами и производственными отношениями. Другими словами, марксисты рассматривают все компоненты способа производства в диалектическом единстве и взаимодействии как целостный саморазвивающийся социальный организм. В этом организме не существует «нейтральных» компонентов. В зависимости от конкретных обстоятельств каждый из них играет свою активную роль, каждый способен влиять на ускорение или замедление развития общества.

Как бы ни были существенны технико-организационные достижения общества, его социальная при-

---

[1] *H. Marcuse.* Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus, S. 27.

[2] Ibidem.

рода характеризуется господствующими в нем общественными отношениями, среди которых определяющая роль принадлежит отношениям собственности. Однако Маркузе не причисляет отношения собственности к разряду наиболее глубоких качественных характеристик систем капитализма и социализма. По его мнению, «отмена частной собственности на средства производства не означает сама по себе еще никакого существенного различия, пока производство на душу населения централизуется и контролируется» [1]. Без инициативы и контроля снизу, со стороны непосредственных производителей, национализация является простым технико-политическим средством, поднимающим производительность труда, ускоряющим развитие производительных сил и контролирующим их сверху (центральное планирование — скорее смена способа господства, чем предпосылка его ликвидации). Устранив таким образом с пути главное препятствие, Маркузе получает возможность для разного рода индетерминистских и субъективистских отождествлений разнокачественных социальных систем.

В 1964 г. выходит в свет главный труд Маркузе «Одномерный человек», в котором он снова возвращается к идеям конвергенции капитализма и социализма. В качестве отправного момента его рассуждений, как и прежде, выступает исследование роли техники и ее влияния на изменение общественного организма во всех его звеньях. Одну из наиболее существенных особенностей современного развития техники Маркузе видит в том, что она обладает свойством «вводить новые, более действенные и приемлемые формы социального контроля и социальных взаимосвязей» [2]. Причем эта новая способность техники выступать в функции социального контроля принимает, по его мнению, характер «тотальной тенденции», распространяющей свое влияние даже на те регионы мира, которые находятся на уровне доиндустриаль-

---

[1] *H. Marcuse.* Die Gesellschaftslehre des Sowjetischen Marxismus, S. 90.

[2] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch. Neuwied und Berlin, 1967, S. 18.

ного развития, и «вызывающей аналогии в развитии капитализма и коммунизма» [1].

Для уяснения механизма превращения технических функций в функции социального контроля необходимо хотя бы вкратце коснуться понятия «техническая рациональность», играющего ключевую роль не только в конвергенционной концепции Маркузе, но и в обосновании всей его философско-социологической теории общества.

«Техническая рациональность» — комплексное понятие, включающее в себя, по мнению американского социолога, не только технику, технологию и науку, но и такие общественные феномены, как бюрократия и господство. Хотя все эти компоненты технической рациональности находятся между собою в тесном взаимодействии, определяющая роль в названном комплексе прочно удерживается за технологическим фактором. Именно производственная технология, разработанная на основе последних достижений науки, опирающаяся на широкое использование «безличных правил» и групп иерархически кооперированных экспертов, быстрыми темпами порабощает всю общественную практику. Это всевластие новейших технических требований Г. Маркузе характеризует как «производство и трансформацию всего вещного и человеческого материала аппаратом, сконструированным на высокопроизводительной основе, рациональность которого организует и контролирует вещи и лица, фабрики и служебную бюрократию, труд и свободное время» [2].

Постоянная и непрекращающаяся аккумуляция «абстрактно-целесообразных» методов труда, по мнению Маркузе, уже привела капиталистическое общество к такому состоянию, в котором техника выходит из-под его контроля. Она не подчиняется больше «интересам реализации капитала», разрушает сложившиеся представления о господствующей роли социальных институтов, выступает как форма социального контроля и господства.

---

[1] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch, S. 18.

[2] *H. Marcuse.* Industrialisierung und Kapitalismus im Werk Max Webers. In: «Kultur und Gesellschaft». Frankfurt am Main, 1965, S. 110—111.

В свою очередь, это обусловливает перегруппировку сил, определяющих ход политических событий и жизнедеятельность общества. Производственная бюрократия якобы не только выходит из-под влияния политического аппарата управления, но и начинает брать на себя его функции, становясь господствующей во всех сферах. «Как технологический универсум,— утверждает Маркузе,— прогрессивное индустриальное общество становится политическим универсумом — самой последней ступенью осуществления специфического общественного проекта, а именно опытом преобразования и реорганизации природы...» [1]

Под всеохватывающим влиянием технологической рациональности социально-экономические отношения теряют якобы свое определяющее место в обществе, растворяются, нивелируются в технико-организационных взаимосвязях, а вместе с этим и все общество теряет свой социально-специфический облик, становится сферой господства единых рациональных технических правил. «В медиуме техники,— пишет Маркузе,— культура, политика и экономика растапливаются в единую вездесущую систему, которая сглаживает и снимает все альтернативы... Техническая рациональность стала политической рациональностью» [2].

Маркузе стремится избежать однозначной оценки растущей рациональности «индустриального общества». Он отдает себе отчет в том, что она не только «облегчает жизнь большому числу людей и расширяет господство человека над природой», но и вызывает остро негативные и антигуманные явления. Более того, будучи по своему назначению средством освобождения людей, техническая рациональность на уровне ускоренной автоматизации процессов производства и управления превращается в орудие их угнетения, в свою противоположность — иррациональность. Производительность индустриального общества препятствует свободному развитию человеческих потребностей и способностей, находится под постоянной угрозой войны, а его экономический рост

[1] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch, S. 18.
[2] Ibid., S. 19.

достигается ценой подавления реальных возможностей людей [1].

Но критика иррациональности капиталистического общества носит у Маркузе преимущественно анонимный характер, оставаясь, по существу, классово-индифферентной. Причины острых противоречий и пороков капитализма Г. Маркузе ищет не в социально-экономической природе этого общества, а в специфике его технико-организационного развития, в особенностях саморазвития технической рациональности. Не случайно последняя выступает у него как *causa sui* исторического развития, как существующая в себе и себя воспроизводящая сила, т. е. наделяется свойствами начала, формирующего всю систему взаимосвязей общества [2].

Негативные черты современного капитализма Г. Маркузе в равной степени относит и к социалистическому обществу, теперь уже не проводя в этом плане никаких существенных различий между ними. «Пагубная обоюдная зависимость обеих «суверенных» общественных систем в современном мире,— пишет он,— выражает тот факт, что конфликт между прогрессом и политикой, между человеком и его господином стал тотальным» [3]. Развивая эту мысль дальше, Маркузе приходит к выводу, что и «аппараты господства» обеих систем выполняют аналогичные функции, суть которых сводится к «сдерживанию и созданию всевозможных препятствий на пути социальных изменений и прогресса» [4]. Тем самым он излагает взгляды, которые могут быть охарактеризованы как обоснование «негативной конвергенции» капитализма и социализма или сближения их на основе возрастающего сходства негативных черт.

Автоматизация производства и растущая производственная дисциплина способствуют быстрому росту материальных благ, а вместе с этим увеличивают

---

[1] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch, S. 11—12.

[2] *G. Korj.* Ausbruch aus dem «Gehäuse der Hörigkeit?» Kritik Kulturtheorien Max Webers und Herbert Marcuses. Berlin, 1971, S. 15.

[3] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch, S. 73—75.

[4] Ibidem.

и шансы для достижения высокого уровня потребления больших масс населения. Все это, по мнению Маркузе, усиливает трансформацию сознания потребителей в обеих системах, гасит и успокаивает их революционные импульсы, которые «критический теоретик» характеризует с вульгарно-социологической точки зрения лишь как следствие материальной неудовлетворенности людей. По мере выравнивания жизненного уровня членов общества выравнивается и их сознание, становясь все более унифицированным и «одномерным» в своем отношении к происходящему.

Концепция «одномерности» Г. Маркузе представляет весьма существенный шаг в обосновании его конвергенционных прогнозов, хотя роль ее, если иметь в виду всю совокупность философско-социологических взглядов Г. Маркузе, далеко не исчерпывается названной функцией. Эта концепция представляет своеобразную идеологическую надстройку, выросшую на фундаменте «технической рациональности».

«Одномерность» как следствие господства техники в индустриальном обществе характеризуется таким состоянием его общественного сознания, когда у преобладающего большинства людей наблюдается сугубо потребительский, лишенный широких общественных и социальных интересов, инфантильный склад мышления. В применении к современному государственно-монополистическому капитализму она выступает как новый общественный феномен, свидетельствующий об отсутствии в его структуре влиятельных социальных сил, способных решительно противостоять эксплуатации и духовному порабощению трудящихся. Поэтому теоретическое обоснование и пропаганда «одномерности» объективно ведут к затушевыванию острейших антагонизмов капиталистического общества, к дискредитации революционной борьбы классов и партий, оправдывают идеологию классового мира и социальной пассивности. «Технический прогресс, распространившийся на всю систему господства,— утверждает Маркузе,— создает формы жизни (и власти), которые, по-видимому, примиряют силы, оппозиционные по отношению к системе, разрушают

и опровергают всякий протест именем исторических перспектив освобождения от тяжкого труда и господства» [1].

Процесс унификации потребностей в результате «технологической рациональности» вызывает «амортизацию» прогрессивных сил, в том числе и наиболее революционной их части — рабочего класса, улучшая его материальное положение и трансформируя тем самым его революционное сознание. Маркузе описывает этот процесс как «соединение или конвергенцию противоположностей» [2]. Антагонистические силы, по его мнению, объединяются благодаря единству требований современного производства в неразрывное целое так, что «качественные изменения на обозримое будущее становятся просто невероятными». «Рабочий класс,— пишет Маркузе в работе «Конец утопии»,— не представляет больше класса, отрицающего существующие потребности» [3].

Под влиянием возросших возможностей потребления рабочий класс утратил якобы свою революционность и интегрировал в существующую систему общественных отношений. «Мы стоим сегодня перед проблемой необходимости преобразований в условиях, когда слои, которые были классически определены для преобразований, не имеют в них ни малейшей потребности» [4].

Тезис о потере рабочим классом революционных потенций является испытанным оружием теоретической апологетики капитализма на протяжении многих десятилетий. С помощью этого тезиса буржуазные идеологи пытаются внушить общественности, что «тотальный нигилизм» пролетариата — это всего лишь следствие неудовлетворительных материальных условий жизни, что стоит только поднять жизненный уровень масс, как революционное сознание быстро начнет уступать место потребительскому.

Объективная реальность — очевидный рост рабочего движения на Западе — заставляет буржуазных

---

[1] *H. Marcuse.* One-dimensional Man. Boston, 1968, p. XII.
[2] *H. Marcuse.* Der eindimensionale Mensch, S. 39.
[3] *H. Marcuse.* Das Ende der Utopie. Berlin (West), 1967, S. 46.
[4] Ibid., S. 61.

теоретиков «поправлять» самих себя. В одной из последних публикаций Г. Маркузе несколько видоизменил тезис о «врастании» рабочего класса в «новое общество». «Поскольку рабочий класс,— пишет он,— по-прежнему занимает ключевые позиции в процессе производства, является массовой силой и несет бремя эксплуатации, он остается историческим агентом революции; поскольку же он разделяет потребности, укрепляющие капиталистическую систему, он стал консервативной, даже контрреволюционной силой. Объективно, «в себе», рабочие остаются потенциально революционным классом, но субъективно, «для себя», перестали им быть» [1].

Г. Маркузе пытается дать иную по сравнению с марксистской характеристику основного противоречия буржуазного общества. Согласно его утверждениям, это отнюдь не конфликт между трудом и капиталом, отражением которого является борьба классов, а конфликт между рациональностью технического аппарата общества и иррациональностью вызываемых им явлений. Причем «новый» конфликт общества представляется как неустранимое следствие «технического универсума», как фатальная неизбежность. Отказываясь признать в рабочем классе революционно-преобразующую силу общества, Г. Маркузе конструирует дилемму, из которой не видит никакого удовлетворительного выхода. «Как могут освободиться от самих себя и от собственного господства индивидуумы, которые свое увечье сделали собственной свободой и удовлетворением?» [2]

Фетишизация могущества «технической рациональности» (даже в форме объекта критики), которой насквозь проникнута концепция Г. Маркузе, не нашла единодушного одобрения в лагере франкфуртских теоретиков. Ю. Хабермас, а также ряд представителей «левого» движения молодежи (А. Шмидт, Ф. Хауг, К. Оффе, Ю. Бергман и др.) выступили с опровержением многих положений Маркузе. Дружной критике был подвергнут тезис автора «Одномерного человека» о том, что «освобождающая сила

---

[1] *H. Marcuse.* An Essay on Liberation. Boston, 1969, p. 16.
[2] *H. Marcuse.* Das Ende der Utopie, S. 261.

технологии — инструментализация вещей — превращается в оковы освобождения, становится инструментализацией человека»[1].

Теоретики «левого» радикализма также неодобрительно встретили выводы Г. Маркузе о растущем всесилии «технологической рациональности», которые шли вразрез с пропагандируемыми ими акциями протеста. В преувеличении роли «технологического универсума» и «одномерности» в современном капиталистическом обществе «левые», не без основания, почувствовали скрытый подрыв самой основы движения протеста, косвенное признание его бесполезности и обреченности. Сборник статей «Ответы Маркузе», подготовленный группой «левых» в разгар событий 1968 г., демонстрирует степень их неудовлетворенности многими идеями, высказанными автором «Одномерного человека»[2].

Однако «левые» теоретики не вскрывают в своей критике наиболее существенных пороков концепции «технической рациональности». Отрывая производительные силы от производственных отношений общества, абсолютизируя конструктивный характер влияния первых на исторический ход развития, Г. Маркузе обнаруживает непонимание их социальной природы, глубокой взаимосвязи и взаимозависимости в рамках единого целого, каким является способ производства материальных благ. Мистифицированное объяснение им реальных отношений общества с позиций технологического детерминизма, представляющего, по существу, вариант социального индетерминизма, проистекает из субъективистского стремления согласовать реалистические выводы о растущем влиянии техники с идеалистическим пониманием истории.

Нельзя правильно понять объективное содержание исторического процесса, наиболее существенные противоречия на различных этапах его развития, не выяснив, «движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса...»[3].

---

[1] *J. Habermas.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main, 1969, S. 7.

[2] См. «Antworten auf Herbert Marcuse». Frankfurt am Main, 1968.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 139—140.

4. Деидеологизаторы как духовные сообщники конвергентов

В эклектической смеси различных доктрин и концепций, каковой является теория конвергенции, видное место занимают некоторые положения концепции «деидеологизации», которые используются для укрепления методологической основы выводов о слиянии капитализма и социализма. В глазах конвергентов идеологическая противоположность всегда выступала (и не без основания) как одно из главных препятствий сближения систем. В настоящее время, утверждают теоретики конвергенции, идеологическая противоположность марксизма господствующим в капиталистическом обществе взглядам выглядит совсем иначе, чем это было несколько десятилетий тому назад. Под натиском научно-технической революции идеология будто бы потеряла свои ведущие позиции и остроту и теперь находится на задворках общественной жизни. Для подкрепления подобных выводов извлекаются на свет старые аргументы Макса Вебера о социологии, свободной от ценностей, Карла Мангейма о ненаучности и субъективности всякой идеологии, теория о «свободно парящей» интеллигенции и т. д. Эти аргументы разбавляются новыми концептуальными построениями, призванными обосновать наступление эры «заката идеологий», потерю идеологией позиций в науке, ее бесполезность в современном мире. Как утверждает X. Шельский, социология вступила в новую «послеидеологическую эпоху развития», где «классовое пристрастие потеряло свои источники в социальной действительности» [1]. Причины таких изменений следует искать, по мнению западногерманского философа, в процессах современного капитализма, быстро теряющего свою классовую природу, становящегося безличным обществом «технико-научной цивилизации». «Мы утверждаем,— писал X. Шельский,— что формирование технико-научной цивилизации создает принципиально новую основу взаимосвязей... в которых

---

[1] *H. Schelsky*. Ortsbestimmung der deutschen Soziologie. Düsseldorf — Köln, 1967, S. 42.

господствующие отношения теряют вечную власть и взаимозависимость, а место политических норм и законов занимают вещные закономерности»[1], немыслимые как принципы или мировоззренческие нормы.

Ломка старых принципов и норм, охватившая все сферы человеческой деятельности, коснулась, по мнению X. Шельского, наук об обществе, которые, постепенно отказываясь от идеологических барьеров, обнаруживают в обеих системах стремление к взаимопониманию. Богатую пищу для размышлений дают в этой связи, по признанию X. Шельского, дискуссии с социологами из Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы. Западногерманский философ не может не признать при этом противоположность отправных моментов полемики, в первую очередь общеметодологических принципов «спорящих сторон», и делает вначале довольно реалистическое заключение о том, что «на почве объяснения социального целого и его истолкования не может быть достигнуто ни понимания, ни обоюдного обогащения знаниями»[2]. Однако расхождение в исходных принципах не смущает позитивистски ориентированного буржуазного социолога. Как бы существен ни был момент принципиальных расхождений, он, по мнению X. Шельского, представляет вчерашний день науки, «традиционную сторону» теоретических отношений между Западом и Востоком, за которой не следует упускать из виду и другие, не менее существенные, моменты и тенденции.

Наиболее значительной из них является возрастание интереса «молодых коммунистических ученых» к практике организации конкретных социологических исследований за рубежом. Именно на этой почве и в этих границах, считает западногерманский философ, «можно было бы достичь взаимного понимания». В слое «средней всеобщности», каким в общетеоретическом плане представляются X. Шельскому конкретные социологические исследования, спрятана «единственная и существенная возможность совме-

---

[1] *H. Schelsky*. Der Mensch in der wissenschaftlichen Zivilisation. Köln, 1961, S. 21—22.

[2] *H. Schelsky*. Ortsbestimmung der deutschen Soziologie, S. 67.

стной и широкой научной работы для ученых идеологически различных общественных систем» [1].

Игнорируя социальную обусловленность эмпирических исследований различных сторон жизни общества, искусственно противопоставляя друг другу различные уровни теоретических обобщений, X. Шельский с антиидеологических позиций толкует интерес советских ученых к конкретной социологии. Он усугубляет эту ошибку необоснованным обобщением, когда утверждает, что «решающие и стабилизирующие структуры индустриального общества и связанные с ним конкретные социальные проблемы становятся беспринципными и идеологически нейтральными» [2].

Наряду с этими, довольно прямолинейными, попытками опровержения правомерности существования идеологий встречаются и более изощренные варианты «деидеологизации», когда под предлогом отказа от «старой» идеологии на ее место выдвигается понятие «новой» (технической) идеологии — идеологии прагматизма, технического разума, или «технократического сознания».

Примечательно, что истоки этой идеологической переориентации некоторые конструкторы «новой» идеологии пытаются отыскать в марксизме, искажая при этом существо его понимания функций буржуазной идеологии. Справедливо подчеркивая зависимость буржуазной идеологии от материальных условий жизни общества, они вместе с тем признают за ней и способность адекватного отражения процессов и явлений, происходящих в этом обществе, что, как известно, всегда опровергалось Марксом и Энгельсом и нашло свое выражение в разъяснении ими понятия буржуазной идеологии как «ложного сознания». Не желая признавать этого факта, они утверждают, что современная буржуазная идеология «является истинным сознанием в смысле исторически достигнутой... ступени развития рациональности» [3].

---

[1] *H. Schelsky.* Ortsbestimmung der deutschen Soziologie, S. 68.

[2] Ibidem.

[3] *H. Schnädelbach.* Was ist Ideologie? In: «Das Argument», 1969, N 50/2, S. 89—90.

Они упрекают современных марксистов в догматической интерпретации понятия «идеология», не учитывающей существенных изменений, которые претерпели с тех пор общественные системы. Как утверждает западногерманский социолог Х. Шнедельбах, «объективная разгрузка содержания понятия «идеология» вытекает, по Марксу, из противоборства сил, участвующих в конфликте обеих сфер, идеальным выражением которых и являются идеологии. Сегодня же технология получила такое развитие, что общественное производство может само контролировать себя и само давать направление распаду традиционного буржуазного общества» [1].

Появление концепции «новой идеологии» один из видных представителей франкфуртской философской школы, Юрген Хабермас, связывает с именем Г. Маркузе. Анализируя понятие «рациональность», введенное в социологию еще Максом Вебером для характеристики экономических отношений в капиталистическом обществе, Г. Маркузе приходит к заключению, что на современном уровне развития производительных сил техника, по существу, является «общественно-историческим проектом, в ней запроектировано то, что общество и господствующие в нем интересы намереваются делать с людьми и вещами. Такая цель господства является «материальной» и вследствие этого принадлежит к форме технического разума, является новой идеологией времени» [2].

Более детально эта мысль была развита впоследствии Ю. Хабермасом в книге, которая так и называется — «Техника и наука как «идеология»». Основной ход его рассуждений о возникновении «новой идеологии» и «технократического сознания» схематически можно представить в виде трех основных ступеней.

Прежде всего западногерманский социолог выступает с философским опровержением таких важнейших категорий исторического материализма, как про-

---

[1] *H. Schnädelbach*. Was ist Ideologie? In: «Das Argument», 1969, N 50/2, S. 89—90.

[2] Цит. по кн.: *J. Habermas*. Technik und Wissenschaft als «Ideologie», S. 50.

изводительные силы и производственные отношения. Эти понятия, эффективно функционируя на стадии прежнего «либерального» капитализма, «на стадии государственного регулирования», препятствуют, по мнению Ю. Хабермаса, правильному пониманию определяющих взаимосвязей общества.

В противовес этим понятиям Ю. Хабермас выдвигает понятия «труд» и «интеракция» («взаимодействие»), которые становятся ключевыми в его объяснении процессов развития общества. «Взаимосвязь производительных сил и производственных отношений,— заявляет он,— должна быть заменена более абстрактной взаимосвязью труда и интеракции» [1].

Поясняя содержание этих категорий, Ю. Хабермас писал: «Под трудом, или рационально-целевым действием, я понимаю или инструментальное действие, или рациональный выбор, или комбинацию обоих» [2]. Инструментальное действие, согласно Ю. Хабермасу, основывается на технических правилах и совершается в соответствии с ними. «Рациональный выбор» базируется на аналитическом знании и предполагает отвлечение от системы ценностей.

Но труд как рационально-целевая деятельность, являясь функцией производительных сил, не может рассматриваться вне их материально-структурного единства. Кроме того, содержание труда определяется составом производительных сил и характером общественных отношений, господствующих в обществе. Труд по своей природе всегда социально обусловлен, является общественным трудом, что оказывается вне поля зрения Ю. Хабермаса.

Понятие «интеракция» Ю. Хабермас опять-таки рассматривает лишь функционально. Не случайно «коммуникативное действие», осуществляемое в исторически неопределенных институциональных границах, выступает у него в качестве основной характеристики и понятия «интеракция».

Интеракционизм как идеалистический принцип изучения деятельности весьма широко применяется

---

[1] *J. Habermas.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie», S. 92.

[2] Ibid., S. 62.

в буржуазной социологии, например, в теории социального действия Т. Парсонса, в социальной психологии Т. Шибутани, в теории малых групп Д. К. Хоманса. Характерно, что во всех этих концепциях из законов общественного (группового) взаимодействия исключается материально-производственная деятельность, практика, производство как основание, объединяющее людей в обществе [1].

В значительной степени названные пороки присущи и определению интеракции у Ю. Хабермаса. По существу, он рассматривает ее как взаимодействие, не имеющее исторически определенного, материально производственного и социально-классового фундамента, т. е. как абстрактное взаимодействие абстрактных индивидов и институтов.

Так же как понятие «труд» не может заменить категорию «производительные силы», так и понятие «интеракция» не может быть использовано в научном анализе общества вместо категории «производственные отношения», поскольку оба эти понятия в общеметодологическом плане в лучшем случае годны для характеристики отдельных функциональных особенностей названных категорий, и то в том случае, если они исторически и социально конкретизированы.

Парадоксально, но Ю. Хабермас пытается использовать против исторического материализма его же метод конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений. И не случайно в качестве главного объекта его нападок избирается категория «производственные отношения». Согласно Ю. Хабермасу, применение этой категории в социальной науке было оправдано лишь в прошлом столетии, в век «классического капитализма», а в настоящее время она будто бы не отражает никакой реальности. «Производственные отношения,— утверждает Ю. Хабермас,— характеризуют сферу, в которой институциональные рамки закрепились только на время разви-

---

[1] См. *Л. П. Буева.* Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии. В кн. «Исторический материализм как теория социального познания и деятельности». М., 1972, стр. 33—42.

тия либерального капитализма, что не имело места ни до, ни после»[1].

Подобное ограничение сферы действия фундаментальной категории исторического материализма относительно узкими временными рамками Ю. Хабермас оправдывает ссылкой на новые объективные тенденции, которые якобы решающим образом изменяют первоначальную функцию производственных отношений в обществе и их взаимосвязь с производительными силами, что не могло быть учтено в свое время К. Марксом. К таким новым тенденциям Ю. Хабермас относит, во-первых, возрастание регулирующей деятельности государства и, во-вторых, все более усиливающееся взаимодействие научных исследований и техники, превращение науки в непосредственную производительную силу общества. «Обе тенденции,— утверждает западногерманский социолог,— разрушают те связи институциональных рамок и субсистемы рационального целевого действия, посредством которых характеризуется либерально развитый капитализм»[2]. В результате институциональные рамки не только не совпадают больше непосредственно с экономическими отношениями, но и теряют свою обусловленность ими.

Следующим шагом в обосновании концепции «идеологии технократического сознания» является пересмотр значения классовой борьбы в развитии общества, предпринятый Ю. Хабермасом. Как и большинство сторонников «единого индустриального общества» и конвергенции, он признает роль борьбы социальных классов только на ранних ступенях развития капитализма. Однако, с тех пор как капиталистическое государство взяло на себя обеспечение стабильности и роста экономической системы, картина, по его мнению, меняется, так как вся политика государства направлена теперь на устранение дисфункциональности, одним из проявлений которой является классовая борьба.

---

[1] *J. Habermas.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie», S. 92.
[2] Ibid., S. 74.

Эта новая техническая политика «государственного интервенционализма» вызывает, по мнению Ю. Хабермаса, «деполитизацию масс населения», поскольку она изолирует широкие слои трудящихся от участия в решении общественно значимых вопросов. Таким образом, делает вывод Ю. Хабермас, «государственно регулируемый капитализм, возникший как реакция на угрозу системе со стороны открытого классового антагонизма, успокаивает классовый конфликт» [1].

Возрастание экономической роли капиталистического государства сопровождается параллельной тенденцией — проникновением науки в область материально-производственной жизни. С развитием крупных исследований в области промышленности наука и техника «соединяются в единую систему... становятся первой производительной силой» [2], что ведет, в свою очередь, к дальнейшему сокращению влияния «институционального окружения». Открывается возможность «анализировать отдельные предприятия и организации, а также политические и экономические отрасли и области по образцу саморегулирующей системы» [3]. Таким образом, развитие общественной системы в целом определяется Хабермасом через логику научно-технического прогресса, рассматриваемого вне социальных отношений общества.

Более того, научно-технический прогресс, являющийся главным содержанием «рационально-целевого действия» на современном этапе развития общества, становится основой, «придающей всему силу закона»,— «технократическим сознанием» или «новой» идеологией [4]. Здесь Ю. Хабермас подходит к третьему итоговому моменту своей концепции — характеристике идеологии технократического сознания, которую он дает через сопоставление «новой» идеологии с существовавшими до нее «старыми».

Согласно Ю. Хабермасу, технократическое сознание «менее идеологично», чем все предшествующие

---

[1] *J. Habermas.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie», S. 84.

[2] Ibid., S. 79.

[3] Ibid., S. 82.

[4] Ibidem.

идеологии, так как оно якобы освобождает общество «от ослепления, которое только мистифицировало интересы» [1]. Фетишизируя науку и регулирующие возможности капиталистического государства, «новая» идеология в то же время затрагивает и вопросы освобождения человеческого рода как такового [2]. Другими словами, она пытается не только примирить непримиримое, но и встать над объективной противоположностью интересов различных классов. Как отмечает Ю. Хабермас, «казуальность расщепленных символов и неосознанных мотивов, которые производит ложное сознание... не лежит больше в основании технократического сознания» [3]. Кроме того, «новая» идеология, по его мнению, менее уязвима, чем все предшествующие, поскольку «она — не только идеология... она не обещает хорошую жизнь при плохой действительности», а воспроизводит «реальность нормальной действительности» [4].

Так же как и «старые» идеологии, «технократическое сознание» препятствует коренному изменению общественного фундамента, выступая тем самым как консервативная сила, но делает это иначе, другими средствами. Предшествующая идеология, отмечает Ю. Хабермас, была, в сущности, «социальной силой», которая базировалась на отношениях между капиталистами и наемными рабочими. «Технократическое сознание» основано уже не на «коллективном вытеснении», которое закреплялось в прежних идеологиях. Современная идеология «воплощается в структуральных условиях, обеспечивающих сохранность системы» [5]. Хотя эти технизированные «структуральные условия» еще сохраняют в потенции классовый конфликт, «они вместе с тем содержат и возможность его регулирования и исправления таких его край-

---

[1] *J. Habermas.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie», S. 88.

[2] Ibidem.

[3] Ibid., S. 89.

[4] Ibidem.

[5] Ibid., S. 99.

ностей, какими являются эксплуатация и угнетение»[1].

Но если основные усилия «новой» идеологии направлены на стабилизацию современного капитализма, то в чем же тогда, спрашивается, заключается ее принципиальное отличие от «старой» идеологии? Отвечая на этот вопрос, Ю. Хабермас писал: «...новая идеология отличается от старой тем, что она отказывается от прежних критериев оправдания организации общественной жизни, следовательно, вообще от нормативных правил интеракции и в этом смысле деполитизируется, утверждаясь вместо этого в функциях, подчиненных системе рационально-целевого действия»[2].

Таким образом, Ю. Хабермас, по существу, ведет речь лишь об изменении методов апологетики государственно-монополистической организации общества. Вместо апелляции к скомпрометировавшей себя политической идеологии монополий буржуазная общественная наука, несколько модернизировав свои защитные средства, обращается непосредственно к научно-техническому прогрессу, возводя его технические требования в ранг «новой» идеологии, надеясь с помощью «технократического» сознания затушевать острые социальные противоречия действительности.

Проповедь идеологии, «освобожденной» от социально-классового содержания, искажает понимание ее подлинного места в обществе, открывает пути для ее деполитизации и тем самым для широкого распространения идей конвергенции.

Следует отметить, что отдельные аспекты теории «деидеологизации» используются нередко и в концептуальных построениях современных ревизионистских теоретиков. Разумеется, было бы неверным только на этом основании причислять их к лагерю сторонников синтеза разнокачественных социально-экономических систем. Тем не менее даже беглое знакомство с некоторыми антиидеологическими идеями ревизионистов показывает их близкое родство с

---

[1] *J. Habermas.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie», S. 90.

[2] Ibidem.

уже известными нам аргументами конвергентов, заметно расширяя представления о конкретных путях проникновения буржуазно-либеральной идеологии в коммунистическое движение. Богатый в этом отношении материал дает дискуссия, развернувшаяся в 1965—1966 гг. на страницах теоретического органа Австрийской коммунистической партии журнала «Вег унд Циль» в связи с публикацией там статьи Эрнста Фишера «Марксизм и идеология» [1].

Прикрываясь тезисом о творческом отношении к марксизму, автор статьи, бывший тогда одним из членов Политбюро ЦК Компартии Австрии, выдвигал и защищал идеи о сосуществовании идеологий. «Идеологии сосуществуют, хотим мы того или нет» [2],— писал Э. Фишер, призывая «реально» взглянуть на вещи. Под лозунгом теоретического перевооружения в связи с новыми формами идеологической борьбы он проводил мысли, направленные фактически на теоретическое разоружение Коммунистической партии Австрии. «Мы не должны защищаться от нападок,— писал Э. Фишер,— с помощью таких ругательных понятий, как «буржуазный», «упаднический», «антимарксистский», «ревизионистский», «догматический» и т. д. Мы должны вернуться к простым категориям «истинного» и «ложного», поскольку не существует «буржуазных» или «пролетарских», «капиталистических» или «социалистических» результатов науки, а только истинное или ложное, ошибочное (или наполовину истинное, сомнительное и т. д.). Чтобы стать марксистом, следует не замуровываться в идеологию, а самым глубоким и всеохватывающим образом познавать современный мир и его новые духовные аспекты» [3].

Э. Фишер старается «не замечать» принципиальной разницы, существующей между социалистической и буржуазной идеологиями, он открыто противопоставляет марксистскую идеологию науке и даже марксизму в целом. «Идеология — это не научное знание о мире,— утверждает Э. Фишер,— а, как оп-

---

[1] *Ernst Fischer.* Marxismus und Ideologie. In: «Weg und Ziel», Heft 5, 1965.

[2] Ibid., S. 335.

[3] Ibid., S. 335—336.

ределил ее Маркс, ложное сознание, образ мира в фантастическом зеркале. Это зеркало сделано в соответствии с потребностями людей, стоящих у власти. Оно отражает действительность не такой, какова она есть на самом деле, а такой, какова она должна быть, какой ее хотят видеть власть имущие. Правильные или наполовину правильные идеи смешиваются в этом зеркале, переплетаются с предрассудками, фетишами, табу, иллюзиями, заблуждениями, и в силу этого правильные идеи фальсифицируются и искажаются» [1].

Примечательно, что в своем стремлении «похоронить» идеологию рабочего класса теоретики конвергенции также нередко прибегают к аналогичным доводам, искажая при этом, как и Фишер, смысл высказываний классиков марксизма об идеологии как «ложном сознании».

Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс нередко применяли термин «идеология» в негативном смысле, но нельзя забывать при этом, что они употребляли его всегда конкретно, прежде всего имея в виду различные формы буржуазной идеологии и религии. Необходимо учитывать также, что под идеологическим мышлением в то время понимался метод построения реального мира из понятий, в отличие от научного мышления, задачей которого является построение системы понятий, исходя из реального мира действительности. Что касается научной идеологии, которую представляет марксизм, то она тогда только набиралась сил, росла вместе с ростом пролетарских организаций, формированием партий рабочего класса и их лидеров. Поэтому для правильного уяснения существа затронутой проблемы необходимо четко разграничивать, о какой идеологии конкретно идет речь.

Вместе с тем принципиальная сторона вопроса о научной объективности и истинности идеологии не перестает быть предметом спора противоположных теоретических концепций. Довольно часто отрицание буржуазными учеными научной объективности идеологии основывается на утверждении, что любая классовая позиция в идеологии пристрастна и поэто-

[1] *Ernst Fischer.* Marxismus und Ideologie, S. 353.

му неизбежно искажает действительное положение вещей. Но эта огульная оценка не верна ни исторически, ни по существу. Нельзя говорить об идеологии вообще, вне ее содержания. Нельзя, например, класть на одни весы идеологию фашизма, расизма, милитаризма и идеологию гуманистическую, идеологию борьбы за свободу, социальное и национальное равенство.

При всей своей очевидной классовости идеология марксизма не является антиподом науки, как это пытаются утверждать приверженцы «деидеологизации», так же как и ее партийность не означает ее субъективизма. Если интересы класса и его партии соответствуют объективным законам прогрессивного развития общества, то тем самым создается основа для того, чтобы идеология этого класса была научной. Марксизм-ленинизм потому и является научной идеологией, что он выражает такие интересы трудящихся, которые полностью совпадают с интересами общественного прогресса. Сочетая в себе качества науки и идеологии, марксизм преодолел существовавшее до него расчленение и противопоставление классово-идеологических и теоретико-познавательных аспектов познания действительности. Иллюзорная идеология повсюду была вытеснена со своих основных позиций. Наука же получила идеологическую функцию, способствующую расширению ее действенности и сферы влияния.

5. Теория конвергенции и футурология

Многоплановая и тесная связь существует между теорией конвергенции и теми разнообразными исследованиями будущего, которые на Западе в последнее время все чаще стали обозначать понятием «футурология». Своим появлением на свет это понятие обязано западногерманскому социологу профессору политологии О. Флейтхгейму, который, подметив усиление интереса к проблемам социального прогнозирования, еще в 1943 г. провозгласил появление новой «науки о будущем» — футурологии. Однако прошло более двух десятилетий, отмеченных

серьезными историческими событиями, прежде чем понятие футурологии получило широкий общественно-научный резонанс и начало постепенно входить в социологический лексикон Запада.

Теорию конвергенции и футурологию объединяет не только общий интерес к будущему, стремление предвосхитить его черты и перспективы его развития, но и глубокое беспокойство за судьбы капитализма, попытки с позиций будущего оправдать и утвердить его настоящее. Много общего содержится и в их методологии анализа процессов общественного развития. Едины они и в своем отрицании коммунистического идеала общества, в лояльности по отношению к открыто антикоммунистическим программам. Тем не менее это далеко не тождественные концепции ни по объему, ни по содержанию, ни по конечным устремлениям.

За последнее десятилетие «наука о будущем» значительно расширила свои первоначальные границы и сегодня стремится вобрать в себя не только разрозненные идеи и высказывания ученых и публицистов Запада о будущем, но и работы по прогностике (постепенно развивающейся науке о законах, методах и приемах прогнозирования), а также собственно социальные прогнозы (индивидуальные или коллективные разработки прогностических моделей тех или иных социальных явлений, подготавливаемые специализированными научно-исследовательскими институтами и подразделениями). Обычно такого рода прогнозы служат в качестве обоснования планов, программ и важных решений в управлении социальными процессами. Эти далеко не равнозначные «жанры» прогностических усилий, составляющие «анатомию футурологии», как правило, настолько переплетены и взаимосвязаны друг с другом, что выделить их в чистом виде можно, только абстрагируясь от реальной действительности.

Не представляет исключения в этом плане и западногерманская футурология (самая молодая в Европе), интенсивное развитие которой приходится на последние несколько лет. Примечательно, что еще в начале 60-х годов пропагандистский аппарат монополий всячески препятствовал тяге отдельных уче-

ных к прогнозированию. Мысли о возможности научного исследования будущего в ФРГ, о руководстве социальными процессами, о внедрении плановых начал в различные сферы жизни общества квалифицировались как «коммунистические» или же как иллюзорно-беспочвенные. Еще в 1966 г. О. Флехтгейм с горечью отмечал, что «Федеративная Республика не имеет антенны в будущее» [1]. Ныне картина изменилась. Исследованиям будущего открывается широкая дорога. Эта тема не сходит со страниц газет, журналов. Футурология становится модной. Ее идеи начинают фигурировать в правительственных документах, открываются новые институты по исследованию перспектив развития отраслей промышленности, естественных и общественных наук. Господствующая монополистическая идеология стремится интегрировать футурологию в свою систему ценностей, готова рассматривать ее теперь как «стабилизирующий фактор» современного капиталистического общества.

Размышляя над причинами подобного «бума прогнозирования», известный западногерманский социолог и публицист Роберт Юнгк в числе главных указывает на «страх перед будущим», который вызывает потребность утешить себя блестящими и полными надежд перспективами, находясь «в темном лесу трудно разрешимых проблем» [2]. Близкой Р. Юнгку позиции придерживается и другой ученый из ФРГ — Карл Штайнбух. В своей книге «Программа 2000» он проводит мысль о том, что современное капиталистическое общество является малопригодным для того, чтобы «найти разумную точку зрения относительно будущей реальности».

Для многих буржуазных футурологов все очевиднее становится тот факт, что механизм монополистического господства оказывается малоспособным успешно осуществлять регулирование сложными взаимосвязями общества, что он «пробуксовывает» в самых узких местах и требует существенной реорганизации. Примечательно, что это вынуждены порой

---

[1] *O. K. Flechtheim.* Zur Problematik einer Futurologie. In: «Gewerkschaftliche Monatshefte». Köln, Heft 4, 1966, S. 198.

[2] «Pein in die fetten 70-er Jahre? Gespräch mit Robert Iungk». In: «Pardon», 1970, N 1, S. 8.

признавать люди, занимающие довольно высокое место в капиталистическом обществе. «Растущий количественный объем общественных задач по организации путей сообщения, систем информации и снабжения, образования, здравоохранения и социального обеспечения, с одной стороны, а с другой — затраты на улучшение и развитие страны стали так велики, что частнохозяйственные методы и решения могут применяться здесь только частично» [1],— писали В. Хефеле и Ю. Зетцен, руководители центра атомных исследований в Карлсруе.

Неудовлетворенные настоящим, неуверенные в будущем, буржуазные прогнозисты тем не менее далеки от понимания реальных причин, лежащих в основе противоречий современного капитализма. Разумеется, это не может не сказываться на характере их исследований, насквозь пропитанных реформистскими иллюзиями. Так, упомянутый уже нами К. Штайнбух видит ключ к решению социальных проблем в более эффективном просвещении общества, чему должна способствовать реформа образования. В статье под названием «Спасем футурологию от неомарксистов!», опубликованной в газете «Вельт» от 23 мая 1970 г., он, объясняя свою веру в силу просветительских реформ, утверждал, что власть монополий в Западной Германии не является в настоящее время решающим препятствием для преодоления политических и социальных противоречий.

Наиболее объемный, пестрый и противоречивый по своему содержанию «жанр» современной западногерманской футурологии представляет серия выпусков «Модели для нового мира» — широко задуманное коллективное прогностическое произведение, издаваемое вот уже в течение ряда лет Р. Юнгком и Г. Мундтом. Среди авторов «Моделей» наряду со специалистами по прогностике и практическому прогнозированию можно встретить представителей самых различных отраслей науки, инженеров и техников пяти континентов земного шара. Преобладающая часть их футурологической продукции не явля-

---

[1] *W. Häfele, I. Seetzen.* Prioritäten der Großforschung. In: «Das 198. Jahrzehnt». Hamburg, 1970, S. 427.

ется прогнозами в строгом смысле. Она, скорее, представляет попытки, опираясь на интуицию или же на доступный авторскому кругозору определенный объем фактов, предугадать, какой оборот примет дальнейшее развитие тех или иных явлений и проблем.

Стремясь направить неоднородный поток футурологической информации в какое-то определенное русло, Р. Юнгк в предисловии к выпуску «Наш мир в 1985 году» писал: «Первая задача самостоятельной науки о будущем должна состоять в том, чтобы, вместо неизбежной односторонности, присущей проекциям, экстрополяциям, прогнозам и планам в отдельных отраслях науки, обеспечить более всеобъемлющие перспективные и ретроспективные обзоры, которые позволили бы вовремя раскрыть и обнародовать противоречивые тенденции будущего развития еще до того, как они окажут свое разрушительное действие» [1]. Однако разумный призыв Р. Юнгка к комплексному исследованию проблем развития человечества, по существу, остается пожеланием: будущее в «Моделях» рассматривается преимущественно как прерогатива «индустриального общества», исключающая путь человеческого общества к социализму и коммунизму, т. е. вне учета основных закономерностей исторического развития.

Вряд ли способствует повышению научной ценности универсального издания Р. Юнгка и Г. Мундта и та пестрота социально-теоретических воззрений, которая характерна для этого труда, где наряду с именами таких апологетов современного капитализма, как Д. Белл и Г. Кан, можно встретить имена Ф. Бааде и Ф. Абендрота, относящихся к «левому» крылу буржуазного социально-критического направления западногерманской социологии. Приверженность к «индустриальной методологии» анализа общественных процессов, неоднородность авторского коллектива обусловливают крайне эклектический характер «Моделей», что открывает широкое поле для пропаганды конвергенционных идей на страницах этого издания.

---

[1] *R. Jungk.* Anfänge und Zukunft einer neuen Wissenschaft, Futurologie 1975, «Unsere Welt», München, 1973, S. 13.

Особенно характерна в этой связи точка зрения самого Мундта, согласно которой в функциях комплексного прогнозирования при социализме и капитализме нет никаких принципиальных различий. Направленность и существо прогнозирования и планирования, по Мундту, определяет не характер общественных отношений, а научно-техническая оснащенность и вооруженность исследователей. «Прибор предопределяет метод,— утверждает западногерманский социолог,— создается впечатление, что специалисты, наблюдающие за работой своих электронно-вычислительных машин (при капитализме и социализме.— *Г. И.*), все чаще оказываются по одну сторону пульта — они уже давно не сидят друг против друга». Тем самым Мундт «констатирует картину примирения на новой основе, перспективу подлинного синтеза, который вырастает из диалектики полуторавекового исторического процесса» [1]. Прогнозированию и планированию приписываются при этом способность снимать противоречия и антагонизмы противоположных систем. Рассуждения буржуазных футурологов строятся по уже знакомой нам схеме конвергентов: абсолютизация научно-технического фактора в развитии общества, игнорирование роли производственных отношений, прежде всего отношений собственности, и в результате вывод — социализм и капитализм представляют собой разновидности одной и той же индустриальной цивилизации, что подразумевает возможность их конвергентного развития. Научно-техническая революция выступает здесь как средство, ломающее все социальные барьеры на своем пути, «успокаивающее» самые острые конфликты общества. Как утверждает Герт фон Айперн, капитализм становится социальным в кавычках. Социальные крайности смягчаются автоматически, посредством роста производительности труда [2].

Несостоятельность прогнозов футурологов относительно социальной динамики общества, конечно, не означает, что и в области естествознания и техники

---

[1] Цит. по кн.: *Г. Эделинг.* Прогнозирование и социализм. М., 1970, стр. 147.

[2] *G. v. Eupern.* Politische Wirtschaftslehre. Köln und Opladen, 1968, S. 354.

они представляют пустоцвет буржуазной науки. Хорошо известно, что рост производства современного капитализма в значительной степени стимулируется результатами, достигнутыми в таких отраслях, как электроника, ядерная физика, космические исследования, химия и т. п,. где практика краткосрочного и особенно долгосрочного прогнозирования начинает играть все более заметную и существенную роль.

Помимо «Моделей» определенный контингент футурологов группируется вокруг журнала «Футурум», издаваемого с 1968 г. в Западном Берлине О. Флехтгеймом и претендующего в основном на освещение общетеоретических вопросов прогнозирования отдельных крупных проблем различных отраслей знания, а также футурологии в целом. Помещая материалы по прогностике, журнал вместе с тем тяготеет к максимально широкой постановке вопроса об исследованиях будущего. Как писал один из авторов журнала, Г. Шишков, «футурология хочет стать пунктом, в котором должен происходить диалог среди ученых всех специальностей о футурологическом исследовании областей их деятельности и о вытекающих из этого прогнозах и перспективах. Из синтеза всех таких, направленных в будущее, исследований должна затем получиться обширная сфера науки о будущем» [1]. По этому принципу всеобщая футурология должна включить в себя:

1) общую футурологию природы;

2) футурологию закрытой (замкнутой) системы природы;

3) футурологию закрытой технологической системы;

4) общую футурологию культуры;

5) футурологию относительно закрытой социально-экономической системы;

6) общую политическую футурологию;

7) футурологию относительно закрытой политической системы;

8) футурологию научного планирования;

---

[1] *G. Schischkof.* Wissenschaftheoretische Betrachtungen über Gegenstand Methodenlehre und Grenzen der Futurologie. «Futurum», Heft 3. 1969, S. 326.

9) футурологию образования;

10) футурологию духовно-антропологического становления [1].

Здесь ясно и недвусмысленно высказываются претензии футурологии на роль нового мировоззрения, новой философии современности. Разъясняя основные задачи, стоящие перед наукой о будущем, О. Флехтгейм писал, что «речь идет не о систематическом сборе и анализе данных с целью тщательного освещения и сравнения существующих зависимостей, а об определенном направлении, образе мышления, о «подходе», пожалуй, даже о философии» [2].

Притязания футурологии на научно-теоретическое и философское освещение глобальных человеческих проблем порой подвергаются критике даже со стороны ученых, разделяющих некоторые ее реалистические положения. Так, например, рассматривая методологические посылки «науки о будущем», западногерманский социолог Арнольд Бухгольц резонно замечает, что нельзя рассматривать историю «как смешение многих разнозначимых факторов» (к чему так склонны многие футурологи), что в историческом развитии существуют компоненты различной степени важности, которые к тому же взаимодействуют между собой, как правило, специфическим образом [3]. Одно из решающих соображений, которое также плохо учитывается футурологами, состоит, по его мнению, в том, что для предвосхищения будущего совсем не требуется знать все без исключения условия, в которых оно зарождается, а только те из них, которые конструируют систему и вследствие этого имеют потенцию в той или иной степени (как попутные элементы) действовать и дальше [4].

Другим «глобальным» притязанием футурологии, прямо вытекающим из первого и роднящим ее с теорией конвергенции, является неприкрытое стремле-

---

[1] *G. Schischkof.* Wissenschaftstheoretische Betrachtungen über Gegenstand Methodenlehre und Grenzen der Futurologie. «Futurum», Heft 3. 1969, S. 381.

[2] *O. K. Flechtheim.* Zur Problematik einer Futurologie. «Gewerkschaftliche Monatshefte». S. 201.

[3] «Futurum», Heft 4, 1969, S. 652.

[4] Ibidem.

ние встать над теоретическими системами как коммунизма, рассматриваемого в виде утопии, так и капитализма, рассматриваемого в виде идеологии. «По отношению к идеологии,— писал О. Флехтгейм,— как в ее первородной, так и в доидеологической формах футурология признает требования радикальной критики *status quo*, ориентацию настоящего в будущее. В противоположность утопии она рассматривает будущее не как рай, но и не как ад... Мир завтра познается все в большей степени как открытая и многообразно противоречивая возможность и как задача человека» [1]. При этом речь идет не просто о примирении идеологического и утопического моментов где-то посредине или о предельной «релятивации» противоположностей. Футурология выступает в качестве «основы гуманистического третьего фронта, который проходит через все блоки» [2], как это явствует из последней книги О. Флехтгейма «Футурология. Борьба за будущее». Отрицая научный социализм как определяющую теоретическую основу прогрессивных исследований будущего, западногерманский социолог выдвигает на его место футурологию как теорию исследования, объяснения и формирования грядущего, т. е. как многоплановую альтернативу марксизму.

Собственно прогнозированием будущего к началу 1971 г. в Западной Германии занималось семь научно-исследовательских центров. Будучи также не однородными по своей социально-теоретической ориентации, они тем не менее являются главной «прогностической силой» в стране, основным ядром ориентированных на практику правительственных, а также промонополистических исследований будущего. Известно, например, что Институт по исследованию перспектив технологического развития в Ганновере финансируют свыше пятидесяти монополистических объединений типа АБГ, «Сименс», «Фольксваген», «Бош», «Эссо», «Шелл», «Клокнер», «Крупп», «Маннесман», «Тиссен» и др. Отдельные руководители прогностических центров и не скрывают своей тесной связи с представителями монополистических кругов,

---

[1] *O. K. Flechtheim.* Zur Problematik einer Futurologie, S. 203.

[2] *Günter Heyder.* Der Kampf um die Zukunft. «Gewerkschaftliche Monatshefte», Heft 10, 1970.

открыто выступая против сторонников социально-критического направления в исследованиях будущего. Характерным в этом отношении является признание Р. Проске, одного из ведущих сотрудников упомянутого института, который, выступая на страницах «Индустрикурьер», подчеркнул, что его центру в настоящее время нужны такие специалисты, «которые могли бы выступать против «критических» исследователей будущего, противопоставить революции «красной ячейки будущего» проект свободно-демократического и рыночно-ориентированного общества» [1]. Проске явно переоценивает «красные симпатии» буржуазно-либеральных прогнозистов, которые вовсе не помышляют ни о социалистическом будущем, ни тем более о ниспровержении существующего государственно-монополистического строя, а выступают, как правило, за его постепенную реформацию. Тем не менее в свете подобных заявлений особенно ясно выступает иллюзорный характер утверждений О. Флехтгейма «о конвергентных функциях» буржуазно-либеральных исследований будущего.

Несколько в стороне от столбовой дороги социального прогнозирования ФРГ находится довольно заметная и влиятельная группа клерикальных футурологов (Г. Пихт, Э. Кинингер, М. Айген и др.), выдвинувшая задачу создания новой общечеловеческой морали как основы общества будущего, морали, «которая могла бы быть мерилом современных отношений в обществе» и которая могла бы заменить господствующую при капитализме мораль собственности и наживы. В этой связи определенный интерес представляет так называемая теория «proexistenz» (наивысшего существования) — своеобразный религиозно-идеалистический вариант теории конвергенции, автором которого является известный клерикальный теоретик Эвальд Кинингер. Опираясь на морально-этические постулаты католичества, Э. Кинингер пытается создать свой идеальный облик общества будущего. «Proexistenz», по его мнению, характеризует наивысшую ступень развития общества, которая неизбежно следует за двумя предшествую-

[1] *Rüdiger Proske.* Zukunftsforschung. «Industriekurier», 7. II. 1970.

щими ей ступенями — «контрсуществованием» и «сосуществованием».

В отличие от абсолютного большинства апологетов конвергенции, которые объясняют процесс сближения систем, исходя в основном из одностороннего анализа производительных сил общества, техники и технологии, Э. Кинингер главную движущую силу «сближения» видит в традиционной христианской идее братства и любви. Примечательно, что эта идея одновременно является и главным содержанием общественного идеала на стадии «наивысшего существования», нашедшего свое наиболее лаконичное выражение в нравственно-этической формуле христианства — «жить абсолютно для других». «...Посюстороннее бытие для других,— разъясняет свой идеал Э. Кинингер,— означает проявление участия не только к другу, к любимым из ближнего окружения, к соседям, к согражданам, но также и к чужим с другого берега, незнакомым издалека, к совокупному человечеству» [1]. Единство нравственного устремления человечества, по мнению Э. Кинингера, обладает такой внутренней силой, что перед ней бессильны и границы, и правительства. Все общества, религии и народы неуклонно приближаются к своему «наивысшему существованию», и процесс этот остановить нельзя.

Большие затруднения возникают у Э. Кинингера в связи с необходимостью принимать в расчет социально-экономическую сферу жизни общества. Не считаться с ней совсем он не может, а признание ее решающего влияния противоречит его основным теоретическим посылкам. Как же быть? Э. Кинингер выходит из положения испытанным путем некоторых уступок материализму, что позволяет ему выдвинуть важный для его теории тезис о быстром перемещении центра тяжести развития общества из сфер материальных в духовные. «Развитие от материального к духовному,— утверждает Э. Кинингер,— уменьшает противоположность между Востоком и Западом. Их цели принципиально не противостоят больше друг другу, как это было в прошлом. Как Восток, так и

[1] *E. Kininger.* Koexistenz — Proexistenz. Über die Ost-West — Annäherung. Wien — Frankfurt — Zürich, 1968, S. 190.

Запад стремятся к этическому совершенству» [1]. Выдвинутый еще в философии Сократа, этот «вечный», абстрактный религиозно-этический идеал ничуть не противоречит доводам защитников конвергенции, напротив, во многих случаях он даже «духовно дополняет» их. «Больше не является решающим,— пишет Э. Кинингер,— кто владеет средствами производства; дело в том, как лучше способствовать увеличению числа духовно развивающихся» [2].

Каждое новое, более или менее значительное, общественное явление в жизни капитализма и социализма католический футуролог стремится рассматривать прежде всего как еще одно подтверждение наступающей якобы эры «наивысшего существования» — «proexistenz». «Всеобщий синтез,— спешит провозгласить Э. Кинингер,— захватил религию и распространяется на политические идеи... Голоса с проэкзистенциальными тенденциями слышатся уже и в марксистско-ленинском лагере» [3].

Фрагментарное рассмотрение взглядов Э. Кинингера и О. Флехтгейма достаточно ясно показывает внутреннюю связь и определенную общность футурологии и теории конвергенции. Эта общность, если говорить о ней в интересующем нас плане, заключается прежде всего в том, что и та и другая концепции содержат в себе претензии на качественно новое ви́дение перспектив развития современного капитализма и социализма. Однако на поверку эти претензии оборачиваются еще одной формой апологии буржуазного общества. Единственно правильный ответ относительно будущего общественного развития может дать сегодня лишь марксистско-ленинская наука предвидения, которая убедительно показывает, что именно «социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма» [4].

---

[1] *E. Kininger.* Koexistenz — Proexistenz..., S. 190.
[2] Ibid., S. 184.
[3] Ibid., S. 149.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

Глава IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ

Выше уже отмечалось, что теория конвергенции чаще всего выступает в двоякой роли. С одной стороны, она отражает реформистские и либеральные настроения современной буржуазии, с другой — выражает определенные интересы монополистических кругов развитых стран капитала и связанных с ними социальных групп. Эти группы все еще не потеряли надежды ликвидировать позиции, завоеванные социализмом на мировой арене, однако, отдавая себе отчет в реальном соотношении сил, они делают ставку на «мирные» пути наступления на социализм, на его внутреннюю «трансформацию».

Следует оговориться, что эта двойственность функциональных особенностей теории конвергенции не имеет полярного характера, так как выражает внутреннее противоречие, по существу, единого в своем негативном отношении к идеям научного коммунизма буржуазного способа мышления. Учитывая это принципиальное обстоятельство, его нельзя вместе с тем рассматривать как фактор, освобождающий от дифференцированного рассмотрения теории конвергенции. Вопрос о характере ее общественно-политических функций, их взаимосвязи и взаимозависимости исключает однозначную характеристику и требует более детального и конкретного рассмотрения.

1. Идеи «сближения» и «синтеза» на службе апологетов капитализма

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению апологетических и либерально-реформистских общественно-политических функций теории конвергенции, целесообразно, хотя бы в общих чертах, остановиться на характеристике механизма взаимодействия различных социальных концепций в условиях государственно-монополистического капитализма.

Характерной особенностью развития социальной жизни Федеративной Республики Германии последних лет является некоторое изменение общественной позиции монополистического капитала и партий, отражающих его интересы. Сохраняя за собой все основные ключевые позиции в экономике, а до недавнего времени[1] и в политике, монополистические круги ФРГ тем не менее вынуждены были делить свою экономическую и политическую власть с представителями других классов и социальных групп, поддерживающих социал-демократов, интересы которых не всегда совпадают с их интересами.

Разумеется, это обстоятельство не могло оставаться бесследным. Стратегия и тактика мощного пропагандистского аппарата монополий начинает претерпевать заметные изменения. Ему все в большей степени приходится учитывать не только влияние социалистической системы, но и идейную дифференциацию внутри капиталистического общества. Идеологи монополистических кругов вынуждены постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям конфронтации социально различных систем. В этой связи их взаимоотношения с представителями других теорий и концепций развития общества можно было бы вкратце охарактеризовать следующим образом.

В том случае, когда господствующие классовые группировки сталкиваются с радикальными концепциями, ставящими под вопрос само существование государственно-монополистического капитализма,

[1] С сентября 1969 г. правительственную власть в ФРГ осуществляет коалиция партий СДПГ — Св. Д.

они наклеивают им ярлык «коммунистические» и ведут с ними беспощадную борьбу с использованием всех доступных средств.

Когда же на их пути оказываются идейные течения, не соответствующие интересам монополистического капитала, но и не обладающие в то же время достаточным общественным влиянием, они до поры до времени «допускают» факт их существования, используя это для рекламы «свободы и демократии» в западном мире.

Наконец, когда дело касается буржуазно-либеральных, а в некоторых случаях и прогрессивных концепций, которые уже имеют — или потенциально способны иметь — общественный авторитет, правящие круги пытаются всячески преуменьшить их позитивное содержание, ослабить их критический эффект. Усиленно подчеркивая их буржуазную суть, они вместе с тем стремятся ассимилировать их, включить ряд аспектов этих концепций в привычный арсенал апологетических доводов.

Теория конвергенции, независимо от ее общей антикоммунистической направленности, содержит в себе (как это не раз отмечалось выше) такие идеи, которые выходят за рамки сложившихся у реакционных идеологов представлений о путях дальнейшего развития общества. Уже одно это обстоятельство побуждает их интенсивно выискивать способы «приручения» идей конвергенции, использования их в своих интересах.

Возникнув в либеральных кругах, теория конвергенции была тотчас же подхвачена антикоммунистами. Знакомство с некоторыми особенностями ведения «психологической войны» против социализма показывает, что теория конвергенции хорошо вписывается в ее контуры и играет не последнюю роль в ее теоретических обоснованиях. Идеологическая диверсия — это не только сознательные централизованные усилия профессиональных идеологов, работающих по четкой программе. Сегодня она отличается большим многообразием приемов, начиная от замаскированной борьбы с социализмом под предлогом оказания ему «помощи» и кончая открытой пропагандой «деидеологизации». Характерно, что

многие советологи, как и теоретики конвергенции, признают историческую правомерность социалистической системы и даже некоторые ее достижения. Сегодня это — один из исходных принципов идеологической диверсии, без которого они просто не мыслят «наведение мостов», «закапывание рвов», «рыхление социалистической почвы».

Что на самом деле скрывается за этой «доброжелательностью», хорошо показывает программа так называемой «либерализации коммунизма», изложенная советологом Вильфридом Даймом в его книге «О стратегии мира». «Коммунизм,— констатирует В. Дайм,— стал фактом, в котором каждый может удостовериться» [1], это такая могучая сила, попытки устранения которой военным путем чреваты печальными последствиями для тех, кто делает ставку на агрессивность. Какова же в данной ситуации должна быть позиция Запада? По мнению В. Дайма, единственно правильный выход — это проведение «эластичной политики», суть которой сводится к тому, чтобы всеми способами «побуждать Советский Союз к усвоению характерных черт американского образа жизни». В. Дайм подвергает критике грубый, примитивный антикоммунизм, который до сих пор действует по принципу «или — или». «Нужно учиться дифференцировать,— призывает В. Дайм,— пора начать думать о переливах, нюансах, оттенках» [2].

Поясняя сущность программы «либерализации» социализма, В. Дайм писал: «Мы также нуждаемся в каталоге свобод, и мы должны применять и реализовывать в собственной системе свободы, систематически подталкивая к этому коммунизм. При этом для нас должно быть ясно, что не всякая свобода имеет равную степень и важность.

Этот же процесс в коммунистической системе мы называем либерализацией. Чем либеральнее коммунистическая система, тем лучше для Запада. Это должно стать основным принципом» [3].

---

[1] *W. Daim.* Zur Strategie des Friends. Ein neutralistisches Konzept. Wien — Köln — Stuttgart — Zürich, 1962, S. 121.

[2] Ibid., S. 122.

[3] Ibidem.

Изучение различных методов «либерализации» коммунизма приводит В. Дайма к мысли о целесообразности самым широким фронтом использовать идеи конвергенции. Вместе с тем В. Дайм не исключает возможности и обратного действия процесса конвергенции и в этой связи отмечает, что обе системы всегда «должны опасаться размягчения своих идеологий, своих сущностей в результате встречного движения» [1]. Перед лицом этой опасности выход один: умелое «дирижирование» процессом конвергенции таким образом, чтобы сделать его односторонним, т. е. процессом проникновения западных идей на Восток, «инфильтрацией Востока» [2]. Одна из глав книги В. Дайма, названная «Либерализация коммунизма», представляет, по существу, инструкцию по идеологической диверсии с множеством практических советов типа: «Советский Союз следует не только ругать, но и хвалить», «Выражение восхищения Достоевским разряжает атмосферу» и т. д.

В своей книге «Проект для Европы» Ф. Штраус, используя идеи политической интеграции (составляющие один из аспектов теории конвергенции), утверждает, что настало время «изменить лицо мира», создав «единую сплоченную Европу», границы которой будут простираться «от Атлантики до Буга и Черного моря». Ф. Штраус призывает обдумать вариант, при котором «этот проект для Европы может быть приемлемым и для коммунистического мира» [3]. Примечательно, что выводы, к которым приходит Ф. Штраус, весьма созвучны уже известным нам размышлениям В. Дайма. Как и В. Дайм, Ф. Штраус считает, что «следует поддерживать только такие проекты, которые больше служат разрыхлению Европы, чем усилению восточноевропейского режима» [4]. «Такая политика общеевропейского разрыхления,— учит В. Штраус,— может привести к успеху при условии ее постепенной реализации. Едва ли можно ожидать быстрого решения,

---

[1] *W. Daim.* Zur Strategie des Friends.., S. 125.
[2] Ibidem.
[3] *F. J. Straus.* Entwurf für Europa. 2. Aufgabe. Stuttgart, 1966, S. 39.
[4] Ibid., S. 42.

следует мыслить измерениями исторического процесса. Во время этого периода мы должны втянуть в Западную Европу восточно- и южноевропейские народы, сильнее используя культурные и экономические связи: молодежный и академический обмен, туризм, спортивные мероприятия и многие другие подходящие средства»[1].

Интеграционная идея «объединенной Европы», или, что то же, капиталистического поглощения социалистических восточноевропейских государств, получила широкое распространение в антикоммунистической литературе ФРГ последних лет. Среди ее активных пропагандистов особенно преуспевает западногерманский советолог Клаус Менерт. Его проект «мирного объединения государств Европы» заметно выделяется из многих подобных проектов, демонстрируя определенный сдвиг в методах идеологического противоборства. Стремясь убедить читателя в реальности своих прогнозов, Менерт набрасывает широкий абрис будущей Европы, в которой «разрешаются» многие злободневные социальные проблемы — от государственного устройства до структуры семьи.

В состав будущей «объединенной Европы» Менерта должны войти, наряду с двумя бельгийскими и четырьмя югославскими федеративными единицами, ФРГ и ГДР, а также Чехословакия, Румыния, Польша, Венгрия, Болгария[2], что не оставляет никаких сомнений об истинных целях «интеграции». В размышлениях Менерта о перспективах государственно-монополистического строя эти цели раскрываются еще более очевидно. Государственной формой будущей интегрированной Европы должна стать, по его мнению, буржуазная парламентская демократия. В верхнюю палату общеевропейского парламента предполагается ввести по два представителя от каждого государства. Члены нижней, народной, палаты «почти повсеместно будут принадлежать двум очень различным крупным европей-

---

[1] *F. J. Strauβ*. Entwurf für Europa, 2. Aufgabe. Stuttgart, 1966, S. 44.

[2] *Klaus Mehnert*. Der deutsche Standort. Stuttgart — Hamburg, 1967, S. 15.

ским партиям: либерально-консервативной и свободно-социалистической»[1] — и избираться путем прямых выборов.

Менерт сознает, что современная общественно-политическая организация социалистических стран Восточной Европы не соответствует проектируемой им схеме, однако он считает, что это явление носит временный характер. Уже в 70-х годах, по его расчетам, в европейских социалистических странах осуществится глубокая внутренняя и внешняя переориентация, в результате которой произойдет: *а)* переход к либерально-буржуазной многопартийной системе и *б)* изменение в расстановке и соотношении политических сил в Европе. «Цитаделью коммунистов,— утверждает Менерт,— будут не восточноевропейские страны, а слаборазвитые области Южной Европы»[2]. Несмотря на ускоренный процесс «либерализации», политическая физиономия «интегрированной» Европы и ее общегосударственные формы будут вплоть до конца XX столетия все же весьма пестрыми — «от конституционной монархии (Англия) до умеренной народной демократии (Болгария)»[3]. Сохранятся правые и левые экстремистские группы, но это не сможет, по мнению западногерманского советолога, сколько-нибудь серьезно повлиять на прогрессирующую эволюцию общего процесса объединения.

Такой же эклектический, смешанный характер будет носить, согласно Менерту, и экономика «объединенной Европы», «ориентированная различными формами собственности на рынок»[4]. Ее широкой интеграции будут решающим образом способствовать «законы массового производства, автоматизации и кибернетики»[5]. Основу ее составит общеевропейский рынок с единой валютой и без таможенных ограничений, похожий на сегодняшний общеевропейский рынок. Старательно перечисляя многие экономические аргументы теоретиков конвергенции,

---

[1] *Klans Mehnert.* Der deutsche Standort, S. 16.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., S. 17.
[4] Ibid., S. 15.
[5] Ibid., S. 17.

Менерт, со своей стороны, разделяет те из них, которые подтверждают «либерализацию» и «разрыхление» социалистической системы: «рыночная ориентация и планирование не являются уже разъединенными», «рост благосостояния населения размягчает идеологические противоположности систем» и т. д.

Согласно проекту Менерта, процесс интеграции капиталистических и социалистических государств будет сопровождаться ростом социальной мобильности. По его мнению, уже в настоящее время «сокращается различие между богатыми и бедными, Востоком и Западом».

Что же касается перспективы общественного развития рассматриваемых им стран, то их различия, а вместе с ними и основное противоречие между трудом и капиталом, лежащее в их основании, должны будут окончательно исчезнуть: классовая борьба в обществе лишится своего материального основания. В объединенной Европе,— заявляет Менерт,— «различия между буржуазией и пролетариатом будут существовать только в воспоминаниях» [1]. На место классовых различий придет «дифференциация функций индивидов в экономической жизни» [2].

Нет никакой надобности продолжать этот перечень «пророчеств» Менерта. Из сказанного достаточно ясно проступает духовное родство, а в отдельных случаях почти тождественность аргументации ярых апологетов монополистических кругов с известными нам доводами сторонников конвергенции.

Таким образом, теория конвергенции весьма тесно связана с рядом ведущих реакционных политических концепций современного капитализма и объективно является одним из теоретических оснований его деятельности, направленной на подрыв сил и сплоченности социалистического лагеря и мирового революционного движения.

Хотя основное содержание антикоммунизма, обусловленное классовой природой современного капиталистического общества, почти не подвержено вли-

---

[1] *Klaus Mehnert.* Der deutsche Standort, S. 17.
[2] Ibid., S. 18.

янию времени, тем не менее его формы и методы постоянно совершенствуются и модернизируются. Эта общая особенность современного антикоммунизма проявляется во всех его сферах, в том числе и применительно к теории конвергенции.

По мнению некоторых антикоммунистов, основная слабость теории конвергенции в наши дни состоит в том, что она застряла в сети традиционных аргументов и вследствие этого перестала эффективно осуществлять свои функции. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание Д. Горгмайер, автор статьи «Теория конвергенции. Критика и попытка ее оживления», отмечая, что «сходные явления в производственных процессах, в методах планирования, в отдельных областях народного хозяйства и государственного устройства не являются достаточным доказательством того, что эти системы непременно будут сближаться»[1]. Однако из сказанного вовсе не следует, подчеркивает он, что теория конвергенции изжила себя, «тезис о конвергенции остается по-прежнему актуальным»[2]. Теоретикам конвергенции необходимо только обновить свои аргументы.

В этой связи перспективным, с точки зрения западногерманского советолога, представляется использование идей социальной кибернетики, которые могут помочь теоретикам конвергенции перейти из «традиционного русла» к реализации тезиса о «конвергирующей демократии». «Ввиду сложности техноструктуры на Востоке и Западе,— поясняет свою мысль Д. Горгмайер,— а также в силу растущей противоположности между ними, думается, что в конвергенции демократии на более высоком структурном уровне содержатся фактически еще не разбуженные резервы»[3].

Ссылаясь на авторитет Д. Сенгаза, К. Дейча и других буржуазных социологов, пишущих на сюжеты социальной кибернетики, Горгмайер пытается

---

[1] *D. Görgmaier.* Die Konvergenztheorie. Kritik und Versuch einer Neubelebung. «Osteuropa». Heft 2, 1974, S. 97.

[2] Ibid., S. 96.

[3] Ibidem.

провести мысль о том, что на относительно абстрактном уровне демократию вполне допустимо рассматривать как автономную или полуавтономную саморегулирующуюся и самообучающуюся систему. В такой системе обладать влиянием будут не только те, кто выносит решения, но и все те, от которых зависят предпосылки их принятия. В отличие от недемократической системы (к которой, по известному буржуазному шаблону, относится социализм) саморегулирующаяся система «будет пытаться преодолевать свои социальные проблемы посредством саморегулирования, а не через процессы управления» [1]. Такова в общих чертах основная логика рассуждений Горгмайера в пользу «конвергирующей демократии», следуя которой обоснование возможной конвергенции капитализма и социализма уже не представляет большого труда, поскольку, с точки зрения кибернетики, «условия функционирования всякой саморегулирующей системы сходны» [2].

Однако, как бы не маскировал Горгмайер свои взгляды под псевдонаучной оболочкой социальной кибернетики, их подлинное содержание отчетливо выступает наружу. Ведь демократия — явление отнюдь не абстрактное, оно всегда конкретно обусловлено классовыми отношениями общества и определенными формами государственной власти. В капиталистическом обществе демократия является выражением власти эксплуататорского меньшинства, поэтому буржуазная демократия оказывается лишь лицемерной формой, прикрывающей антидемократическое содержание — власть меньшинства над большинством. В социалистическом обществе рабочий класс не может осуществлять свою руководящую роль, не вступая в союз с непролетарскими трудящимися массами, и это обстоятельство порождает (независимо от того, составляет ли сам рабочий класс большинство населения или нет) подлинно демократические политические формы его власти.

Рассматривая демократию как «автономную саморегулирующуюся систему», западногерманский

[1] *D. Görgmaier*. Die Konvergenztheorie..., S. 95.
[2] Ibidem.

советолог обходит существо вопроса, игнорирует реальное содержание форм демократии капитализма и социализма, их качественное различие. Разумеется, Горгмайер не настолько наивен, чтобы совершенно не замечать всех этих вещей. Ведь говорит же он о настоятельной необходимости «обогащения» традиционной аргументации конвергентов «эмпирическим вариантом демократии»[1]. Для чего же, спрашивается, понадобилась ему спекуляция на идеях социальной кибернетики? Быть может, для того, чтобы заразить «обновленными» разглагольствованиями о конвергенции людей, недостаточно зрелых теоретически? Или для того, чтобы заронить в их умах сомнения относительно подлинной демократичности социалистической системы? Как известно, это уже не раз пытались делать и сторонники «традиционной аргументации» теории конвергенции и неизменно были опровергнуты реальной действительностью социализма, как это оказался вынужденным признать и сам Горгмайер.

2. Социал-реформистские поиски «третьего пути»

Идеи и аргументы теории конвергенции широко использует в своей деятельности идеологический аппарат социал-демократии. Правда, в отличие от откровенных защитников интересов монополий, «синтетические» воззрения социал-реформистов отличаются большей тактической гибкостью и имеют определенную специфику, тем не менее они сходятся с реакционными социологами в главном — в отрицании революционных методов борьбы, в предпочтении «индустриального», «плюралистического» пути развития.

Исторический опыт учит, что социал-реформизму всегда была близка позиция примирения классовых противоположностей, предпочтения компромиссных вариантов решения острейших социальных проблем. Уже в ориентации лассальянства на

---

[1] *D. Görgmaier.* Die Konvergenztheorie.., S. 96.

«государственный социализм», несколько позже в каутскианской идее «организованного капитализма» можно обнаружить истоки эволюции взглядов европейской социал-демократии, которая в середине нашего века привела их к открытому провозглашению «третьего (некапиталистического и несоциалистического) пути» общественного развития. Программа «третьего пути» нашла свое отражение в концепции «демократического социализма», а отдельных ее представителей привела к принятию ряда идей теории конвергенции. По существу, ««третий путь» является выражением классической идеологии реформизма и ревизионизма, независимо от его окраски» [1].

Особенно остро проблема выбора пути общего развития встала перед германской социал-демократией в годы, наступившие после разгрома гитлеровского фашизма. Тогда по всей стране пришли в движение и активизировались силы, которые хотели строить новое, очищенное от последствий нацизма, демократическое общество. Единственно реальной перспективой этого движения была борьба за объединение всех рабочих партий на основе программы полной ликвидации наследия милитаризма и решения подлинно демократических задач. Именно за эту программу единых действий с первых дней освобождения боролись коммунисты Германии, рассматривая единство с социал-демократами как залог социального обновления страны в интересах трудящихся, как предпосылку построения в Германии социалистического общества.

Однако правосоциалистические лидеры, подобно тому как это было в 30-х годах, категорически отвергали сотрудничество с коммунистами. Не снимая с повестки дня лозунга «независимой, социалистической Германии», ратуя «за изменения существующего общественного порядка», они вместе с тем не собирались отказываться и от многих «преимуществ», которые, по их мнению, накопила в себе капиталистическая система. Широко используя демагогические методы, они создавали видимость борьбы за социалистическое преобразование общества, на

---

[1] *W. Rossade.* Demokratischer Sozialismus und Konvergenz. IPW Berichte, 1974, N 2, S. 32.

самом деле обманывая трудящиеся массы, проводя (и теоретически, и практически) линию «социализации» капитализма. Эта тактика лавирования правых социал-демократов, стремящихся примирить интересы предпринимателей и трудящихся, нашла свое отражение в программных документах СДПГ второй половины 40-х годов. Так, в обращении лидера СДПГ Курта Шумахера «Последствия немецкой политики», опубликованном летом 1945 г., осуждалась политика возрождения капитализма, говорилось о необходимости уничтожения эксплуатации и передаче средств производства в общественную собственность и т. д. В то же время в его выступлениях 1945—1947 гг. подчеркивалось, что социализм, к которому стремится немецкая социал-демократия, не исключает рыночного хозяйства и конкуренции, что «социализация» не означает огосударствления, а «идея диктатуры пролетариата должна исчезнуть так же, как и идея избранной немецкой нации» [1].

Разглагольствуя о моральном возрождении личности, социал-реформисты тем не менее не связывали решение этой проблемы с задачей коренного экономического и политического освобождения рабочего класса. Декларативно выступая против собственности крупных промышленных объединений и монополий, они считали при этом вполне допустимым сохранение так называемой «средней собственности», т. е. оставляли неприкосновенными корни капитализма. Примечательно, что капиталистическая собственность рекламировалась ими как наиболее прочная гарантия «свободы личности», а в качестве общественного идеала выдвигалась задача достижения «всеобщего социального мира».

Характеризуя настроения, имевшие место среди различных слоев населения в западных секторах Германии, О. Флехтгейм отмечал, что «многие из них связывали свои надежды... с тем, что тогда часто называли «третьим путем», который должен был вести к синтезу экономических систем, существующих на Западе и Востоке» [2].

---

[1] См. «Der Tagesspiegel», 17. V. 1946.

[2] *O. Flechtheim.* Der Dritte Weg in der deutschen Parteipolitik. In: «Aus Politik und Zeitgeschichte». B. 25, 1973, S. 12.

Учитывая подобные настроения, правосоциалистические лидеры пытались убедить трудящихся, что только «позиция между крупными блоками» позволит Германии восстановить свое национальное единство и создать предпосылки строительства в стране нового общества — общества «демократического социализма». При этом они запугивали массы угрозами «тоталитаризма и сталинизма», не жалели красок, расписывая продовольственные трудности, которые действительно имели место в Восточной Германии.

Модель социализма социал-реформистского образца рассматривалась в этой связи как синтез экономических, политических и культурных достижений «коммунистического Востока» и Запада, как сочетание «лучших сторон Советского Союза» (например, экономического планирования) с «добрыми традициями США» (например, их «политической демократии»). Наряду с этим подчеркивалось, что социал-демократия не заинтересована «в перенесении русских отношений на Германию» и не хотела бы в своей концепции общественного развития «просто поддерживать западную систему».

В этой связи общество «демократического социализма» изображалось ими как качественно новая (по сравнению с уже известными) система социально-экономических отношений.

Идеи «третьего пути» и «демократического социализма» встретили большое сочувствие в рядах партий крупного капитала, в первую очередь среди христианских социалистов.

Анализируя характер взаимоотношений СДПГ с другими буржуазными партиями Германии в послевоенный период, социал-реформистский теоретик Р. Петри метко сказал, что одна из парадоксальных особенностей их дискуссии о путях обновления страны состояла в том, что «социал-демократы отрицали марксизм, в то время как христианские социалисты признавали социализм» [1]. В самой обнаженной форме социальная направленность концепции «третьего

[1] *R. Petry.* Die SPD und der Sozialismus. In: «Frankfurts Hefte», 1954, S. 633.

пути» была выражена К. Шумахером, утверждавшим, что «только победа над большевиками могла бы привести к поражению капитализма» [1].

Серьезным практическим испытанием для концепции «третьего пути» оказался 1949 год — год образования ФРГ как самостоятельного государства. Поражение социал-демократов на выборах, приход к власти партии крупного капитала во главе с Аденауэром наглядно показали, что отказ от идей научного социализма, как этого и следовало ожидать, послужил на руку реакционным силам страны.

Последующий ход событий подтвердил, что правосоциалистические лидеры не сделали соответствующих выводов из уроков конца 40-х годов и не отказались от пропаганды прокапиталистического «третьего пути». Более того, теоретики социал-реформизма предпринимают ряд попыток дать этой концепции более солидное, с их точки зрения, теоретическое обоснование. Значительной модификации подвергается социально-экономическая аргументация их общественной программы. В качестве теоретической основы социал-реформистского синтетического идеала общества «демократического социализма» все чаще начинает выступать концепция «смешанной экономики», или «декапитализированного и детотализированного социалистического рыночного хозяйства», соединяющего в себе элементы частной собственности и конкуренции, с одной стороны, а также общественную собственность и планирование — с другой. Подразумевалось, что в границах этой экономики монополии могут успешно сосуществовать с государственными предприятиями, не нанося серьезного ущерба демократическим правам и свободам.

Что же касается частной собственности на средства производства и неизменного ее следствия — эксплуатации трудящихся, то, по мнению реформистских политэкономов, они не являются больше определяющим фактором нынешней экономической системы ФРГ. Более того, как утверждал Дайст, ее

---

[1] Цит. по ст.: *O. Flechtheim.* Der Dritte Weg in der deutschen Parteipolitik, S. 6.

коренное устранение «не послужило бы существенным вкладом в развитие справедливого социального строя и вызвало бы лишь опасность распространения еще большей несвободы» [1].

Дайст не отрицал, что существовали времена, когда «социализация» капиталистического строя связывалась исключительно с устранением частной собственности на средства производства, и это обстоятельство даже находило соответствующее отражение в прежних программах немецкой социал-демократии. Однако с тех пор, по его мнению, произошли большие перемены. В послевоенные годы в капиталистическом обществе созрели иные, «более гибкие», чем экспроприация экспроприаторов, средства решения социалистических задач. Наиболее эффективным из этих средств зарекомендовал себя «общественный демократический контроль над деятельностью монополий, ставший основной задачей социал-демократической политики» [2]. В этой связи и требование перехода к общественной собственности на средства производства «перестало быть конечной социалистической целью и стало играть роль одного из многих политико-экономических средств по демократическому контролю над экономикой» [3].

Подобные рассуждения, за которыми проступают контуры реальной экономической политики социал-демократии, свидетельствуют о том, что реформистские теоретики окончательно отказались от идеалов научного социализма и вместо программы революционного преобразования капитализма пытаются навязать трудящимся путь плоского реформирования и социальных паллиативов.

Отдавая себе ясный отчет, какой урон капиталистической системе могла бы принести ликвидация частной собственности на средства производства, реформистские теоретики категорически отвергают эту меру, «как неизбежно приводящую к злоупотреблению властью», отождествляя «тотальное огосударст-

---

[1] *H. Deist.* Macht und Freiheit. In: *H. Deist, W. Eichler, A. Flanders.* Die Kontrolle wirtschaftliche Macht. Frankfurt am Main, 1959, S. 18.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

вление» с тотальной бюрократизацией. Вместе с тем частичная выборочная национализация объявляется ими общественным благом. Однако частичная национализация не содержит в себе никаких «элементов социализма»: благодаря ей система капитализма не «социализируется», как это пытаются представить реформисты, а, напротив, укрепляет свои слабые места, т. е. модернизируется и стабилизируется.

«Рыночный социализм» в условиях «смешанной экономики» также оказывается блефом. Поэтому и попытки осуществления искусственного симбиоза рыночной экономики с планированием по формуле «конкуренция — насколько это необходимо» означает, по существу, подчинение плановых начал интересам монополий. Это неизбежно ведет к искажению социальной природы планирования, всестороннее и последовательное осуществление которого возможно только на основе обобществления средств производства, в условиях победившего социализма.

Под влиянием концепций «народного капитализма», «революции управляющих», «социальной инженерии» и т. п. реформистские теоретики рассматривают современный капитализм как структуру, утратившую свой прежний классово антагонистический облик, как «общество без классовых преимуществ, в котором многообразные общественные силы взаимодействуют по демократическим правилам игры» [1]. По их мнению, процесс «деформации классовой структуры» приобрел в наше время такие масштабы, что становится практически невозможным установить какие-либо четкие грани и критерии социально-классового деления общества. «Сегодня лишь один факт может быть признан неоспоримым,— это то, что в ходе 150 лет совершался ускоренный процесс всеобщего выравнивания общества»,— утверждает реформистский идеолог З. Ландсгут [2].

В качестве одного из свидетельств происходящего якобы «выравнивания» социальной структуры современного капиталистического общества реформист-

---

[1] *W. Eichler.* Weltanschauung und Politik. Frankfurt am Main. 1967, S. 117.

[2] См. «Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts und Gesellschaftspolitik». Tübingen, 1956, S. 47.

ские социологи, идя по стопам своих коллег из лагеря монополистической буржуазии, нередко указывают на появление нового «среднего класса», к которому неприменимы традиционные марксистские критерии. Классовая борьба в марксистском понимании, с точки зрения реформистов, также не является атрибутом современности. На смену ей пришел «митбештимунг» — соучастие трудящихся в делах монополий. Что же касается рабочего класса, то он «не является больше действительно революционным классом, поскольку ему в значительной степени удалось преодолеть свое пролетарское «экономическое положение»»[1].

Создалась парадоксальная, но весьма типичная для социал-реформизма, ситуация. Партия, еще не так давно рекламировавшая себя как партия трудящихся, сегодня мобилизует своих идеологов на то, чтобы искоренить из сознания трудящихся масс всякое проявление революционного духа, чтобы помешать распространению в их среде идей научного социализма.

Этому в значительной степени способствует концепция «мировоззренческого нейтралитета», пропагандируемая правосоциалистическими теоретиками с конца 40-х годов. Эта концепция, по существу, играет роль своеобразной философской основы в реформистском обосновании «третьего пути» общественного развития. В соответствии с ее основными посылками, мировоззрение является частным делом, «решением совести» каждого социал-демократа, независимо от его партийной принадлежности. В выступлениях ведущих идеологов реформизма (К. Шумахера, В. Эйхлера) неоднократно отмечалось, что социалистическое движение не нуждается больше в единой мировоззренческой основе. Реализуя «общечеловеческие цели», оно объединяет всех людей независимо от их убеждений и симпатий. Всякая иная позиция, по их мнению, может нанести вред делу социализма, так как она противоречит принципу «личной свободы индивидуума», составляющему краеугольный камень учения «демократического социализма».

---

[1] «Die Neue Gesellschaft», 1972, N 1, S. 861—862.

Позиция «мировоззренческого нейтралитета» после ряда острых дискуссий в партии была зафиксирована и в ее официальных документах. В Годесбергской программе 1959 г., подводящей итоги послевоенным спорам о мировоззрении и идеологии социал-демократии, в этой связи отмечалось следующее: «Демократический социализм, который в Европе коренится в христианской этике, гуманизме и классической философии, не хочет возвещать о последних истинах и делает это не в силу односторонности понимания или равнодушия к мировоззрению или религиозным истокам, а руководствуясь уважением к решениям человека в вопросах веры, содержание которых не должно определяться ни политической партией, ни государством» [1].

Идеологическая терпимость правых реформистов не ограничивалась вопросами вероисповедания. Курс на индивидуализацию и деидеологизацию мировоззрения, наметившийся в СДПГ в послевоенные годы и закрепленный в решениях Годесбергского съезда, означал прежде всего ее отказ от притязаний на специфически социалистическое мировоззрение. Другими словами, он означал полную деидеологизацию мировоззрения, отказ от классовых марксистско-ленинских критериев в оценке его содержания. Тем самым СДПГ широко распахивала двери для проникновения в свои ряды самых различных буржуазных идей и умонастроений.

И без того рыхлая мировоззренческая основа реформизма в послевоенные годы быстро превращается в невероятный по своей пестроте эклектический конгломерат идей, где материалистические взгляды выглядели крохотными островками в море идеалистических представлений. «Христианское учение о человеке и его этических требованиях, права человека, провозглашенные Французской революцией, этика и просветительские идеи Канта, гегелевская диалектическая философия истории, марксова критика капитализма, критический марксизм Бернштейна, теория

---

[1] «Protokoll der Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitages der Sozialdemokratischen Partei. Deutschlands vom 13—15 November 1959 in Bad Godesberg». Hannover — Bonn, 1959, S. 13.

стихийности Розы Люксембург и критика большевизма, свободный социализм Шумахера, новейшие высказывания Эрнста Блоха, Хоркхаймера и Адорно, Хабермаса и Лешека Колаковского, Милована Джиласа и других»,— все это рассматривалось социал-реформистами как «следующие друг за другом и взаимодействующие акты теоретического сознания демократического социализма»[1].

Ориентация на свободную игру деидеологизированных сил и течений, с одной стороны, и критика марксизма за его «замкнутость», «односторонность», «догматизм», «антинаучность» и т. п. — с другой, становится в последующий за Годесбергским съездом период важнейшим звеном в политической стратегии и тактике правого реформизма. Выступая перед бундестагом в сентябре 1969 г., В. Брандт (тогда еще вице-канцлер в правительстве «большой коалиции») говорил: «Духовные течения в последней трети нашего столетия выйдут за пределы государственных границ. Это вытекает из самого характера индустриального общества. Интеллигенция, образование, техническое развитие на Востоке и Западе ставят общества, в том числе и коммунистические, перед новыми проблемами. Эти факторы будут действовать и дальше»[2]. В книге «Политика мира в Европе. Перспективы нашей восточной политики» он высказывался еще более определенно. Мы можем и должны, писал Брандт, создать такое положение вещей, при котором идеологии не играли бы всеподчиняющей роли.

Связь теоретических принципов той или иной партии с ее практической деятельностью нагляднее всего проявляется в острых политических ситуациях, когда спадают словесные покровы, скрывающие подлинное социальное содержание теорий. Такой проверкой правосоциалистической пропаганды «деидеологизации» оказался 1968 год. Теперь уже ни для кого не является секретом, в каком направлении действовали реформистские идеологи и политики во время

---

[1] «Die Neue Gesellschaft», 1972, N 11, S. 859.

[2] *Willi Brandt*. Friedenspolitik in Europa. Perspektiven unserer Ostpolitik. Frankfurt am Main, 1968, S. 30.

событий в Чехословакии. Удивительно синхронно звучали тогда голоса реформистских идеологов и голоса открытых врагов социализма и социального прогресса. Так, известный теоретик австрийский социал-демократ К. Чернец, выступая на страницах журнала «Цукунфт», подчеркивал традиционную для реформизма позицию «третьего пути», якобы «враждебную в равной степени капиталистическим, фашистским и коммунистическим правительствам», на разные лады перепевал идеи автономии социальных групп и «диффузии власти»[1]. Лейбористу Р. Уайлсу чехословацкие события казались предвестником осуществления в социалистической стране давно лелеемых им надежд на «рыночный социализм» и конвергенцию. «В Чехословакии,— писал он,— которая показывает пример конвергенции в Восточной Европе, возникает подлинный рынок. Планирование становится простым распределением информации. Этого еще не произошло, но это является взглядами руководящей теперь там группы»[2]. Известный антикоммунист З. Бжезинский, возвратившись на родину после поездки в Чехословакию, где он выступал с лекциями, дал следующую оценку увиденному: «То, что сейчас происходит (в Чехословакии.— *Г. И.*), является в наших глазах весьма творческим приспосабливанием социализма к традиционным ценностям и демократическому образу действия...»[3]

Представление о том, что означало на деле это «творческое приспосабливание социализма к традиционным ценностям, давала конвергенционная программа «эволюции коммунистических партий», автором которой являлся правореформистский идеолог Р. Левенталь. Ее основное содержание сводилось, по существу, к трем моментам: коммунистические партии должны стать национальными, т. е. отказаться от принципов пролетарского интернационализма; они должны перенять правила буржуазно-парламентской демократии, т. е. отказаться от идеи руководящей

---

[1] «Zukunft», März 1967, S. 21—27.

[2] *P. J. Willes*. Zur Frage der Konvergenz östlicher und westlicher Wirtschaftssysteme. Kiel, 1968, S. 6.

[3] «Комсомольская правда», 6 октября 1968 г.

роли пролетариата в социалистическом обществе; вся их деятельность должна подтверждать, что они на деле ничем не отличаются от буржуазных партий»[1].

Таким образом, «третий путь», пропагандируемый правореформистскими идеологами, и в его теоретических посылках, и в реальной политике означает буржуазное перерождение социал-демократии, прямой путь ее в лагерь реакции. Обращая внимание на эту особенность эволюционного развития СДПГ, Курт Хагер писал: «Сама история социал-демократического оппортунизма является свидетельством все большего сближения его с позицией империализма и наконец полного перехода правых вождей на позиции западногерманского империализма. Теория «третьего пути» СДПГ и буржуазная теория конвергенции являются духовными близнецами»[2].

В 1972 г. на страницах газеты «Дас Парламент», органа правления СДПГ, выступил сотрудник западноберлинского Свободного университета X. Хайман со статьей «Демократический социализм на Востоке и Западе»[3]. Эта статья положила начало широкой дискуссии о возможных путях сближения и конвергенции двух противоположных общественных систем на базе «демократического социализма», которая продолжается до сих пор. Спекулируя на изменениях, происшедших в международной жизни Европы за последние годы, X. Хайман попытался обосновать необходимость проведения такой общественной политики, с помощью которой можно будет не только преодолеть «противоположность обеих блоков», но и обеспечить их развитие по пути сближения, итогом которого должен явиться «синтез свободы, демократии и социализма»[4].

---

[1] См. *Kurt Hager*. Die Aufgaben der Gesellschaftswissenschaften in unserer Zeit. 9 Tagung des ZK der SED. 22—25.X. 1968. Berlin, 1968, S. 19.

[2] Ibid., S. 18.

[3] *H. Heimann*. Demokratischer Sozialismus in Ost und West. Die Deutschland und Ostpolitik. Anregungen zu einer konkreten Utopie. In: «Aus Politik und Zeitgeschichte». Bonn, 1972, N 37.

[4] Ibid., S. 19.

Теоретической базой этого «синтеза», по мнению западногерманского идеолога, могла бы стать концепция «демократического социализма». «Новая политика» преодоления противоречий между Востоком и Западом, которую Х. Хайман рассматривает и как единственно реальный путь воссоединения обоих германских государств, должна реализовываться не через внешнеполитическую победу Запада над Востоком или наоборот, а на пути «внутренних изменений и конвергенционного развития обеих систем» [1].

При этом главный акцент он делает на внутреннюю трансформацию социализма, отмечая, что процесс сближения можно считать эффективным лишь в том случае, если на Востоке произойдет «ограничение власти и привилегий господствующих групп по отношению к широким народным массам с одновременным изменением внутреннего политического *status quo* путем коренных и глубоких реформ» [2].

Если Запад, поясняет свою мысль Х. Хайман, сумеет преодолеть известные пороки капитализма, не воспринимая одновременно «тоталитарные элементы коммунистических режимов», а Восток «покончит с бюрократической диктатурой» без одновременного внедрения у себя капиталистических элементов Запада, то конвергенция обоих лагерей или систем приведет в конечном итоге якобы к большей свободе, нежели та, которая существует ныне на Западе, и к «более социалистическим условиям развития общества в странах европейского Востока».

Таким образом (и в этом состоит специфика конвергенционного варианта Х. Хаймана), конвергенция понимается им не как прагматический компромисс с требованием взаимных отступлений от сложившихся принципов и ценностей и не как механическое соединение «свободы и тоталитаризма, капитализма и социализма в единое эклектическое целое». С его точки зрения, единственно реальным является синтез иного рода, а именно синтез свободы, демократии и социализма как результат автономного

[1] *H. Heimann.* Demokratischer Sozialismus in Ost und West.., S. 28.
[2] Ibid., S. 15.

и параллельного развития капитализма и социализма к единой цели.

Мало отличаясь от прочих вариантов конвергенции по существу (все они в той или иной форме содержат в себе общую идею внутреннего перерождения социализма), концепция Х. Хаймана все же «более чутко», нежели прочие варианты теории конвергенции, реагирует на изменения, происшедшие в современном мире в связи с разрядкой международной напряженности. Поэтому такие предлагаемые им новации, как перенос центра внимания с изучения взаимодействия на изучение параллельного и автономного развития противоположных систем, а также признание необходимости более глубоких реформ в самой системе капитализма, могут быть отнесены к разряду новых нюансов развития теории конвергенции.

Реформистский теоретик решительно против тех буржуазных идеологов и политических деятелей, которые по привычке рассматривают отношения Востока и Запада только с позиции антагонизма их противоречий, не подвластных воздействию мирных средств. Обвиняя их в консерватизме и близорукости, Х. Хайман призывает к «более гибким и более активным действиям в политическом мышлении». Он подчеркивает, что западная политика лишь тогда сможет внести ощутимый вклад в дело устранения антагонистических противоречий между системами, когда она перестанет ограничиваться рамками разрядки внешнеполитической напряженности или «спонтанной трансформации нового общества» вследствие развития его технического потенциала.

Общую картину построения основ новой политики «примирения и взаимопонимания» Х. Хайман дополняет указанием на необходимость более энергичного осуществления «интеллектуальной эволюции людей» в результате расширения взаимного общения, укрепления личных контактов между сторонниками различных идеологических воззрений и политических взглядов, «преодолении идеологического барьера».

Стремление левореформистских идеологов представить сосуществование как фактор ослабления

идеологического противоборства социализма и капитализма, как формулу сближения «по всем позициям», разумеется, нельзя рассматривать лишь как теоретические заблуждения. За ними скрываются далеко идущие планы стратегического обновления и перевооружения всего арсенала средств борьбы буржуазной идеологии против идей социализма в новых условиях.

Марксисты-ленинцы всегда подчеркивали, что мирное сосуществование является специфической формой классовой борьбы социализма и капитализма, особенность которой заключается в том, что борьба между двумя системами происходит на мировой арене без применения оружия, ведется на почве созидания, а не разрушения, с учетом коренных интересов всех народов.

Вместе с тем мирное сосуществование — это единственно возможная форма соревнования между социализмом и капитализмом в мировом масштабе, предполагающая развитие хозяйственных, научно-технических и культурных связей, а также сотрудничество между государствами с различным общественным строем на основе полного равноправия и взаимной выгоды.

Политика мирного сосуществования не устраняет главного противоречия современной эпохи и не означает отказа от классовой борьбы.

Разумеется, мирное сосуществование не может быть вечным. В. И. Ленин рассматривал его *«как временное состояние, пока весь мир не отошел* от частной собственности и порождаемых ею *экономического хаоса* и войн к высшей системе собственности...» [1]. Но ясно и то, что на весь исторический период перехода человечества от капитализма к социализму политика мирного сосуществования должна оставаться основным средством, с помощью которого будут регулироваться отношения стран, входящих в противоположные социальные системы.

Характеризуя конвергенционные настроения отдельных социал-реформистских идеологов в последние годы, нельзя не учитывать то важное обстоя-

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 193.

тельство, что идеи деидеологизации встречают растущее противодействие в СДПГ, в первую очередь со стороны ее ведущих политических лидеров. Так, выступая на страницах газеты «Франкфуртер Рундшау», В. Брандт прямо заявил, что продолжение состояния идеологической всетерпимости становится «ужасным» для дальнейшего развития социал-демократии.

Подобные настроения свидетельствуют о том, что в связи с приходом СДПГ к руководству политикой ФРГ в ней происходит известная переоценка принципиальных установок, затрагивающая в том числе и тезис о «деидеологизации», который в свое время был одобрен на съезде социал-демократической партии в Бад-Годесберге. И разумеется, нет ничего неожиданного в том, что вопросы формирования более гибкой тактики в области идеологии приобретают в этом процессе первостепенное значение. Как недавно отмечал М. Шефер в своей статье «Демократический социализм в теории и политике СДПГ», руководство этой партии уже с конца 60-х годов «озабочено поисками перехода от «деидеологизации» к «реидеологизации», стремится, так сказать, вновь обрести идеологическое лицо» [1].

Среди причин, побуждающих социал-реформистских лидеров к идеологической переориентации такого рода, следует прежде всего назвать фактор растущего изменения в соотношении сил на международной арене в пользу социализма. Особенно сильное влияние социализм и его идеи оказывают на сознание молодежи индустриально развитых капиталистических стран. А. Шефер (как и многие другие марксистские исследователи социальных проблем Запада) обращает внимание на рост интереса молодых людей, в том числе и молодых социал-домократов ФРГ, к марксистским исследованиям по проблемам общественного развития, к знакомству с произведениями классиков марксизма-ленинизма, что несомненно, способствует обострению их критицизма в отношении капиталистической действительности.

---

[1] *М. Шефер.* «Демократический социализм» в теории и политике СДПГ. В журн. «Проблемы мира и социализма», 1973, № 8, стр. 22.

Курс на «реидеологизацию», проводимый в жизнь правыми идеологами социал-демократической партии, в немалой степени обусловлен также их серьезной озабоченностью сближением социал-демократических масс с коммунистами. Этот процесс заметно усиливается по мере разочарования масс внутриэкономической политикой ФРГ.

Подводя краткий итог сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что поиски социал-реформистскими теоретиками «третьего пути» с его моделью «демократического социализма» и допущением ряда конвергенционных идей, стремление представить названную концепцию как вполне реальную альтернативу марксистско-ленинской теории революционного преобразования капитализма свидетельствуют о том, что в своем понимании современного исторического процесса они находятся в рамках буржуазной социальной науки.

Концепция «третьего пути» означает отказ реформистских теоретиков от борьбы за осуществление подлинно социалистических идеалов, интеграцию их сознания в системе буржуазных идей и ценностей. В свое время В. И. Ленин убедительно показал несостоятельность стремлений лидеров II Интернационала занять в классовой борьбе «срединную» позицию. «Главное, чего не понимают социалисты,— писал он,— и что составляет их теоретическую близорукость, их плененность буржуазными предрассудками и их политическую измену по отношению к пролетариату, это то, что в капиталистическом обществе, при сколько-нибудь серьезном обострении заложенной в основе его классовой борьбы, не может быть ничего среднего, кроме диктатуры буржуазии или диктатуры пролетариата. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа» [1].

Ход исторических событий второй половины XX столетия показывает правоту и неопровержимость ленинского положения, его актуальность в оценке эволюции социал-реформизма наших дней.

---

[1] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498.

3. Между реакцией и прогрессом

Отдавая себе отчет в общей антикоммунистической направленности теории конвергенции, нельзя не замечать тот факт, что ее идеи разделяются и теми буржуазными теоретиками, позиция которых по ряду вопросов современного общественного и политического развития является позитивной и даже в известной степени прогрессивной. К таким актуальным вопросам, бесспорно, принадлежат сегодня вопросы мира и войны, мирного сосуществования стран с различным общественным строем, мирного экономического соревнования, помощи развивающимся странам, сотрудничества в области культуры и т. п.

Политический облик западного ученого во многом определяется сегодня его отношением к данным вопросам. И если попытаться с этой стороны квалифицировать взгляды некоторых буржуазных ученых — сторонников идей конвергенции, то они не могут быть оценены только как апологетические.

Широко известны выступления некоторых приверженцев конвергенции за мирное решение острых международных конфликтов, против «холодной войны». «...Продолжение холодной или горячей войны,— писал, например, П. Сорокин,— сумасшедшая гонка вооружений и политика вооруженного конфликта ничем больше не оправдывается» [1].

Неоднократно с поддержкой миролюбивых предложений советского правительства выступал известный западногерманский экономист Фриц Бааде. «Единственный вывод, к которому должен... прийти любой государственный деятель,— писал он в книге «Соревнование к 2000 году»,— это вывод о необходимости полного разоружения. Нужно уничтожить не только все атомные и водородные бомбы, но и ликвидировать обычные вооружения, превратив все войсковые соединения на земном шаре в армии мирного труда» [2]. Аналогичные высказывания мож-

---

[1] *P. Sorokin.* Soziologische und kulturelle Annäherungen zwischen der Vereinigten Staaten und der Sowjetunion, S. 347.

[2] *Ф. Бааде.* Соревнование к 2000 году. Наше будущее: рай на земле или самоуничтожение человечества. М., 1962, стр. 230.

но встретить в работах Я. Тинбергена, Г. Мюрдаля, Р. Лилиенштерна и ряда других либерально настроенных буржуазных теоретиков.

Свое участие в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности многие из них рассматривают как единственно приемлемый путь освобождения человечества от социального неравенства, голода, нищеты, невежества, как путь к осуществлению общественного идеала единого «смешанного общества» или «общечеловеческой кооперации». «Всякая война,— писал О. Флехтгейм,— уничтожает не только бесчисленное число людей. Уже сама ее подготовка поглощает огромное количество сил и природных ресурсов, человеческой энергии и знаний, которые насущно необходимы для поддержания экономического равновесия. И если даже иные конфликты внутри государств или в космическом пространстве не несут с собой угрозы уничтожения людей, они тем не менее вызывают неразумное распределение человеческих ресурсов самого различного свойства. Все эти социальные издержки должны быть значительно уменьшены посредством новой организации и политики, так сказать, глобальной общественной политики человечества, что означает в конечном счете перемещение центра тяжести противоположностей от их противоборства к сосуществованию и даже соединению в совместной кооперации» [1].

К числу буржуазных прогрессистов относится и Гуннар Мюрдаль, шведский экономист и социолог, известный среди сторонников конвергенционного сближения систем как автор идей о «международной экономической интеграции», о «всемирном государстве» и «мировом правительстве» [2]. Было время, когда Мюрдаль не только не осуждал политику гонки вооружений, проводимую странами капиталистического мира, но и пытался найти ей оправдание, рассматривал ее как вынужденную меру, диктуемую необходимостью защиты от «коммунистической угрозы». Однако международные события последних двух десятилетий, особенно агрессивная война, раз-

[1] *O. Flechtheim.* Futurum, Heft 3, 1970, S. 3.

[2] Подробнее об этом см. «Критика теорий современных буржуазных экономистов». М., 1971.

вязанная США во Вьетнаме, заставили Мюрдаля подвергнуть переоценке свои прежние взгляды. Исследуя особенности экономического развития в интернациональных масштабах, он воочию убеждается в пагубном влиянии политики «холодной войны» и гонки вооружений на экономическую жизнь многих стран, втянутых в военные союзы и блоки. «Холодная война», делает вывод Мюрдаль, приносит не только материальный ущерб народам, но и порождает невыносимую духовную атмосферу «ползучей интеллектуальной истерии» [1]. В этой связи требование мира выступает у него в качестве «исходного принципа» прогрессивного развития каждой страны, а достижение «состояния максимально позитивного сосуществования между двумя системами» [2] как непременное условие всестороннего развития производительных сил и взаимовыгодных экономических связей. Идеи мирного экономического сотрудничества составляют общий фон и его последней крупной работы «Азиатская драма», которая была издана в Советском Союзе в 1972 г. под названием «Современные проблемы «третьего мира»».

Примечательно, что в период эскалации американской агрессии во Вьетнаме Мюрдаль возглавлял движение шведской интеллигенции за прекращение войны, активно поддерживал антивоенные акции прогрессивно настроенных кругов Швеции и других стран Западной Европы, участвовал в оказании помощи военнослужащим, дезертирующим из армии США. Он широко известен мировой общественности и как убежденный противник политики национальной дискриминации и угнетения.

Критикуя агрессивную политику империалистических государств, выступая против социальных пороков капитализма, шведский экономист вместе с тем проявляет удивительную политическую наивность, когда дело касается объяснения условий, порождающих эти явления и выработки мер по их искоренению. Он не видит, что и агрессивная политика, и национальная дискриминация, и глубокие

---

[1] См. *Г. Мюрдаль.* Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М., 1958, стр. 458.

[2] Там же, стр. 33.

кризисы, потрясающие систему капитализма,— все это закономерные проявления его развития на современном этапе, они не могут быть пресечены «регулятивными мерами», разработанными Мюрдалем.

В отличие от Мюрдаля, критика американского экономиста и социолога Дж. Гэлбрейта более прицельна. Она направлена своим острием на главный оплот реакции и агрессии в США — военно-промышленный комплекс. В статье с характерным названием «Как контролировать военных?» Гэлбрейт прямо заявляет, что «деятельность таких организаций не имеет никакого отношения к общественным интересам и служит целям только самой бюрократии» [1]. Он не скрывает своего беспокойства тем обстоятельством, что, несмотря на протест прогрессивной общественности, военные и связанные с ними корпорации продолжают «диктовать свою волю конгрессу и обществу». «Одно дело,— предостерегает Гэлбрейт американцев,— потерять власть над решением проблем, связанных с автомобилем, другое — быть отстраненными от решения вопросов мира и войны. Первое мы можем пережить. Второе — скорее всего, нет» [2].

Казалось бы, такого рода выводы должны побуждать американского экономиста к поиску эффективных мер или по крайней мере к поддержке тех людей, которые ведут борьбу с политикой военно-промышленного комплекса. Однако ничего подобного не происходит. Более того, когда охваченные антивоенными настроениями группы американского общества выдвигают требования удалить военных с руководящих постов в промышленности или выступают за отказ университетов от проведения военных исследований, Гэлбрейт, как правило, занимает в таких ситуациях нейтралистскую позицию. Его отношение к антивоенным выступлениям наглядно характеризует не раз повторяемое им предупреждение: «не выходить за рамки существующего порядка».

Как и Мюрдаль, и многие другие сторонники конвергенционных идей, Гэлбрейт рассматривает

---

[1] *J. Galbraith.* How to control the military? New York, 1969, p. 14.

[2] Ibid., P. 5.

политику корпораций, работающих на войну, вне ее связи с социальными отношениями капиталистического общества. Для Гэлбрейта эта политика означает выражение абстрактной тенденции любых организаций — «в наш век организации — жить собственной жизнью во имя собственных целей». Эта «глобальная» тенденция обозначается им как «бюрократизм, присущий всем организациям,— государственным и частным,— в том числе и общественному строю социалистических стран» [1].

Отмечая гуманность антивоенных выступлений сторонников сближения систем, их заинтересованность в разрядке международной напряженности, нельзя не видеть в то же время ошибочности их понимания тех причин, которые порождают войны и напряженность в мире. Так, согласно представлениям Я. Тинбергена, угроза мировой войны коренится не в социальной сущности империализма, а в той «конкурентной борьбе за политическое, экономическое и историческое превосходство», которую ведут между собой противоположные системы.

Игнорируя социально-классовую природу противоположных систем, не считаясь с фактами активной и последовательной миролюбивой политики, проводимой Советским Союзом и странами социалистического лагеря, Дж. Гэлбрейт, Я. Тинберген и ряд других буржуазных прогрессистов возлагают на капитализм и социализм, по существу, одинаковую ответственность за создание обстановки мировой напряженности.

Сторонники сближения систем нередко подчеркивают органическую связь, существующую якобы между такими явлениями, как конвергенция и мирное сосуществование. Особенно широкое распространение имеют эти взгляды в среде клерикальных теоретиков, которые рассматривают сосуществование государств с различным социальным строем как основу их «кооперации, примирения и гармонии» [2]. При этом конвергенция интерпретируется ими как альтернатива войне, как фактор, в значительной сте-

---

[1] *J. Galbraith.* How to control the military? P. 14.

[2] *W. von Bredow.* Vom Antagonismus zur Konvergenz? Studien zum Ost-West-Problem. Frankfurt am Main, 1972, S. 185.

пени влияющий на смягчение международных конфликтов. В свою очередь, политика мирного сосуществования представляется ими как условие реализации конвергенционных идей. «Теория конвергенции как тезис о растущем сближении капитализма и социализма,— утверждает, например, западногерманский социолог В. Шпон,— получает развитие при определенном стечении исторических обстоятельств... вступление Советского Союза в интенсивную фазу социалистического накопления и стабилизации, сосуществование капитализма и коммунизма как мирного экономического соревнования при устранении военной конфронтации» [1].

Подобные рассуждения буржуазных теоретиков показывают, что они не понимают всей глубины противоречий, существующих между системами. Эти противоречия отнюдь не сглаживаются оттого, что социализм проводит политику мира. Они могут быть сняты лишь в результате коренных социальных преобразований в тех странах, где господствует устаревшая структура общественных отношений, которая находится в остром конфликте с потребностями социального прогресса. Однако результатом такого снятия будет не «синтез» двух систем, а смена одной общественной формации другой, более прогрессивной.

Камнем преткновения является для них и дилемма: идеологическая борьба социализма и капитализма или их мирное сосуществование, так как борьба и сосуществование представляются им взаимоисключающими понятиями. Некоторые из буржуазных социологов-конвергентов мыслят по принципу: или две системы ведут борьбу на международной арене, но тогда не может быть и речи о мирном сосуществовании, или они мирно сосуществуют, и тогда исключается всякая борьба между ними.

На совершенно иных методологических основах базируется марксистско-ленинская концепция мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Прежде всего она исходит из призна-

---

[1] *W. Sphon.* Konvergenz und Divergenz — ideologische Ausdruck der Koexistenz von Kapitalismus und Sozialismus. In: «Futurum», 1971, N 1, S. 19.

ния объективности противоречий, существующих между капитализмом и социализмом, что исключает реформистский путь их разрешения. Признавая возможности мирного достижения социализма, марксизм-ленинизм тем не менее единственно радикальным способом решения этих противоречий считает революционное низвержение капиталистического строя и установление политической власти рабочего класса в союзе со всеми трудящимися и эксплуатируемыми.

В отличие от теоретиков конвергенции, марксисты рассматривают сосуществование не как способ «успокоения» острейших политических международных конфликтов, а как одну из форм классовой борьбы, исключающую войны как способ их разрешения. Это отнюдь не означает, что политика мирного сосуществования находится в противоречии с ленинской теорией революции. Она не снимает проблему классовой борьбы.

Напротив, ее последовательное осуществление способствует успешному развитию этой борьбы.

Важнейшая цель политики мирного сосуществования состоит в создании наиболее благоприятных условий для строительства социализма и коммунизма в социалистических странах, в обуздании империалистической политики агрессии и грабежа чужих территорий. Она направлена против вмешательства империалистических государств во внутренние дела других стран, решительно поддерживает национально-освободительную борьбу народов.

Условия мирного сосуществования благоприятно действуют на темпы и эффективность социалистического и коммунистического строительства и тем самым усиливают влияние социализма в мире, расширяют возможности распространения марксистско-ленинских идей. С другой стороны, политика мирного сосуществования стран с различным социальным строем, основные принципы которой нашли свое выражение в Программе мира, принятой на XXIV съезде КПСС, укрепляет позиции коммунистических и рабочих партий капиталистических стран, в определенной степени сокращает сферу влияния идей антикоммунизма, помогает сплочению демократических сил.

Популярность теории конвергенции в прогрессивных кругах либерально настроенной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции и высокооплачиваемой верхушки рабочего класса во многом объясняется ее критицизмом в адрес современного капиталистического общества. В выступлениях сторонников конвергенции сквозит недовольство растущей дегуманизацией буржуазного общества, упадком его духовной культуры, осуждение правительственной политики манипуляции сознанием трудящихся и т. д.

Порой эта критика приобретает весьма напряженный характер и в определенной степени стимулирует оппозиционные настроения в обществе, однако не столько в силу своей конструктивности, сколько в силу своей негативной эмоциональности. В этом отношении характерны примеры критики капитализма, предпринимаемой Г. Маркузе. «Это общество,— пишет он в «Очерках об освобождении»,— бесстыдно, ибо, производя и нагло выставляя напоказ подавляющее изобилие товаров, оно отказывает своим жертвам, проживающим в других странах, в жизненно необходимом. Оно бесстыдно, ибо обжираясь и заваливая помойки отбросами пищи, отправляет и сжигает скудные урожаи на полях стран, ставших объектом его агрессии. Бесстыдство этого общества обнаруживается в словах и улыбках его критиков и увеселителей, в его молитвах, в его невежестве и мудрости, в его продажных интеллектуалах» [1].

Взгляды Г. Маркузе, конечно, не типичны на фоне критической продукции общей массы сторонников конвергенции. Тем не менее они дают представление о диапазоне позиций внутри этой концепции. Существо же дела состоит в том, что даже самая «острая» критика современного капитализма никогда не затрагивала основ этого общества. «Потолок» критицизма буржуазных либералов — это реформистские требования, а вдохновляющий стимул — иллюзорная надежда на неисчерпаемость рационалистических потенций общества «индивидуальной инициативы».

---

[1] *H. Marcuse.* Versuch über die Befreiung. Frankfurt am Main, 1969, S. 21—22.

4. Критика теории конвергенции «справа»

Идеи конвергенции встречают критический отпор не только со стороны марксистских теоретиков. Они постоянно находятся в центре внимания и буржуазной критики. Однако было бы ошибочным не замечать качественного различия этих двух форм критики, диаметральной противоположности методологических принципов, с позиций которых рассматривают теорию конвергенции представители буржуазной социологии и марксизма.

Одна из характерных особенностей буржуазной критики теории конвергенции состоит в том, что она осуществляется в рамках единой по своему характеру буржуазной общественной науки и является отражением той борьбы, которую ведут между собой два ее основных направления — реакционное (к которому в преобладающей массе относятся критики теории конвергенции) и либеральное (к которому принадлежат ее сторонники). Конечно, эта борьба не является принципиальной и последовательной уже потому, что оба направления базируются на общей методологической основе. Вот почему, какую бы остроту ни приобретали внутренние разногласия буржуазной общественной науки, ее главным противником всегда остается реальный социализм, его революционная теория — марксизм-ленинизм.

Полемика вокруг теории конвергенции, оживление которой в 70-х годах отмечают многие буржуазные идеологи, является наглядным подтверждением этого факта.

Среди буржуазных критиков теории конвергенции можно сегодня встретить многих известных представителей антикоммунизма. Однако пионерами этой критики, бесспорно, должны быть названы американские советологи З. Бжезинский и С. Хантингтон, авторы так называемой концепции «эволюции систем» капитализма и социализма.

Особенность этой концепции в том, что в ней, наряду с опровержением отдельных взглядов и идей сторонников конвергенционного сближения систем,

была предпринята попытка пересмотреть логику конвергенционных доводов в целом.

Как мы уже видели, буржуазные либералы обычно придерживаются определенной схемы рассуждений, в соответствии с которой изменения, происходящие в технико-организационной и экономической сферах индустриально развитых стран, как бы автоматически влекут за собой сущностные перемены не только в их социальной структуре и политической жизни, но и в их духовной и идеологической жизни. При этом политическая организация капитализма и социализма и соответствующие ей идеологии рассматриваются по отношению к процессу индустриализации в основном как явления второстепенные, не играющие принципиальной роли.

Разумеется, такое понимание процессов развития противоположных систем уязвимо для критики, что и используют в своей полемике с теоретиками конвергенции З. Бжезинский и С. Хантингтон. В пику односторонней логической схеме: «от изменений в технике и экономике — к последующей трансформации политического строя и идеологии», защищаемой сторонниками конвергентной ориентации, ими выдвигалась иная, не менее односторонняя, схема рассуждений: «от изменения в идеологии и политике — к изменению всего общественного и экономического строя». Эта схема становится основой их концепции «эволюции систем». С помощью такой инверсии З. Бжезинский и С. Хантингтон надеялись решить сразу две задачи. Во-первых, показать несостоятельность самой системы рассуждения буржуазных либералов, верящих в возможность нового эклектического пути развития современного общества. Во-вторых, изменить весь ход дискуссии о конвергенции, направив его в традиционное русло антисоветизма.

Главный упрек Бжезинского и Хантингтона в адрес теоретиков конвергенции — неспособность последних разрешить проблему соотношения экономики и политики. Действительно, эта проблема является камнем преткновения для теоретиков синтеза капитализма и социализма. И тот факт, что они пытаются изобразить изменение политической структуры

общества как автоматическое следствие его индустриального развития, конечно, не может удовлетворить серьезного специалиста. Однако критика этой позиции «справа», предпринятая Бжезинским и Хантингтоном, по существу, оказывается ничуть не лучше.

Приведем лишь два довода, выдвигаемые ими в качестве контраргументов по вопросу о соотношении экономики и политики. «Китай и Индия,— утверждают американские советологи,— находятся на аналогичной ступени развития, но никто не решился бы сегодня серьезно утверждать, что их политические системы начинают походить друг на друга» [1]. Аргумент, прямо скажем, мимо цели. Даже с точки зрения теории конвергенции речь может идти о сопоставлении структур, высоко развитых в индустриальном отношении. Что же касается Китая и Индии, то они никогда к таковым не относились. Следовательно, выбор объектов сопоставления весьма произволен. Нельзя не видеть также и то обстоятельство, что, выступая против теории конвергенции, Бжезинский и Хантингтон повторяют ее существенную ошибку, игнорируя различия в социально-экономических, политических и идеологических отношениях названных обществ, без чего вообще нельзя говорить серьезно о структурных сопоставлениях.

Столь же неудачным оказывается и стремление американских социологов использовать в качестве антиконвергенционной аргументации пример общественного развития Венгрии и Польши. Здесь, не желая того, Бжезинский и Хантингтон сталкиваются с ситуацией прямо противоположной той, которую берутся обосновать. По их мнению, общий экономический фундамент не играет якобы определяющей роли в формировании политической надстройки этих стран и надстройка поэтому не соответствует своей экономической основе. Подоплека таких выводов очевидна: перед нами очередная попытка поставить под вопрос закономерность развития этих стран по

---

[1] *Z. Brzezinski* und *S. P. Huntington.* Die Sowjetunion und die Vereinigten Staaten: Konvergenz oder Evolution der politischen und sozialen Strukturen. «Europa — Arçhiv», 1964, S. 432—433.

пути социализма. Кроме того, о какой конвергенции можно говорить, сравнивая страны с однородным социально-политическим устройством, в основе которого лежат социалистические отношения собственности на средства производства!

Концепция «эволюции систем» Бжезинского и Хантингтона как антипод теории конвергенции была выдвинута ими в середине 60-х годов. С тех пор многое изменилось в мире, изменились и некоторые методы идеологической борьбы, которыми пользовался тогда Бжезинский. Появились его новые концепции «технотронной революции» и «глобального сознания», изложенные им в одной из последних работ — «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру». Однако идеи его прежней концепции «эволюции систем» по-прежнему фигурируют в качестве критического оружия буржуазных противников теории конвергенции.

В Федеративной Республике Германии преемником многих идей «эволюции систем» является К. Тальхайм. Разумеется, специфические особенности развития ФРГ в какой-то мере повлияли на восприятие К. Тальхаймом американской доктрины, но, что касается главной установки Бжезинского — стремления использовать идеи конвергенции против социализма,— западногерманский советолог, несомненно, пошел по его стопам.

Известно, например, что в конце 50 — начале 60-х годов, когда в Западной Германии господствовали политические идеи Адэнауэра и делалась усиленная ставка на политику «холодной войны», К. Тальхайм категорически отрицал всякую возможность конвергенции систем, считая неприемлемой даже постановку вопроса об их сближении. Полемизируя с одним из сторонников этой теории, он писал тогда: «Вы приходите к тому результату, что... обе системы все более конвергируют навстречу друг другу, что в нашей системе все больше и больше ощущается влияние государственного влияния и дирижизма, а на другой стороне — в Советском Союзе — все больше влияние свободы. И что затем, наконец, между обеими странами не будет существовать никаких крупных различий. Я считаю этот тезис фальшивым,

поскольку думаю, что при этом не рассматриваются существенные различия обеих систем» [1].

Негативизм К. Тальхайма по отношению к идеям конвергенции не раз проявлялся и в его многолетней полемике с Яном Тинбергеном. Отрицая реальность всяких допущений о синтезе систем, К. Тальхайм противопоставлял доводам последнего качественно иной характер таких факторов социалистической экономики, как обобществление средств производства, централизованное планирование, государственное регулирование цен и т. д., «исключающих возможность распространения там рыночно-экономических методов» [2].

Провал политики фронтального наступления на социализм, осуществление новой экономической системы планирования и руководства в ряде социалистических стран в середине 60-х годов побудили К. Тальхайма начать переоценку первоначально отстаиваемых им взглядов. Его внимание теперь привлекает тезис о «либерализации в странах Восточного блока», в связи с чем он внимательно следит за экономическими преобразованиями, осуществлявшимися в Чехословакии во второй половине 60-х годов. «Если реализуются те преобразования,— писал он,— к которым стремится чехословацкая группа реформистов, то это будет означать действительное изменение системы... и посредством этого могло бы быть достигнуто определенное сближение систем» [3]. Учитывая внешнеполитические перемены, опытный антикоммунист постепенно меняет и свое отношение к теории конвергенции. Вместо безапелляционного отрицания ее идей в рассуждениях Тальхайма появляется новый мотив — признание справедливости некоторых доводов теории конвергенции при опреде-

---

[1] *Karl C. Thalheim.* Beiträge zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsordnung, Berlin (West), 1965, S. 234.

[2] Подробнее об этом см. *Herbert Meißner.* Die Konvergenz — Bocksprünge eines «Ost-Wirtschaftsexperten». «Einheit», Heft 4, 1969, а также гл. «Теория конвергенции» в кн. «Будущее человеческого общества». М., 1971.

[3] *K. C. Thalheim.* Liberalisierungstendenzen im Ostblock. In: «Der Osten auf dem Wege zur Marktwirtschaft?». Berlin (West), 1967, S. 48.

ленных условиях. Как отмечал сам К. Тальхайм в одном из своих докладов, «конвергенция является функцией стечения конкретных политических обстоятельств», подчеркивая тем самым примат политических соображений над экономическими.

Свое дальнейшее развитие новый «дифференцированный» подход к теории конвергенции находит в работе Тальхайма «Конвергенция западной и восточной экономических систем?», где он предлагает несколько различных уровней ее рассмотрения. Здесь прежде всего обращает внимание предложенное им членение конвергенции на виды и направления с выдвижением на передний план таких ее вариантов, которые характеризуются «приравниванием восточной системы к западной» [1]. К. Тальхайм по-прежнему полемизирует с теоретиками конвергенции, однако уже не выступает против теории в целом. Острие его критики направлено против абсолютизации этого процесса, попыток рассматривать его как равнодействующий и обоюдный, как «естественную объективную закономерность». Симпатии Тальхайма на стороне той части сторонников конвергенции, которые придерживаются мнения, что «если производительные силы изменяются, то это должно вести не к социализму, как это полагает классический марксизм, а, наоборот — к изменению коммунистического мира» [2].

Таким образом, «критика» Тальхайма имеет своей целью оградить общественную науку Запада от нежелательных последствий распространения идей конвергенции и интенсивно использовать при этом ее отдельные положения в борьбе с марксизмом. В этом заключается и существо его дифференцированной оценки теории конвергенции.

Мы уже неоднократно отмечали, какое важное, а порой и определяющее, воздействие на весь ход дискуссии о теории конвергенции на Западе оказывали факторы изменения в международной обстановке,

---

[1] *K. C. Thalheim.* Konvergenz der westlichen und östlischen Wirtschaftssysteme? In: «Gesellschaftliche Entwicklungstendenzen in Osteuropa». Erlenbach — Zürich — Stuttgart. 1969, S. 68.

[2] Ibid., S. 90.

какую модификацию претерпевала при этом аргументация спорящих сторон. В последнее время таким фактором во все большей степени становится развитие процесса разрядки международной напряженности. Процесс разрядки, естественно, оказался в центре внимания сторонников конвергенционных взглядов и их буржуазных критиков. По признанию западногерманского социолога В. фон Бредова, он придал дискуссии о конвергенции реальную политическую значимость и тем самым в значительной мере актуализировал ее.

Многие сторонники конвергенции на Западе восприняли разрядку напряженности и сопутствующие ей явления как подтверждение правильности своих идей, как крупный политический шаг, ведущий к их реализации в широких масштабах. Что же касается их буржуазных критиков, то они оказались в гораздо более сложной ситуации. Некоторые из них отдают себе отчет в том, что разрядка превратилась в неоспоримый факт и что выступать против нее открыто — значит открыто объявить себя реакционером. Вместе с тем они не могут не понимать, что те методы идеологической пропаганды, которыми они пользовались десятилетиями и которые складывались еще во времена «холодной войны», мало пригодны в новых политических условиях. Констатируя этот прискорбный для буржуазной общественной науки факт, В. фон Бредов писал: «Политические науки почти все без исключения плохо подготовлены к изменениям международной политики, которые дали о себе знать с конца 60 — начала 70-х годов... Большинство работ, в том числе вышедших в самое последнее время, все еще основываются на конфликтных представлениях, в соответствии с которыми даже частичная кооперация систем якобы влечет за собой последствия, выходящие за рамки закономерностей их развития» [1].

Однако реакционные буржуазные идеологи отнюдь не склонны складывать оружие. В поисках выхода из создавшегося положения они конструи-

---

[1] *W. von Bredow.* Vom Antagonismus zur Konvergenz? S. 25—26.

руют новые концепции с учетом изменившихся условий, способные, по их мнению, не только замаскировать кризис, переживаемый антикоммунизмом, но и сохранить известную преемственность по отношению к тем буржуазным доктринам, которые всегда ориентировались на поражение социализма. О том, насколько усложнилась сегодня для них эта задача, можно судить на примере концепции «антагонистической кооперации», изложенной В. фон Бредовым в его книге «От антагонизма к конвергенции?».

На фоне многочисленных публикаций на подобные темы книга В. фон Бредова отличается рядом заметных преимуществ. Она почти свободна от прямых выпадов против социализма и его идеологов, взгляды которых он предпочитает цитировать без комментариев. Кроме того, он стремится, насколько это вообще возможно для буржуазного теоретика, придерживаться фактов реальности, в первую очередь политической реальности наших дней. Это ему удается сделать во многом лучше своих предшественников, быть может из-за того, что основным объектом своей критики он избирает теорию конвергенции, действительно легко уязвимую в своих основных положениях.

По мнению западногерманского социолога, уязвимость этой теории обнаруживает себя особенно очевидно в оценке разрядки напряженности в мире. Конвергенты видят в разрядке лишь одну, причем не самую существенную, сторону процесса, а именно возможность расширения связи между странами с различным социальным строем. Но они упускают из поля зрения главное — то обстоятельство, что разрядка осуществляется в условиях острого политического и идеологического противоборства систем, которое и определяет ее развитие. В этой связи, по мнению В. фон Бредова, «надежды на изменение социалистического строя в результате всестороннего расширения контактов вряд ли найдут практическую реализацию, во всяком случае в настоящее время» [1].

Особенно возмущает В. фон Бредова та беспечность, с которой сторонники конвергенции относятся

---

[1] *W. von Bredow.* Vom Antagonismus zur Konvergenz? S. 136.

к возможным трансформациям капиталистического строя, их нежелание учитывать всю степень риска, которому может быть подвергнут этот строй в случае осуществления конвергенционных прогнозов. Поэтому западногерманский социолог пытается разъяснить им, что противоборство систем — это далеко не то же самое, что, например, означает дележ рынков, что здесь речь идет о самом существенном — «о принципе формирования человеческого общежития на всей земле» [1]. Ведь именно об этом, напоминает он, постоянно и открыто говорят коммунисты, «для которых противоборство систем означает борьбу нового со старым, выход из которой они с научной достоверностью предсказывают в победе нового, т. е. социализма» [2].

Понятие конвергенции не соответствует реальному развитию отношений, складывающихся между капиталистическими и социалистическими странами в нынешних условиях,— таков общий вывод, к которому — не без основания — приходит В. фон Бредов. Для характеристики этих отношений он предлагает использовать понятие «межсистемная антагонистическая кооперация», которое, в формулировке В. фон Бредова, означает «совместную работу между антагонистическими обществами» [3]. С его точки зрения, оно наиболее точно учитывает и изменения, происшедшие в международной обстановке, и то, что в ней осталось от прежних времен. При этом он подчеркивает, что «антагонистическую кооперацию» всегда следует рассматривать как «частичную» кооперацию, строго ограниченную определенными рамками политических и идеологических условий, в которых сотрудничают социально различные страны. Ее нельзя смешивать с «мирной кооперацией», которую пропагандируют некоторые сторонники конвергенции, в частности американский социолог Д. Гэлтунг.

По мнению Дж. Гэлтунга, развитие «мирной кооперации» между капиталистическими и социалистическими странами Европы и их партиями не исклю-

---

[1] *W. von Bredow*. Vom Antagonismus zur Konvergenz? S. 135.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., S. 138.

чено и в условиях разрядки напряженности. Однако для этого должен быть выполнен ряд условий, главным из которых он считает соблюдение принципов «симметричности» и «равной выгоды». Это означает, что обе системы должны затратить приблизительно равные условия в деле расширения сотрудничества, принимать равное участие в решении возникающих в ходе его проблем и вследствие этого приблизительно равным образом изменяться. В конечном итоге процесс мирной кооперации должен привести к тому, что вступившие в сотрудничество страны и по своей социальной структуре станут достаточно близкими друг другу.

Тот факт, что советолог В. фон Бредов выступает с критикой этого очередного варианта конвергенции, вряд ли может вызвать особые возражения даже у марксистских теоретиков, для которых его реакционность вполне очевидна. Однако в данном случае суть дела состоит не в выяснении антимарксистской направленности этого варианта, а в выяснении того, каким образом В. фон Бредов опровергает его, на чем он при этом акцентирует свое внимание. В этой связи особенно бросается в глаза то обстоятельство, что западногерманский советолог не отвергает концепцию «мирной кооперации» как порочную в самой сути, а отмечает в основном ее несвоевременность, критикует ее лишь выборочно, по отдельным пунктам, считая своим долгом при этом оговориться, что только «ряд приводимых в ней условий не может быть выполнен» [1]. Пожалуй, больше всего его не устраивает в концепции Гэлтунга стремление последнего провести в качестве такого условия принцип равенства и взаимовыгоды, который В. фон Бредов считает совершенно неприемлемым для «антагонистической кооперации». В результате создается впечатление, что В. фон Бредов не опровергает, а, скорее, корректирует концепцию Гэлтунга, считая ее не реалистичной лишь «в данных условиях взаимоотношений между Востоком и Западом» [2], но не в принципе и, во всяком случае, не в будущем. Разумеется,

---

[1] *W. von Bredow.* Vom Antagonismus zur Konvergenz? S. 139.
[2] Ibid., S. 140.

подобная критика идей конвергенции не может рассматриваться как ее опровержение.

Концепция «антагонистической кооперации» В. фон Бредова является одним из подтверждений того примечательного факта, что реакционные круги Запада предпочитают теперь доверять защиту своих классовых интересов наиболее гибким и осторожным идеологам из лагеря антикоммунистов. Не рискуя выступать открыто против разрядки международной напряженности и принципов мирного сосуществования, эти круги не отказываются тем не менее от надежды использовать разрядку в антисоциалистических целях и не собираются окончательно предать забвению реакционную стратегию «ползучей революции», или «наведения мостов», которая, по их мнению, не исчерпала еще всех своих возможностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реальный ход событий последнего десятилетия не подтвердил надежд буржуазных идеологов на развитие процессов «либерализации» социализма и «социализации» капитализма. Вместо предсказываемых конвергентами развития рыночной стихии, децентрализации и других деструктивных явлений внутри социалистической экономики она укрепила свои позиции не только в национальных, но и в международных масштабах.

Не оправдались и предсказания буржуазных теоретиков относительно деидеологизации сознания народных масс социалистических стран. Борьба, развернувшаяся в наши дни на этом участке противоборства систем, показывает, что влияние марксизма в современном мире не уменьшается, а неуклонно растет. Это обстоятельство признается теперь многими буржуазными идеологами. «Господство марксизма среди нас, — отмечал, в частности, французский социолог Бертран де Жувенель,— можно сравнить с распространенностью в прежние времена аристотелизма, влияние же его на наши действия значительно больше, и это независимо от того, читали мы Маркса или нет, признаем ли мы его либо боремся с ним» [1].

Иллюзорными оказываются и ожидания конвергентов, связанные с НТР, их оптимистическая вера в ее способность автоматически разрешать острые социальные проблемы капиталистического общества.

---

[1] *B. de Jouvenel.* Die Kunst der Vorausschau. Neuwied — Berlin (West). 1967, S. 92.

Сегодня это общество в еще большей мере, чем это было раньше, обнаруживает глубокие кризисные явления, охватившие, по существу, все сферы его жизни: экономику и политику, энергетику и финансы.

Все это говорит о том, что многие, еще недавно популярные, лозунги конвергенции не выдержали испытания временем. Однако было бы преждевременно, исходя из этого, делать вывод о том, что теория конвергенции уже изжила себя и представляет чисто исторический интерес. Напротив, в последнее время в связи с новыми явлениями в отношениях между социалистическими и капиталистическими странами на Западе наблюдается оживление интереса к теории конвергенции. Без преувеличения можно сказать, что обсуждение проблем мирного сосуществования становится сегодня центральной темой идеологических манипуляций сторонников конвергенции и является одной из причин ее своеобразного «ренессанса».

Наиболее агрессивно настроенные конвергенты, искажая существо принципов мирного сосуществования, стремятся распространить их на сферу духовной жизни. Известный уже нам Клаус Менерт сегодня вновь выступает инициатором тотального идеологического наступления на Советский Союз, призывая использовать в этих целях все доступные средства. «В этом смысле, — пишет он, — все, что ставит под вопрос советские притязания на руководство и на конечную победу, будь то автомобиль с итальянским номерным знаком на улицах Минска или Москвы, абстрактная живопись или теория конвергенции, является идеологией»[1].

Зависимость эволюции идей конвергенции от изменения внешнеполитической ситуации и особенностей идеологической борьбы на том или ином этапе развития общества представляет одну из характерных черт рассматриваемой нами теории. Знание этой черты, бесспорно, важно для определения некоторых возможных модификаций конвергенционных идей в ближайшем будущем, хотя и далеко не достаточно для окончательных выводов.

---

[1] «Osteuropa», 1973, N 11, S. 797—798.

Известно, что наряду с выполнением определенных идеологических функций идеи конвергенции играют важную роль в развитии современной буржуазной социологии, особенно тех ее разделов, которые связаны с прогнозированием будущего, с конструированием перспективных для капитализма концепций философии истории. Еще совсем недавно отсутствие таких концепций не вызывало большой тревоги буржуазных обществоведов. Более того, эмпиризм и прагматизм социологии Запада рассматривались как одно из ее несомненных преимуществ по сравнению с «идеологизированными концепциями Востока». Ныне такое состояние общественной науки перестает устраивать буржуазных социологов. «Сегодня, — не без основания утверждает западногерманский историк Р. Мессершмидт, — нацию создает не только история, но и понимание важнейшей задачи будущего нации. Такого сознания будущего — а коммунизм живет этой идеей — мы еще не имеем. По меньшей мере мы пока не выработали его в достаточной степени как общественное сознание»[1].

В этой связи становится понятным, почему такая рыхлая в своей методологической основе, насквозь эклектическая и прагматическая концепция общественного развития, какой является теория конвергенции, несмотря на очевидную уязвимость многих своих догматов, продолжает привлекать внимание западных социологов. Однако синтетический идеал общества будущего, скомпонованный из произвольно выхваченных и искусственно соединенных признаков противоположных социальных систем, который венчает теоретические усилия либерально настроенных конвергентов, на деле оказывается типичной идеалистической спекуляцией. Теория конвергенции не способна дать буржуазной социологии конструктивного, освобожденного от социальных предрассудков, представления о будущем, поскольку рассматривает это будущее вне анализа революционно-преобразующей деятельности масс, развития классовой борьбы пролетариата.

---

[1] *F. Messerschmidt.* Die Nation in der politischen Bildung. In: «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», Heft 11, 1966, S. 662.

Идеи конвергенции остаются, по существу, средством апологии капитализма, в этом их главная идеологическая роль. Выступая на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, председатель Коммунистической партии Люксембурга Д. Урбани подчеркнул: «Предпринимаются попытки заставить рабочий класс поверить в то, что если вино марксизма-ленинизма немножко разбавить водой, а в уксус капитализма добавить немного социалистической приправы, то получится напиток, вполне подходящий для всех. По-научному это пойло называется «конвергенцией», политически оно именуется «гуманным социализмом», а на практике означает сотрудничество с капитализмом в целях его спасения» [1].

Отрицая качественное различие социальной природы противоборствующих систем, теоретики конвергенции пытаются затормозить историческое развитие человечества, направить его в русло модернизированного капитализма. Ход истории, однако, неумолимо ведет к торжеству коммунизма.

---

[1] «Правда», 16 сентября 1969 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иванов Геннадий Иванович
СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ КОНВЕРГЕНЦИИ

Заведующий редакцией *А. И. Могилев*

Редактор *С. Л. Воробьев*

Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова, Е. С. Молчанова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

Ответственный корректор *Н. М. Дебабова*

Сдано в набор 22 ноября 1974 г. Подписано в печать 28 февраля 1975 г. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 10,5. Учетно-изд. л. 9,92. Тираж 30 тыс. экз. А00030. Заказ № 4044. Цена 30 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл. 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

30 коп.

